

АРСЕН ЕРЕМЯН
**РОБИНЗОНЫ
В ГОРОДЕ**

Рассказы разных лет

Родному Тбилиси посвящается

Тебе был свет дан в теплом городе
И в нем нашел свою судьбу.

Арсен Еремян

Романов, Владимир Иванович

АРСЕН ЕРЕМЯН
**РОБИНЗОНЫ
В ГОРОДЕ**

Рассказы разных лет

Тбилиси
2009

На обложке – Старый Тбилиси, где крыша дома твоего
деталь двери книгохранилища Матенадаран.

© Арсен Еремян

ISBN 978-9941-0-1443-7

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ЭПОХА

Лучше всего о книгах говорят сами книги. И, тем не менее, почти всегда их сопровождают или предисловия, или послесловия. Конечно, в этом есть свой смысл, что и побудило меня взяться за перо и написать своего рода напутственное слово к книге Арсена Еремяна.

С автором я знакома давно. Сперва знала его заочно, по запоминающимся публикациям в газетах, а после познакомилась и лично.

Как-то, году в 93-м, при встрече Арсен обмолвился, что написал новые рассказы. Я попросила принести их мне, в редакцию «Литературной Грузии», где я работала заместителем главного редактора. Он предоставил восемь рассказов – на выбор. Были выбраны и опубликованы все восемь!

Прошли годы, и Арсен подарил мне свою, тогда только вышедшую, книгу «Гром победы» (а всего у него книг больше десяти) – это целый каскад прекрасных рассказов, вернее, инфорассказов, инфоновелл о выдающихся грузинских спортсменах (и не только грузинских), о крупнейших, и сегодня волнующих воображение состязаниях, о золотых медалях и мировых кубках, но главное – о духовном, душевном мире этих легендарных людей, наших современников, зачастую – знакомых многих из нас. Это книга-история, книга-мемориал, отразившая эпоху – противоречивую, сложную, и воссоздавшая атмосферу спортивной жизни минувших лет, в которой было место и силе духа, и дружбе, и чистоте.

А потом последовал сборник стихов «Автограф», в котором Арсен Еремян предстал перед читателем как самобытный поэт со своим неповторимым голосом. Книга вызвала заслуженный резонанс, и круг почита-

телей таланта автора еще более расширился.

И вот теперь передо мной его новая книга – сник рассказов разных лет. Ее название – «Робин: в городе» – интригует и одновременно от него детством, самой дорогой порой нашей жизни и жалуй, во многом самой определяющей.

Итак, три книги солидного объема и интерес содержания. Это очень много для человека, ак: работающего в журналистике, для газетчика, труд – ежедневный и еженощный. Посвященны гласятся со мной. Ведь книги писались в обстан непреходящей спешки долгого газетного дня, дне: текучки, рабочих совещаний, между ночными деж: тавами с читкой и правкой газетных полос...

Термины «инфорассказ» и «инфоновелла», уп: нутые мной, относятся и к книге «Робинзоны в : де». Автор пишет своих героев опять-таки «с нату: но, опираясь на документальный материал, соз: полноценные художественные произведения могу не отметить один из особенно запомнивш: рассказов «Не плачьте обо мне», в котором ож: целая галерея образов – Котэ Марджанишвили: супруги Елены Марджанишвили-Донаури, их до: Ирины и зятя Серго Челидзе, внуков Левана и Ко: Челидзе. Автор верен своей способности пора: читателя сенсационно незнакомыми фактам: текст рассказа включено неизвестное стихотвор: К.Марджанишвили, когда-то попавшее к А. Ерем: и сохранившееся в его огромном архиве, пол: подлинных раритетов.

Также «с натуры» написан рассказ «Се-го-: Се-го-кю – так звали фотомастера в славном го: Тбилиси, где чего и кого только не было! И как: го нашло свое неповторимое отражение в расск: А.Еремяна!

Героев своих рассказов автор иногда дол: упорно разыскивает, становясь исследователем и допытотом. Он кропотливо собирает и бережно хр: документы и фотографии, большинство из котс

по-настоящему уникально. Арсену удастся разыскать и разговорить людей, окружавших героя своего будущего рассказа. Потому-то эти рассказы документально точны и в то же время художественны, а образы в них – яркие и живы. Автор подмечает и передает такие неожиданные детали, нюансы, которые превращают его повествование в яркие и незабываемые картины. Читая эти рассказы-документы, которых больше нигде не найти и которые живописуют реальные события и реальных людей, я вспомнила нашумевшее в свое время произведение Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь». И мне подумалось, что обе книги Арсена Еремяна – «Гром победы» и «Робинзоны в городе» – вполне могли бы называться «Люди, события, эпоха».

Да, именно эпоха оживает вместе с героями рассказов А. Еремяна.

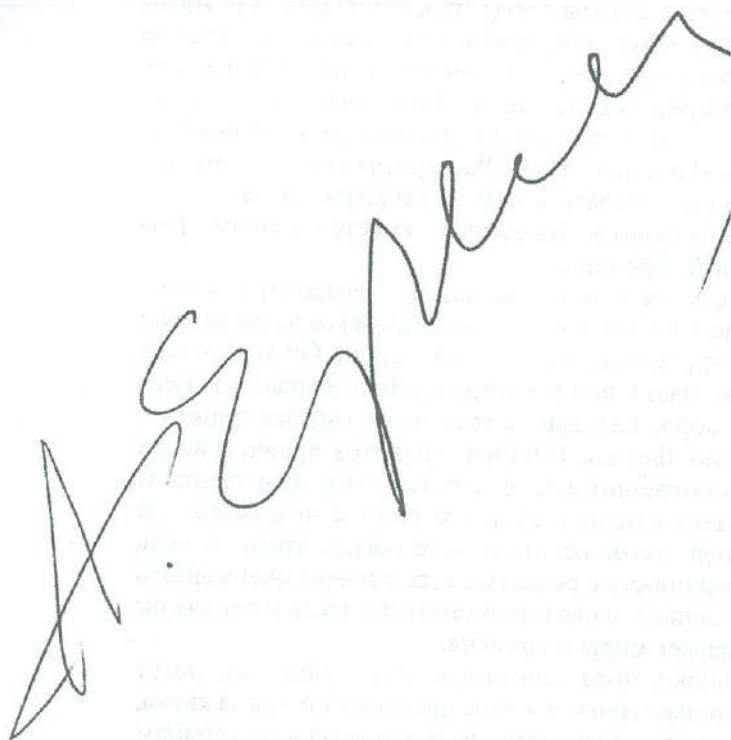
И вот что еще важно: автор – уроженец Тбилиси, города, в котором на протяжении веков жили многие и многие поколения рода его матери. Он любит этот город, знает и ценит его традиции и обычаи, для него здесь дорог каждый камень, здесь ему все понятно, знакомо, близко. Тбилиси – у него в крови, и автор необыкновенно щедро делится этим драгоценным чувством любви к своим корням с читателем. И читатель не может не почувствовать этого. А ведь привязанность к родным местам значит очень много – это основа, на которой стоит писатель и откуда он обозревает миры и времена.

Однако, пора вспомнить, что «лучше гор могут быть только горы», а лучше предисловий – сама книга, и пожелать ей счастливого путешествия по сердцам многих-многих читателей!

Камилла-Мариам КОРИНТЭЛИ

РАССКАЗЫ РАЗНЫХ Ж

I

ВЕЛИКАЯ ОБЩНОСТЬ

ВЕЛИКАЯ ОБЩНОСТЬ

Как-то раз мы с внуком Арсеном вышли погулять, поднялись на Метехское плато, подальше от шума городского.

Не по-осеннему светило солнце, согревало и высвечивало зеленый овал площади Горгасала внизу, далекие шатры тянувшихся друг к другу Мтацминды и Нарикалы, крутой излом неспешно текущей Куры.

Благовест колоколов Святого Сиони величаво плыл над городом, над которым простер могучую каменную десницу его строитель и первый правитель.

- Какой красивый город Тбилиси, - неожиданно сказал мой шестилетний внук, как и я, очарованный этим мгновением.

Скольким пылким менестрелям еще должен дать жизнь этот город, чтобы выразить сполна его красоту и притягательность, неповторимый характер тбилисцев, поэтов и художников от рождения, чьи предки, испив воды этой реки хоть раз, навсегда сохранили в крови пожар негасимой любви к вечному городу.

Мтквардалеулნი*. Великая общность людей.

* Испившие воды Мтквари - Куры (груз.).

ДОМИНАНТА

«Поллбуйтесь на этого хулигана!» Одишар Пифагоровы штаны бросил мел, которым стучал доске, выводя формулы, подошел к окну. Он наконец увидел то, за чем заинтересованно следил весь класс - свидание Омарова с Томой, самой симпатичной девчонкой соседней школы. Саша только что стал чемпионом города, купался в лучах славы. В вестибюле женской школы она напомнила о себе дождем записок с объяснениями в любви. Придумавшие разделы обучения бесполое наробразовские чинуши бы посрамлены. Весна превратила в райский сад узкую полоску ничейной земли между дворами и скалою горами щебенки, ржавыми железками, постылыми человеческими отправлениями, бросила слабую податливую плоть в сильные, годами тренированные руки, привыкшие ломать сопротивление.

Они приблизились к стальной трубе, - считалось особым шиком съехать по ней с Комсомольской аллеи, поживаясь от страха, - зашли за кирпичную кладку, недоступные взглядам, как темная сторона луны, а мы, далекие от консультации по математике от предстоящего экзамена, ревновали и тревожили за Тому, держа в уме его шоковую откровенность: и он со знакомым, имевшим не одну судимость, встали за городом двух сельских девчонок и, угрожая ножами, затолкали в Коджорский лес, где, соревнуясь в скотстве, оживленно переговариваясь и торопя последний миг, позабавились ими.

«Сумароков на война, Одишария больна, на телефоне Сара».

Как часто вспоминалась из школьного фольклора сорок третьей эта фраза уборщицы в гулкой немой учительской. Сумарокова в школе мы не застали, он начальствовал в летном училище, удостоился неформального звания, но уровень учебного процесса поднятого им на небывалую высоту, долго оставался

образцовым. В круговерти годов и событий стерлись в памяти подробности, и не легко ответить на вопросы шутильной викторины выпускников знаменитой тбилисской школы: вспомнить имя и внешность старика, сололакского жителя, - он имел собственное знамя и за умеренную плату шел с ним во главе похоронной процессии, - и как звали, к примеру, чистильщика обуви на улице Кирова.

Одно из самых ярких впечатлений - подготовка к парадам и демонстрациям народного ликования. Гордость школы духовой оркестр, обязанный своим рождением маэстро Николаю Чичинадзе, могучим легким двух дюжин ребят, положенным в общий котел нашим кровным десяткам, становится впереди школьной колонны, которая строевым маршем стекает вниз по улице. Охрипший от команд, физрук Шота Павлович забегает вперед, припадая на правую ногу. Гремит медь оркестра, мельтешат голые коленки, сотни ног печатают на асфальте четкий шаг. Нежный, как девушка, запевала из нашего класса заводит песню: «Летят перелетные птицы». Колонна дружно отзывается: «В штанах». Нам знаком этот нехитрый фокус. Расстояние в двести метров до женской школы, из окон которой свешиваются любопытные головы, - они начинают движение после нас - надо пройти так, чтобы на музыкальную фразу запевалы: «А я остаюсь с тобою» радостно выкрикнуть в сотни глоток: «Без штанов». Бедный Исаковский! Бедный Блантер!

Теперь мимо моего дома топаем вдоль по набережной, чтобы надолго застрять в районе госцирка, всецело завися от сценария распорядителей праздника. Если повезет - школа, гремя агапкинским маршем «Прощание славянки», идет мимо правительственной трибуны - угрюмо-равнодушных лиц с нахлобученными на уши шляпами, но чаще музыкантов забирали в сводный оркестр, сводя дело к обычной уравниловке. Последние сотни метров проходим по Пушкинской улице, как стадо баранов. На Колхозной площади ненужные знамена летят в раскрытые чрева

грузовиков.

Жизнь оказалась много сложнее нескольких канчигов, пропущенных в винном погребе на Майне, где у дяди Сандро всегда имелось неразбавлен саперави. Крайне редко шел я на традиционные всчи в Тбилиси и Ереване, на апрельские торжества, чему нас обязывает школьный устав. Но всегда и нуюсь, оказавшись волею судеб возле трехэтажного здания с высокими окнами, со следами на фронте былой надписи: «Манташевская торговая школа», вспоминая, какими мы уже не будем.

Александр Семенович Пампалов, наш учитель пения, обладал редким даром рассказчика. В его исполнении либретто оперы об истории любви египетского полководца и черной рабыни, дочери эфиопского царя, обретало библейскую поэзию и мудрость, отбрасывая на всю жизнь сладким дурманом творчества.

Неистощимый на лабораторные выдумки милый Яков Иванович Костава, во славу периодической системы Менделеева, однажды едва не превратился в прах, взорвав на уроке адскую смесь собственного приготовления.

Неизменно корректный Ник-Ник Тавдгиридзе, когда не прибегал к конспектам и классному журналу, рисуя в записной книжке одному ему понятные знаки, очерчивая на доске одним взмахом руки идеальную окружность, под общий вопль восторга.

Елена Георгиевна, урожденная княжна Туманян, приобщила к книге не одно поколение лауреатов, генералов, профессоров, агрономов, авиастроителей, писателей, журналистов, юристов, врачей, музыкантов, художников. Это Елена Георгиевна изговорила о своих учениках: с черной обугленной доски, с опаленных огнем листов бумаги смотрят сегодняшних несмышленишек мальчишки, кто давно остались семнадцатилетними, в сгорающих самолетах и танках в первые дни войны, и среди них неожиданно – лицо нашего первого завуча Нины Антоновны Добрыни фотографией ее сына.

Зара Юрьевна Мусиева, завуч и педагог русского языка и литературы, после выпускных экзаменов удивила меня советом поступить в технический вуз, а когда я этому воспротивился, сделала запоздалое признание: «Из-за тебя я чуть было не ушла из школы».

Помню педсовет, грозный, неумолимый, как суд жрецов в «Аиде», себя, опасную скверну, от которой следовало немедленно избавиться. Но почему она все эти годы молчала?

Педсовету предшествовала контрольная работа по основам дарвинизма. Писать я ее отказался, считая бесполезной в данной дисциплине, о чем откровенно сказал Ивану Павловичу, за откровенность удостоился единицы в журнале, был выставлен в коридор, где очень некстати попался на глаза директору школы Шалве Дмитриевичу Бзикадзе. Попыхивая знаменитой трубкой, важный и безволосый, как слон, он прохаживался мимо прилежных классных комнат, приторно слащавого афоризма Лаврентия Берия на стене: «Героизм и мужество школьников – это учеба на отлично» и, конечно же, постарался раздуть из этой самой по себе неприятной истории пламя возмездия, перед которым померк бы московский пожар 1812 года. Райком комсомола решение об исключении, ясное дело, не подтвердил.

Последняя четверть кончалась. Не будучи аттестованным по предмету и предвидя страшную месть, готовлюсь подороже продать свою жизнь. Для начала одолжил на вечер учебник, которого на весь класс было несколько, прочел от корки до корки.

Кавтарадзе вызвал меня первым, предупредил, что задаст три вопроса, и я вышел в открытое море удивительной науки биологии, любимой давно и беззаветно, с неистовством первой любви, которой собирался заняться всерьез, в чем меня поддержал приехавший домой на побывку мамин брат Василий, впервые мной увиденный, в тридцатых годах сосланный на пожизненное поселение в Вятку.

Скоро я почувствовал себя неудобно в малозна-

комых местах, взял себе в спутники молодого рителя станционных часов – работа непыль соответственно низкооплачиваемая – в губер городе Козлове, который тогда еще не был ринском, узнавая его мечту покрыть садами р Тамбовщину. В одном из них, таком малом, ч него можно было накинуть его форменную ш ку, он высмотрел скромную светловолосую дев которая, распевая, возилась с цветами, радуясь с и утру. Он просил руки маленькой певуньи и по согласие, найдя в ее лице восторженную поклон и крохотный сад для опытов. Как часто бывает, чалу он мало знал, смутно представляя себе то, ч временем свяжут с его именем, назовут методом ленной гибридизации, а пока заглядывался на г вые деревья за высокими оградами богатых у угощался яблоками, когда угощали, пряча укра карман огрызки с драгоценными семенами, по не уличили, после объяснения нарвали разных : кулек, охотно рассказали о прививках. Он оста свой выбор на яблоне китайке, низкорослой и н хотливой, ее кривобокие плоды проигрывали ря безупречными формами аристократок – бельф шафранов, ранетов, кандилей, но могучие жизн силы, угаданные им в дурнушке-простолюдинк изменно побеждали в споре родительских пар, , высокоустойчивое потомство.

«Доминанта!» - сказал Иван Павлович и тор вующе посмотрел в притихший класс.

Как жаль, что гордые слова мечтателя из со Козлова о невозможности ждать милостей от п ды, призыв взять их у нее, объявленный чуть . всенародной задачей, - мне кажется, он сказал э подумав, - были превратно истолкованы присп ленцами от науки, бездумными авторами рукотво морей, на дно которых ушли божие храмы, дере кие погосты, старинные поселения с улицами, и торым гуляют волны. Результаты апокалипсиче как это было с другим, не менее известным тез

буревестника революции: «Если враг не сдается, его уничтожают», оприходованным ежовщиной.

Иван Павлович тогда спросил, известны ли мне имена селекционеров-дарвинистов на Западе. Первым называю Лютера Бербанка, прошедшего долгий путь познания, признавшегося в горькую минуту, что ему пора открыть дровяной склад.

«Сегодня ваш класс сделал мне подарок, - Кавтарадзе не пытался скрыть волнение, - это самый счастливый день в моей жизни».

И теперь, через много лет, в трудные часы разочарования и слабости, черпаю силы в уроке нравственности и великодушия педагога, ставшего выше собственной обиды доминантой добра.

Потом по моей просьбе он написал для классной стенгазеты совершенно блестящую статью, которую перепечатали в школьной газете. Она сделала бы честь толстому столичному журналу, - что-то вроде наказа молодежи, вступающей в жизнь, не похожая на заветы вождя, лысого и картавого, вещавшего делегатам третьего всероссийского съезда комсомола в октябре 1920 года о коммунистической нравственности, уже к тому времени полно себя выразившей. Многие делегаты съезда косаревского призыва заплатились за нее жизнью.

Осталось загадкой, откуда пришел к нам в школу, никогда не испытывавшую недостатка в блестящих педагогах, этот ученый человек, сочетавший специальные знания с литературным мастерством, как нашел он добрые, человеческие слова, смело цитируя сакраментального Ивана Петровича Павлова, великого старца, распинаемого в те годы средневекового мракобесия, странной войны с вейсманизмом-морганизмом, щедрых посулов шарлатанов, обещавших молочные реки в кисельных берегах; и сегодня несть им числа.

Мы хоронили Ивана Павловича через одну весну, первого педагога, чья смерть застала нас в школьных стенах, растерянные, шли по пустой улице, перекры-

той от транспорта, нетвердо зная, что еще у нас жестокая жизнь.

«Сумароков на война, Одишария больна, в фоне Сара».

Для кого-то это смешная история из шко фольклора, несвязный разговор бедной убор вынужденной отвечать на телефонные звонки телой учительской далекой военной поры, а ее как живую.

В войну мы приносили из дома по квадрат детской хлебной карточки, за него в школьном те выдавали маленькую булочку землистого В тот день случилось ужасное: я потерял квадратик, право на дневной паек, и тогда Са единственный сын так и не вернулся с войны. малограмотная Сара, над кем до сих пор нез подшучивают, дала мне булочку, свой пай хлеб, собственно говоря, незнакомому мальчи просто решив для себя государственную задачу лучшее - детям.

СОБАКА И УЛИЦА

Собака ни о чем не подозревала. Она слом ву гонялась за воробьями, потом оказалась рья пьяным, и он ударил ее ножом. Отрывистый котором захлебнулась боль. Пьяный, хватаясь за пошел по улице. Он сыпал проклятиями, слов отвлечли от важных дел. Собака осталась на мост ей неудобно на острых камнях, но трудно разгул с порезанным горлом.

Я вижу глаза собаки, затуманенные страдан
- Держитесь подальше, - предупреждает немая женщина, - собака может укусить.

Я слышу топот множества ног - к собаке любопытные. Они боятся опоздать, ведь не чаи улице ножом ударяют собаку. Ударяют так уд

что собаке не выкарабкаться. Потом они стоят рядом и смотрят на темную струйку, которая стекает на камни. Голова собаки бессильно откинута набок. Она вздрагивает всем туловищем, и тогда струйка стекает быстрее. По мостовой расплывается темное пятно. Когда у собаки вытекает столько крови, ей крышка. И всем любопытно взглянуть на собаку, которая цепляется за жизнь. Люди тесным кольцом окружили собаку, и запах крови щекочет им ноздри.

Я смотрю на умирающую собаку, и беспокойство мое растет: с минуты на минуту подойдет Мадо. Я медленно иду к дому. Солнце бросает мне в спину сотни сверкающих ножей, они кусают кожу и не причиняют вреда. Нож пьяного острее, он пригвоздил собаку к пыльной мостовой. Я поднимаюсь на второй этаж. Как много ступенек у короткой лестницы. Я преодолеваю ступеньки и попадаю в комнату. Дверь с грохотом захлопывается за мной, со страшным ударом, после которого все кончено.

Я прислушиваюсь к голосам снаружи. Я слышу шаги на пороге моей комнаты. Нас разделяет глухая дверь.

— Почему вы позволили ее убить?

Это Мадо, бывший портной. Он живет в комнате, выходящей на мостовую. Никто не знает, откуда пришел Мадо, из какой сирийской пустыни, остался один как перст, и это считают не в его пользу. Мадо спрашивает, почему мы позволили убить собаку. Я отвечаю молчанием. В моей комнате умирает собака, и Мадо ждет ответа за закрытой дверью. Я многое мог бы рассказать о собаке, но молчу. Мне трудно говорить со стариком. Никто на нашей улице не помнит, чтобы к старику кто-либо приходил. В середине месяца забегал почтальон. После его ухода Мадо шел в гастроном. Он жарил яичницу и смотрел, как собака ест. И это видела наша улица. И люди удивлялись, что собака ест, а старик только смотрит. У Мадо подозрительно блестящие глаза, но ведь к старости глаза сами собой начинают слезиться.

Теперь собака умирает на мостовой, и спрашивает: за что? Мы были хорошими сосе и он спрашивает, почему мы позволили.

Я падаю на постель, зарываясь лицом в под пойманной птицей в руке трепещет пульс, и под швыряет из стороны в сторону. Я слышу глухой толпы. Я вижу мостовую в крови. Толпа нетерп напирает. Все мои соседи вышли на улицу. Мы хорошими соседями, нас связывают годы друж вижу своих старых партнеров по футболу. В де мы играли в футбол на мостовой. На мостовой рает собака, умирает на футбольном поле, и не знает, сколько ей осталось жить. Толпа нап смотрят с интересом, обмениваются репли. Смотрят, как занимательный фильм, историю с собаки. Смотрят мультфильм, рисованный кр И все смотрят.

Кто-то идет по улице и упирается невидя глазами в таксофон. «Скорая» обещает помочь

На улице появляется машина кремового и взвизгнули баллоны, как собака, которой разд лапу. Из машины выходит человек в белом и шивает, кто умирает на нашей улице. Его под к несчастной собаке, и собаке уже не гонят воробьями.

В комнату вползают сумерки. Ритмичный с стеной, это соседи, распаленные жарой и нич деланьем, кинулись в любовное беспамятство.

Я выхожу на улицу, забитую народом. Я дул Мадо. Старик вешает на дверь игрушечный з и его можно раздавить ладонями, как грецкий Сейчас дверь в комнату распахнута, но стари видно, он там, на острых камнях.

Улица растворилась в темноте. Темнота, одн нота. В темноте бегут люди. Они натываются на и вскрикивают от неожиданности. Собака ме спешить им незачем. Этим людям здорово не пс - вечерний сеанс отменен, но они не подозр об этом. Они подошли, когда все кончено. Но

пока не знают, им не терпится увидеть собаку. И люди пока не знают. Не знают, что все кончено. Не знают и бегут. Бегут по темной улице.

На нашей улице убили собаку.

СТРАХ

По утрам мальчик просыпался от стука молоточков. Невидимые дятлы без устали долбили пористый туфовый камень, которого было вдоволь всех цветов и оттенков, но больше всего розового, будто в него однажды вошло холодное утреннее солнце и осталось. Дятлы на поверку оказались обыкновенными каменотесами. Дома у них получались легкие, аккуратные, как коробки от тортов, немыслимо дорогих и недоступных, которые после голодных военных лет мальчик подолгу рассматривал в витрине коммерческого гастронома на улице Кирова.

Бабушка про утренних дятлов сказала, что это их соотечественникам разрешили вернуться на родину, и мальчик вспомнил песню о страннике, спрашивающего у журавля, нет ли вестей из нашей страны. Он впервые видел эту зависшую в небе двуглавую библейскую гору, с не тающими на близком солнце снегами, и в долине розовый город, который после многовековой спячки проснулся и стремительно рос. Дядя, в чьем доме мальчик гостил, был одним из виновников строительного бума. В свое время он отстроил чуть ли не полгорода, а теперь шел на рекорд – за пятнадцать дней предстояло собрать двухэтажный блочный дом. Рекорд состоялся, о нем даже писали в газете; его отметили воскресной вылазкой в Долину Цветов, где позже вырос центр олимпийской подготовки спортсменов. А в то первое послевоенное лето дядя со своим стройуправлением на радостях опорожнили уйму бутылок. Мальчик, хотя и пил одну родниковую воду, на обратном пути заснул и его сонного, после

поломки машины, внесли в сельский дом, угостили виноградом и теплым хлебом.

Возводя дома другим, дядя строительство своего жилья забросил, руки не доходили, хот стояло построить половину, другая – принадлея другу Гаро, жившему за стеной с семьей, в большой, как и у них, готовой комнате, с окнам часть его пришлось вырубить. Сухие ветви абре лежали в подвале и мягко пружинили, когда м прыгал на них с высоты второго этажа, с безрством молодости, зажмурив глаза, чтобы не напсна на сучок. Соседский сын так прыгать не умнего получалось, делал он это из озорства, от и энергии, вовсе не рисуясь перед девчонками – с двоюродными сестрами и соседской дочкой, к была наивна и мала, не закрывала дверь нужнк краю огорода и показывала хорошенькую щелсчитал ее гадким утенком и удивился, увидчайно через много лет, в полном расцвете жпривлекательности, в оперном театре, на гастрспектакле болгарского лирико-драматического Димитра Узунова.

Немцы появились неожиданно, высадил берег Гедар, как десант. В зеленоватых фр припудренные мелом, они сновали по участменивались короткими командами, смысл к мальчик смутно улавливал: сестра его по отцприхоти изучала с репетитором непрестижнмецкий язык, и он часто заглядывал в ее уче Безоружные немцы были совсем не страшнподобает пленным, и верилось с трудом, что нони убивали и жгли, гнали на морозе юную де раздетую и босую, прижигали ей лампой щеки вешали в Петрищеве, как в тысячах других де А теперь их, смиренных и покорных, привозилидебеккере, американском грузовике с брезен верхом, строить соседу-генералу трансформат киоск на углу сада, темного и большого, как саду как-то незаметно поспели все фрукты, к

охраняли неразговорчивые красноармейцы. Они, как тени, появлялись из-за густых деревьев, когда их не ждали. Правила домом женщина с надменным неулыбчивым лицом. Когда мальчик вырос, он наткнулся на громкую фамилию соседа в увесистом томе истории войны, где современные плутархи жизнеописали заслуги генерала, крепыша со смуглым моложавым лицом, который спешил наверстать упущенное в войну. Гости приезжали в трофейных мерседесах и опелях, виденных мальчиком в кинофильме «Подвиг разведчика», не спеша, с шутками входили в просторный удобный дом, освещенный как на пожаре, благо светомаскировку отменили. Их встречала оживленная, похорошевшая хозяйка, в которой не было ничего от обычной генеральши-несмеяны.

Поработав в саду, немцы садились обедать, говоря окружавшим их мальчику и его команде, что в привезенном супе воды много-много, а риса мало-мало, на что дети довольно бестактно спрашивали у недовольных этой, отнюдь не генеральской кухней: «Гитлер капут?» Пленные с ними не спорили и предлагали крестики, которые вырезали из оргстекла, в обмен на помидоры, ревниво охраняемые стариком-садовником, который явно не ладил с немцами. Мальчику вначале казалось, что крестики немцы отрывают от себя, а потом он понял, что нельзя кому-то одному обладать таким великолепием, даже самому доброму католику.

Кто-то из этих крестоторговцев вполне мог оказаться убийцей его двоюродного брата, чья похоронка пришла из Белоруссии в первые месяцы войны. Дядя побывал на местах недавних боев и даже видел неоплаканную братскую могилу, но верил в чудо.

А известия с фронта были одни хуже других, и мальчик боялся траурно-черной радиотарелки, подвешенной над старым холодильником. В нем хранили хлеб, но его всегда не хватало, хотя отец мальчика работал в аппарате Наркомпищепрома, курировал хлебозаводы, а в выходные дни выезжал с сослуживца-

ми в подсобное хозяйство под Поти, где им выделен участок. Привозимую отцом кукурузу относят к водяной мельнице; здесь, засыпав золотистое в ненасытные жернова, можно было спустить первый этаж и подставить мешок под струю сладковатой муки.

Строительство генеральского киоска шло к нему на валко. Мальчик интересовался к пленным собирая гербарий в книжечках Аркадия Аверин улыбчивых и грустных, случайно обнаружен шкафу. Истинную цену королю русского смел узнал, будучи студентом филфака. Двоюродный научный сотрудник, вместе с дядей и старым садом создавал это садово-огородное пиршество к и поощрял его интерес к природе. Но сам он — искупал в средстве от блох прилблудную собаку очень чистых кровей, отчего она тотчас сдохла баку они закопали в саду, положив сверху бетонный кубик с эпитафией, передающей смятение и и печаль от загубленной собачьей жизни, а закончили работу, увидели немцев, стоящих у спиной и читавших эти нехитрые слова. Было в то что они понимают ребячьи чувства и разделяя вспомнив оставленных дома фрау и киндер, но все же унесли камень, взятый детьми со стройки

Солнце клонилось за гребни гор, с обнажен Канакерского плато подул северный бриз, и взволнованный садовник сообщил, что кто-то тошил огородные грядки. Дети восприняли этот сигнал к игре, рассыпались по саду, громко обслушавшись, призывая все беды на головы вои угрожая им скорой расправой. Разгоряченный б мальчик вбежал в ближний отсек недостроенного киоска и вздрогнул от неожиданности: в шаге от него на бетонном полу, сжался в комок немолодой не закрывая натруженными руками седеющую голову. Его большое тело била мелкая дрожь, а рядом с горкой помидоров и огурцов, теплых от солнца смотрел на мальчика глазами затравленного з

обреченно и заискивающе, готовый нести наказание за кражу, осуждаемую у всех народов и во все времена, а тут его вина усугублялась положением пленного.

Мальчик ростом с его ногу, которого сейчас можно было ушибить одним пальцем, увидел высокое безучастное небо и, чувствуя в сердце жалость и печаль, молча вышел наружу.

«Ты никого не нашел?» – спросила подбежавшая сестра, но он только покачал головой.

РОБИНЗОНЫ В ГОРОДЕ

«Не нравится мне этот матрос», – сказала тетя, собирая к ужину. «А почему, собственно, он тебе должен нравиться?» – игриво спросил дядя, не отрываясь от бумаг на столе. «Не знаю, – стояла на своем тетя, – что-то в нем есть такое». Сказала и задумалась, не замечая, как горячая кастрюля жжет ей пальцы.

Я тогда еще подумал, в чем провинился молодой матрос, который днем лежит в саду, как бревно, не видя яблок над головой, которые так и просятся в руки. От хозяев дома мы знали: он друг их сына, убитого в самом конце войны, и приехал погостить у моря.

Гость нигде не работал и вскоре предложил купить у него шелковую сорочку, голубую и красивую, но дяде она оказалась мала. Матрос этим нисколько не огорчился и под вечер пошел с младшим сыном хозяйина Гошей и со мной на дикий пляж, разрисованный сухими коровьими лепешками. Он разделся, татуированный, как маорийский вождь, ласточкой нырнул под вздыбленную волну, высотой с наш дом, и так долго не появлялся на закипающей морской поверхности, что я забеспокоился. Нырятьщик, отчаянная голова, все-таки всплыл в полусотне метров от нас. Потом поплыл быстрым кролем, и мне захотелось его сфотографировать допотопным гомзовским аппара-

том, выпрошенным на время у двоюродного брата в Тбилиси. Я знал о технике съемки спортивных кадров из книги по основам фотографии, которую перед отъездом в магазине на площади Берия взял с коробкой фотопластинок очень низкой светочувствительности – у меня с ними ничего не получалось из-за солнца, его здесь было слишком много.

Видя мои фотомытарства, Гоша обещал научить меня плавать, что было нелегко после того, как мы поймали в речке пару сытых неповоротливых карпов и носом к носу столкнулись с красивой змеей, которая, как я выяснил дома по картинке в учебнике, оказалась вульгарной гадюкой. Гоша не растерялся, ударом палки перешагнув ей голову, но этот слоненка надолго отбил у меня охоту заниматься водными процедурами.

В самом городе пляжи были знаменитые: с галькой, добросовестно отмытой морем, не облупленные царствующими особами. Но за строительство завода мясных полуфабрикатов дядя редко выбирался в город, и мы, дети, полагались на оставшихся робинзонами на этом малолюдном берегу известном как Сухой Лиман, среди пыльных полей лавра и табака. Пригодной земли вокруг малоприусадебные участки подступают к самому желтому дорожному полотну, и дядя, по-человечески понимая хозяина, сохранил ему, ради достатка в доме, кусок мандаринового сада, который попадал под полог подлежал вырубке.

Трудно было не только с землей, но и с работниками. В эти райские кущи приезжали отдыхать, и у дяди выбора не было, приходилось нанимать на стройку случайных людей, кто сами пришли. Раз в месяц в городской сберкассе он получал зарплату на всех, а деньги до выдачи рабочим держал в нашей комнате, в мешке под кроватью. Основным беспокоить у него были, но он не подавал. Только раз не сдержался, когда мы поехали в город на служебной грузовой машине, и он грохнул кула-

по крыше кабины, когда что-то ему не понравилось. Машина как бы нехотя остановилась на шоссе, и над бортом показалась кудрявая голова Арута. «В чем дело?» – спросил он у дяди. «Стоячий, – сказал дядя. – Как ты разговариваешь со старшим?» Арут обиженно посмотрел на своего начальника, а потом заулыбался. К машине подходили две приятные девушки с перекинутыми через руку полотенцами. Они явно спешили на пляж, а что им другое было делать далеко за полдень, когда высокое солнце зло кусало их налитые плечи. И знакомые девушки, хотя с виду и приезжие, ласково глядя на нашего водителя, занятого на работе, тут же с ним договорились встретиться вечером, называя при этом Алешей, а может быть, сам он им так представился – для конспирации.

Я подумал, с чего это мамин брат вдруг кидается на людей как бешеный. Может быть, оттого что детство у него было трудное – малолеткой начал работать. Сыну купца первой гильдии поступить в институт и устроиться на работу в те годы было непросто. Дедушка надежду на лучшие времена не терял, но однажды расстроился до слез, когда его, надевшего шляпу-котелок, мальчишки на улице встретили криками: «Буржуй воскрес!» Он почти бегом вернулся домой и в сердцах забросил шляпу на самый большой шкаф, в котором мы любили прятаться. А дедушка никогда ни от кого не прятался, был честен и прям, что подчас было важнее капитала. В расстрельном тридцать седьмом, во время обыска, в его доме нашли в печной трубе толстенную пачку николаевских пятисотрублевых ассигнаций с изображением государя императора Петра Великого. На вопрос красноармейца: «Для чего это прячешь, отец?», он ответил с обезоруживающим прямотушем: «Кто знает, может быть, когда и пригодятся». Чекисты то ли план по арестам уже выполнили, то ли пребывали в хорошем настроении, только рассмеялись и простили нашего дедушку, который умер естественной смертью в тридцать восьмом году.

Теперь что-то недоброе было разлито в сумрачном воздухе, угрожая его сыну. Первая эта женщина почувствовала невестку.

Я скоро об этих страхах забыл, уехав домой. Я вспомнил через месяц, когда узнал от вернувшейся тети, что того матроса арестовали. Он действительно ночью собирался убить дядю, обычно спавшего во дворе, на балконе. И только дожидался очередного поощрения. И подбивал на это злодейство рабочие бригады, сколачивал свою разбойничью шайку, а из них проговорился, просто оказался совестливым. И топор их нашли под хозяйским домом, оскакивая как бритва. Рассказывали, матроса еле вырвали из дядиных рук. Так его он разукрасил, родная мать узнала бы.

И каждому воздалось. Ибо сказано в Священном Писании: нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы.

Я удивился, как это тетя издали почувствовала беду, а потом думать об этом перестала.

Меня больше интересовало, почему на прогнутых стеклянных негативах море и берег сливаются в одну сплошную линию, как в летний день, особенно если смотришь, прищурив глаза.

БЕСАМЕ МУЧО

Женщину он скоро отпустил, как только подмигнул глазами ненужную справку, которую начали ведомства исправно присылать, подчиняясь не установленному порядку. Он спокойно отметил ее некую привлекательность и, подписывая пропуск, заглянул на редкой фамилии и спросил, не родственница ли такая-то, о которой вспомнил. И женщина подтвердила, что это ее двоюродная сестра, живет, как предполагал, в другом городе, у нее муж и два сына. Эта скупая информация о чужом благополучии

вполне удовлетворила и даже обрадовала. Он больше ни о чем не спрашивал, не попросил передать привет, как это принято. Она определенно его забыла, а он вспомнил и все с ней связанное. Видно, сказалась его профессиональная память, которой он в душе гордился, не выставляя напоказ. Он усмехнулся собственной шутке, подумав, что тогда деревья были большими, а бедняга Радж только вышел из тюрьмы, куда его упрятали за украденную булку.

Натела, сказала она, протягивая хорошую руку, мягкую и прохладную, и он понимал Виктора, знакомого по школе, который скучал и места себе не находил до приезда сестры с подругой, но ждал, конечно, не сестру. Сестра стояла тут же на перроне вокзала, блондинка в голубом, чуть полноватая для своих лет и старше их всего на год, но уже студентка политехнического института, известного джазом, баскетболом и анекдотами про чудаковатых доцентов по сопромату и прочим мудреным предметам, которые ему не по зубам. Избалованная ранним вниманием мужчин, она смотрела на них, как на желторотых птенцов, а Виктор был покорен и околдован той второй, что не так вызывающе красива, но тоже хороша в свои неполные семнадцать. Уже сидя в машине, он сокрушался, что оставил на стуле у открытого окна новый коричневый костюм, что так ему шел, и ночью его стянули с деньгами, которые дал, не считая, его богатый отец. Это в корне меняло программу развлечений встреченных двух юных особ, и, чтобы как-то компенсировать моральный урон, Виктор рассказывал, как они не просыпали в сочинских кабаках - он и два друга. И это была истинная правда. Виктор среди ровесников особо выделял чемпиона по боксу с забавным воробыным прозвищем и влюбленного в физику и поэзию Блока близорукого красавца, который, не таясь, посылал на киностудии свои фотографии, наивно полагаясь на классический профиль и бескорыстное внимание посторонних людей.

Он вспомнил, как через год они с боксером и

физиком пришли на панихиду Виктора, ко-
запутавшись в делах, застрелился из редкой
времена пистолета, и уже на пороге зарешеч-
особняка-крепости слышали: «Витины тов
пришли!»

Так кричать могла только мать.

Это Виктор тогда предложил пойти на та-
все беспечно согласились, не зная, какая не-
слава у этого парка, бывшего Английского, а
неизвестно за какие подвиги, нареченного I
мольским.

Богом забытый уголок на окраине города.

Опасность он почувствовал почти физи-
когда они вышли к танцплощадке, чей наслеж-
тысячами ног овал тонул в тусклом больш-
электрическом свете, и уселись на освещую под-
разбитую садовую скамейку. Опасность исход-
плохо освещенного парка и щемящей тоски за-
ного шлягера «Бесаме мучо». Он смотрел на I
и видел, как ей хочется танцевать, но именно
сейчас делать было нельзя, как и громко разгова-
и смеяться, привлекая к себе внимание. Это он
шестым чувством, а потом увидел тех юнцов, сво-
развалившихся на противоположной скамейке,
за, бесцеремонно шупающие ноги девочек, ко-
ничего не замечали и смеялись.

Так случилось, что первое любовное чу-
испытанное им к женщине, не было связан-
поцелуем, робким и щадящим, ни с обрыва-
сердце близостью, а с не менее острым ощуще-
ответственности за нее. Видя эти америка-
кинофильмы, которыми нас потчуют по всем
каналам, где за первым глотком выпивки сл-
молниеносное соитие, откровенно и долго смак-
режиссером, всей съемочной группой, после
взмокшая героиня в халате хозяина дома исче-
ванной, охотно демонстрируя свои длинные и
другие пострадавшие прелести, он вспоминал
сильнейшее потрясение, мгновенное касание

гой молодой груди, когда они спешили выбраться из парковой западни.

Они все-таки настигли их на открытой местности, откуда было рукой подать до выхода на улицу, к троллейбусной остановке, где всегда люди; они откровенно ухмылялись, привычно-плотоядно преследуя свою жертву. «Уходите скорее!» - успел сказать он Виктору, останавливаясь и оборачиваясь лицом к преследователям. В те мгновения, пока они преодолевали это ничтожно малое расстояние, он только успел подумать: хорошо, что ходил в боксерскую секцию на стадионе. Несмотря на запрет школы, куда даже вызвали его отца, который не на шутку встревожился, что сын растет хулиганом. Он страшно удивился, когда его старик, в общем далекий от спорта человек, спросил, как бы невзначай, у кого он тренируется, и назвал двух известных динамовских тренеров Сашу Бакрадзе и Гоги Дарахвелидзе.

А теперь он был готов к самому худшему и драться, бить в эти подлые потные рожи, пока не подоспеет Виктор, который не станет отсиживаться на остановке, за спинами других. Боковым зрением он видел, что девочки за воротами, в безопасности. Его действия и слова, видно, озадачили подонков, но потом он услышал: «Которая твоя? Забирай ее и уходи!», но не согласился, чувствуя за собой в эту минуту силу, от которой могут бежать и лвы...

Вечностью показались ему те минуты, когда он вышел на остановку троллейбуса, где ждали его, волнуясь.

Он невесело подумал, что шансы его возросли после того, как Натела предложила ехать домой в дядиной «Победе» по дороге мимо озера, славящегося красотой и форелью, но он этим не воспользовался и вернулся поездом.

Нателу он встретил довольно скоро, в автобусе на Университетской улице, по пути к двум вузам, куда тем летом они готовились поступать. Она похудела, выглядела неважно и нервничала из-за тройки, кото-

рая была некстати, а у него, как назло, одни пя и ему неловко перед ней.

Больше они не виделись, хотя она жила по с тву, на улице, которую старожилы по-прежнему вают Сергиевской. Он помнил неудачную выл парк и нерастрченную злость вложил в боксе перчатки, выступая за команду филфака, в ко призвали почти всех учившихся мальчиков. Нав у него было очень свирепое лицо, потому что того спартакиадного боя, сумбурного и больш хожего на откровенную драку, однокурсница сказала: «Я не знала, что ты такой».

Он промолчал, не зная, каким она его увид через несколько дней, сидя в пустом библиоте зале, обнаружил в только что полученном жу декадентские стихи Юрия Живаго, которые на с деле за него написал Борис Пастернак в про работы над романом. Именно в тот день ему вп признались в любви. Лина подошла неслышно рядом и, скользнув рассеянным взглядом по не танному журналу, сказала, что любит. Он расте от неожиданности, глядя прямо перед собой, на руки, вены которых мгновенно набухли от при крови, а она, серьезная и решившаяся, смотреле ливо, готовая отстаивать свое чувство.

Это было после мимолетной встречи с Нат когда мало-помалу, по замечанию Доктора Жи ушли на дно его души ее черты и формы. Е потайной глубине остался летний вечер, когда чувствуя в себе тревожное и новое, поднимали обсаженной чинарами красивейшей улице юж города, к горе, увенчанной гигантским бронза идолом в широкой маршальской шинели, в о, рукаве которой могло спрятаться отделение сол синих фуражках.

Страх не было. Страх пришел позже, дома, к наскоро рассказав о случившемся, он увидел бледнеет лицо брата, и услышал: «Вы с ума со несколько дней назад там в парке убили челове

ИДУЩИЕ НОЧЬЮ

Утро подкралось незаметно, как кот на мягких лапах, просочилось в окна, высветило осунувшиеся лица участников застолья. Нагрузившись за ночь вином, они старались взбодрить себя апельсинами и сладостями, принесенными неутомимой Тамарой, у которой сна не было ни в одном глазу.

Я вышел размять ноги, по пути заглянул в ванную и долго плескался под краном, подставляя под холодную воду разгоряченное лицо, и, не оборачиваясь, почувствовал – в который раз за ночь – ее пристальный, как бы оценивающий взгляд.

Она стояла рядом, почти касаясь моего бедра. Я мог дотронуться до нее и даже услышать, как бьются наши сердца, если бы не громкая музыка, бьющая в открытую дверь, и неторопливый разговор куривших на лестничной площадке. Тамара молча ждала, я видел, как ей не хотелось вернуться домой одной, из этой мужской компании, где она, не считая невесты, была единственной женщиной в суматошной суете свадьбы, где намеками и с пьяной развязностью говорили о любви, о море любви, волны которой закружили ее, как безвольную щепку. Ей хотелось своего счастья, пусть маленького, как у Ламары, которая, уступая ей в женской стати, выходила замуж, прикупив законного спутника жизни к цхнетской даче и связям отца-военного.

Ночь как-то сразу сникла и умерла. Наступила предраассветная пора, время обнимать и уклоняться от объятий, которые помогают забыть, как слаб человек и как он одинок. Я вдруг понял, что хочу быть обманутым, испытать эту сладкую ложь. Ведь я был очень молод и меня тоже не ждали дома. Потом в моей нетрезвой голове мелькнула мысль, что у меня под пиджаком лопнувшая по шву, нарядная снаружи сорочка, а я об этом дома не подумал, затягивая галстук-удавку, и теперь некстати вспомнил гамсунов-

кого героя, журналиста из Христиании. Его отвела молодая девушка, говорящая на жаргоне и не строгая правил, которая сначала всерьез заинтересовалась им и позволяла себя ласкать, а потом узнала, что он умирает от голода. Он еще придумал ей имя, сексуальное и волнующее : Илаяли. Быстро трезвев, я, ребенок, продолжал плескаться в воде, притворяясь более пьяным, чем был на самом деле, и чувствовал ее разочарование, которое она не пыталась от меня скрыть.

На свадьбу я попал неожиданно, можно сказать случайно. Поднявшись по ступенькам особняка удостоенного в двадцатые годы золотой медалью Гран-при международной выставки, все еще чопорного красивого, я деликатно утопил пуговку электрического звонка, вылитый сосок женской груди. Дверь открыла незнакомая молодая женщина с блестящими черными глазами, для которой я был никем, не даже другом того, в чьем доме она находилась. Я пошел в лоджию, где Леван в спортивных трусах неловко гладил брюки от костюма. «Знаешь, завтра жених - объявил он мне с места в карьер, - и ты будешь на свадьбе». Я невольно посмотрел на большого молодую женщину, которая впустила меня в квартиру и заметил улыбку на припухлых губах и еще высокие блюдца груди под красным свитером, и всю так ладную и желанную, что другой кандидатки в невесты здесь просто не видел. Проследив за моим взглядом, Леван засмеялся: «Нет, это не она». И, обратившись к ширме, попросил: «Ламара, высуни руку». Рука тотчас появилась - обнаженная, очень полная и белая - приветственно пару раз помахала в воздухе. Вскоре из ширмы вышла сама невеста, пышная, как сдоба тех лет, уже одетая, чуть смущенная и в меру влюбленная, повторила приглашение, что они с Леваном меня ждут и все такое отменно-вежливое, что принято говорить воспитанных людей.

Я сбежал со свадьбы, когда под голыми ветвями деревьев заскользили первые троллейбусы с по-

пустыми салонами, разгоняясь на близком мосту, но подниматься в машину не стал, спустился на набережную и пошел вниз по течению реки, на которую возле гребной станции и динамовских теннисных кортов спускали на воду плоскодонку.

Я шел по Пескам, где трудолюбивый ремесленный люд обычно лудил и паял сковородки и кастрюли, ставил заплаты на камеры автомашин, а теперь отсыпался после встречи невыдуманного праздника. Я шел по этому сонному царству, провожаемый настороженными взглядами потерянного поколения кошек, которые, как старые сплетницы, разглядывали меня и не собирались дать стрекача.

На Майдане, возле опустевшей хашной, я купил со стола на улице маленькую, объемом в общую тетрадь, книгу рассказов Уильяма Фолкнера, и каждый из них оказался шедевром. Этот американский писатель с внешностью римского сенатора был очень мал ростом, изящно сложен, худощав и мускулист. Но каким гигантом духа он остался в мировой литературе! Маленькими аристократическими руками Фолкнер в одиночку построил округ Иокнапатофа, миниатюрную копию родного Юга. Тогда в морозном Стокгольме, в Нобелевской речи на церемонии вручения премии лауреатам, он сказал глубоко запавшие мне в душу слова: «Я верю, что человек не просто выстоит, он восторжествует. Он бессмертен не потому, что никогда не иссякнет голос человеческий, но потому, что по своему характеру, душе человек способен на сострадание, жертвы и непреклонность».

Этот старый район был моим домом. Стараясь идти не шатаясь, я срезал угол сквера, где стоит коленопреклоненный Пиросмани, с каменными мышцами молотобойца и боксерской челкой, прижимая к крутой груди неживого от страха молодого барашка, который, кажется, прыгнул к нему на руки из строчки Мандельштама.

Дома я прочитал книгу Фолкнера, впервые у нас изданную, населенную индейцами и неграми, не же-

лающими умирать, а потом, ближе к полудню, пошел к Сандрику, в его живописный дом-скворечник, прилепленный к скале с Комсомольской аллеей навесом. Вчера мы скинулись и купили свадебный подарок – чемодан, незаменимую в хозяйстве молодого человека вещь. В доме – полная чаша – аппетитно пахло жареной индейкой, поросенком, блинчиками с мясом и другой вкусной снедью, приготовленной руками добрейшей тетюшки Анны. Все братья и сестры были в сборе: гладко выбритые и как всегда приветливые.

Сандрик встретил меня ликующей улыбкой: только что от Тамары. Ты знаешь, я с ней переспаивался. Он без утайки рассказал, как она утром поспешно провела его в свою комнату через открытый тифловский балкон, делающий личную жизнь разведенной молодой женщины доступной взорам, как играла карта, а я слушал его, довольного собой и неожиданно привалившим счастьем, смотрел на щегольские уборы курортного ловеласа, никогда не упускающего то, что плывет в руки. «Тамара мне рассказывала, – продолжал он, – как кто-то из ребят приставал к ней во время танцев. Сначала я решил, что это ты, а оказался – Жора. Тамара сказала, что ты наоборот...»

В эту минуту он очень напоминал избалованного домашнего кота, наевшегося до отвала свежей сметаны и жмущегося от удовольствия. Обиды на него я не держал, глупо было обижаться и горевать. В их большом хлебосольном доме уже собирались родственники и друзья отца, такие же крепкие, зыбкие себе цену мужчины, и каждый, как положено, приходил с бутылкой коньяка. Был первый день нового года, и его следовало хорошо начать и прожить, зарабатывая на жизнь и любовь прекрасных женщин, которых суждено встретить.

МАЛЬЧИК НА СТУПЕНЬКЕ

Он сидит на ступеньке вагона, взъерошенный, как воробей, и кричит, опьяненный волжским простором. Отлушительный перестук колес глотаёт слова. Мост гудит от быстрого хода поезда, от потоков воздуха, несущихся над рекой.

Волга раскинулась далеко вокруг и нежится под лучами солнца, пленительная в своей нагоде, упругий ветер доносит чистое дыхание реки.

Я окликаю мальчика на ступеньке. Он удивленно вскидывает голову и поднимается в тамбур. Лукаво смотрят глаза, в них столько света, кажется, сорвется с губ радостный крик. Вот он метнулся к самому краю площадки и машет шоферу полуторки, ползущей к переезду.

От километровых знаков рябит в глазах. Поезд отщелкивает расстояние с проворством кассового аппарата.

В нашем вагоне студенты университета. Мягкий хмель кружит головы. Мы пьянеем от бесконечных полей, от взгляда девушки в окне встречного поезда, знакомых мелодий, насвистываемых ветром, и от споров, которые ведем с самого дома. Мы пока верим в добрую волю администрации, пославшей нас убирать невиданный урожай, и, распевая бодряческую песню Мурадели о первых целинниках, вслед за Хрущевым думаем, что весь хлеб будет нашим.

Мир еще очень молод, как и мы, двадцатилетние. Только через три месяца уйдет с Байконура первый искусственный спутник Земли. Все еще живы: Комаров, Гагарин, Добровольский, Волков, Пацаев, Королев и ребята из нашего вагона.

Появление русоголового Юры в нашем грохочущем доме на колесах разом прервало споры, и сам он доверчиво тянулся к людям, двенадцатилетний человек.

Юра жил у дяди, который днем где-то работал, а вечером пропивал заработок, он долго слонялся

по двору, бормоча нескончаемую песню о суровом капитане и девушке из маленькой таверны, и все рывался стукнуть Юру тяжелым кулаком.

Весной дядя продал баян Юриного отца, не воевавшего с войны, и мальчик в одной майке ушел из дому.

Непрерывное волнение, от него, как от голубой кружится голова, жесткие скамьи станционных заборов и несговорчивые проводники, ветер, фамиллярно падающий по спине, загорелые студенты на ступеньках вагонов, и юная жизнь, настолько неспокойная, что половина услышанного кажется вымыслом.

Мальчик знает, что поезд идет в Кустанай, и прощается, не взяв его с собой.

Но что это? Я слышу, как кровь тяжелым потоком приливает к голове. Кто-то, роняя слова-кувалды, говорит, что Юра и не думает ехать на целину попросту сойдет ночью, прихватив кое-что из напакетов.

Коренастый, со скользким взглядом, он намного старше своих однокурсников и покровительственно называет нас романтиками.

«Ребята, нам лапшу вешают на уши, — убежденно говорил он, читая в газете о четверке Асхата Зиганшина. — Вы не знаете, какой у них там на барже — тушенка, ведра картошки... Так что людоеды никак им не грозило».

Он всю дорогу предается воспоминаниям, стоило ли побывать в этих городах, если житейский опыт ржавчиной оседает на его сердце?

Юру на ночь оставляем в нашем вагоне. Остаток вечера проводим с ним, но разговору недостает достояния, с которого началось наше знакомство.

Ночью я проснулся от резкого толчка. Вскрикну испуганно тепловоз и, словно смутился, умолк и долго. На стыках вагон трясет, и тогда вздрагивают плечи Юры, лежащего у входа.

В опущенное окно влетает соленый запах близкого озера. Из темноты выскакивают огни жилья, и сно

бесконечная ночь, снова тишина, от которой звенит в ушах.

Юра исчез перед самым рассветом.

Мы обступили его полку и долго смотрим на аккуратно сложенную телогрейку, которой ночью кто-то укрыл мальчика. Мы слышим упреки совести, и время только усилит их.

В жизни будет много озорных и упрямых мальчишек. Потом они возмужают и успеют состариться, но память удержит боль в детских глазах, сломленные обидой худые плечи Юры который мог стать нашим другом.

ВОТ КАКАЯ БЕДА

Посылку мы получили к вечеру. Мы сидели в гостиничном номере и чувствовали себя обеспеченными.

Потом пришла Наташа и предложила пойти в кино. Кинотеатр был в двух шагах, и мы знали, что сегодня идет «Старик Хоттабыч». Мы видели афишу днем. Я уже днем знал, что не пойду в кино. Старик комик, но я сидел в первом ряду и боялся, что во время полета он выронит свою фальшивую челюсть и проломит мне голову.

Толя ушел переодеться, и я занимал нашу гостью. Наташа хохотала, как сумасшедшая. Она сказала, что представляла меня совсем другим. Интересно, каким я был, по ее мнению? Серьезным и скучным чудаком, который разбирает партии матча на первенство мира Ботвинник-Смыслов?..

После их ухода я послонялся по комнате, подошел к столу и принялся рассматривать посылку. Эту бутылку следовало откупорить сегодня. Можно пригласить Нодара, отметить его приезд в Казахстан, но на троих вина маловато. Пару лет назад Нодар играл за сборную команду университета. Он пробивал любой блок, и когда выходил к сетке, болельщики в восторге кричали: «Ложись!»

Теперь Нодар важная шишка в комсомол, неудобно приглашать на скромный ужин.

Бутылку мы могли бы распить с Толей, потащился в кино. Он согласен на любой. Они сидят рядом в полумраке зала и смотрят. Хоттабыч изощряется в ловкости перед пионером. Толе, конечно, наплевать на его ловкость. Ему хорошо с Наташей. Я знал, что ему нравится и он держался с ней официально. Это было и раньше. Толе, но сегодня Наташа разгадала маленькую хитрость. Я чувствую себя мальчишкой, с кем возится Хоттабыч. И мне неудобно за наш бравый вид при первой встрече.

Мы приехали ночью, когда свободных мест в гостинице не было, и, делать нечего, завалились на полу в конце коридора, где утром обнаружил Наташа. Хороши мы были после многодневного марша по степи в кузовах большегрузных самосвалов, запыленные до самых глаз, несмотря на в нагрудниках брезентовых плащах, но спокойно гордые за переданные в редакцию материалы. Я сказал поэт, жив ты или помер – главное, что материал успел ты передать. Сраженные усталостью и победившие, лежали мы навзничь на обшарпанном гостиничном полу, пряча лица от настойчивого взгляда бывшего из близкого окна, и нас, спящих, с интересом и пробуждающимся интересом разглядела незнакомая молодая женщина.

Я растерянно постукиваю по столу. Мои пальцы натыкаются на что-то твердое – на коробку консервов. Ее не стоило открывать вечером: утром сельдь придется выкинуть вместе с томатом. Я беру себе на тарелку кусок рыбы, жую волокнистое и не чувствую вкуса, словно ем старую газету. Я не знаю, как убить время. Я наполнил стакан из графина, осушаю его наполовину и ото, подальше – вода на редкость соленая.

В комнате дежурной бывает хорошая вода. Сегодня дежурства Гали. Я выхожу в коридор, загля

в окошко дежурной и слепну от сияния золотых волос. Галя склонилась над книгой. Заслышав шаги, она поднимает голову, и я вижу, что это «Семья Тибо».

- Лорелея, умираю от жажды.

- Скоро у нас будет вода, - говорит Галя. - Об этом заботится Наташа. Вы знаете, не сегодня-завтра они дойдут до воды.

Я знаю об этом. Наташа только по вечерам ходит в кино, днем они бурят скважину в полукилометре от гостиницы.

Гале нравится Наташа. Она говорит, что Наташа хороший инженер, и скоро будет хорошая вода.

- Отлично, - говорю я, - а пока она не уступает по вкусу лугеле. Это такая вода минеральная в Грузии, хлористый кальций. Ее пьют при больных легких. Вы болели воспалением легких?

Галя качает головой.

- Это скверная шутка, - говорю я. - Хуже одиночества в летний вечер.

- Вам следовало пойти в кино.

- Я должен написать кое-кому.

- Я чувствую себя одинокой, когда остаюсь одна.

- Это испытываешь и в компании. Перед отъездом кто-то из нас вспомнил о знакомой и подошел к телефону. Он долго шептался с трубкой, а когда вернулся к столу, я предложил выпить...

- За ту, с кем он разговаривал, - улыбается Галя.

- За тех, кому мы не позвоним.

- Вы должны были пойти в кино, - повторяет Галя.

- Хотя бы на «Хоттабыча».

- Я буду писать письма. Спасибо за воду.

Я иду по длинному коридору и встречаю нашу соседку, артистку Одесской филармонии. Она несет стакан воды, бережно, как молодая мама своего первенца. Мне хочется именно этой воды, но прохожу мимо.

Я вхожу в нашу комнату. В комнате слабый запах рыбы. Я ложусь на кровать, стиснутый этими стенами, как рыба в коробке. Далеко отсюда, в городе Черкес-

ске живет девушка, мой верный гид по лермонтовским местам. Она такая юная, что сам себе кажусь менником Лермонтова. Я словно хлебнул из бу на столе и чувствую – не смогу написать ни ст Письмо получится излишне откровенным и не его посылать.

Бум! Бум! Я слышу раскаты грома. Дождь пошел. Я открываю глаза: в комнате темно. Я Толю – он опрокинул коробку с сельдью.

– Прости, что разбудил, – говорит он, – не зажигать свет. Ты не откупорил бутылку?

– Мне она не нужна.

– Что ты хочешь?

– Я хочу в Черкесск.

Мы молчим и думаем о своем. Потом слышу моего друга: «Ты только не удивляйся, но Наташ вечер расспрашивала о тебе».

Утром мы уехали в город Рудный, что, как гриб-боровик, вырос на месте Соколовско-Сарбаго месторождения, и больше не наезжали в Пешпостровский районного масштаба, в ее незрачную нищу, где в комнатах на столах графины из прозеленого стекла с не утоляющей жажду содой. Не возвращались мы и к разговору о Натше, хотя многие годы помнили о нем, и она, невидимая, стояла между нами. Я тогда ничего не сказал, и не отреагировал на неожиданный интерес к персоне, а теперь сказать некому. Толю недавно ронили, и его смерть, неприметная и тихая, как что делал при жизни этот умный и красивый чел потрясла скоропостижностью конца.

Я сидел среди чужих людей за длинным поминным столом, пил горькое кахетинское вино, приное его родственником, и думал, что человеку н жизнь дается один настоящий друг, о чем он не до самого порога могилы.

Я тогда в гостинице ничего не сказал. Тепер ему безразлично, и Наташе безразлично давно.

ОЧКИ НАДЕНЬ

«Почему я не сломал ногу, поднимаясь на третий этаж, - сказал в сердцах Артем, - когда на первом такие невесты были?» Это запоздалое прозрение в последнее время нередко осеняло его. Говоря так, он намекал на несложившуюся личную жизнь. Бывает жена, говорила бабушка Нина, которая дом построит, а другая - разрушит. Артем, видно, сделал выбор не в стане строителей, забыв, что миловидность обманчива и красота суетна.

Сейчас он сидел на балконе, в этот час истины, когда августовская духота выгнала наружу соседей Хлебной площади. Они хором судачили, посвящая посторонних в свои заботы и беды, древние, как дома нашего заповедного района, чья охрана осуществлялась государством деликатно, ненавязчиво, а со временем стала совсем незаметной. А охранять было что. Взять хотя бы соседнюю Петхайнскую улицу-лестницу, редкую в своем роде. Мало кто о ней в городе слышал, не то что в Америке или в Европе. Она уступает в популярности всем этим историям вокруг Пизанской башни, падающей, как девчонка на материнских каблуках, или гибели «Титаника», который в настежь распахнутых просторах Атлантики не сумел разойтись с ледяной горой с такой еврейской фамилией.

Я как-то проверил, спросил про улицу у знакомого писателя, автора книги о Тбилиси. Он заинтересовался и даже покинул на время свой великанских размеров редакционный кабинет. Сели мы с ним в номенклатурную черную «Волгу» и в пять минут оказались у подножия невидимой улицы, но неожиданно с низких небес посыпался холодный осенний дождь, и знакомство с достопримечательностью нагорного квартала пришлось отложить до лучших времен.

Или мы в самом деле ленивы и не любопытны.

Улица-невидимка карабкается по склону Сололак-

кого хребта, к маковке Петхаинской церкви, траонного центра праздника Успения Божией Ма

В начале века большевики устроили под с горой конспиративную квартиру в дарбази* с плс земляной кровлей. Молодежь здесь обучали п летной стрельбе. Священник церкви тогда не что окаянные соседи, забыв о Боге, через де лет силой обратят всех в свою веру Карла Мари всячески им помогал; когда понадобилось помещ для конференции, предоставил свой дом всего за цать пять рублей. Соседи выделили людей для ох делегатов и патрулирования, но филеры не зр: хлеб. Вскоре стало известно о провале конспир ной квартиры, была команда всем уходить. Дел разошлись, в спешке оставив шляпы, и они пс в руки фараонов. Доставленный в полицию свя ник утверждал, что шляпы остались от покойн которых он хоронил, но ему не поверили и сосл Сибирь, где он умер.

Такая вот грустная история, как в старом анек об аресте чекистом пассажира поезда с фами Райхер, в которой зашифрованы обещанный бол виками рай на земле и нечто из трех букв, получе взамен.

О пострадавшем за большевиков священни узнал от монашек соседнего Девичьего монаст Христовы невесты Рипсимэ, Катарина и Нина, еще красивые, особенно младшая сестра Нина, из старинных тифлисских купеческих семей, бол охотницы кофе с молоком. Он подавался к ст гарднеровских чашечках фисташкового цвета вл с рассыпчатым печеньем «хворост».

Перед Светлым Христовым Воскресением се приносили краски для пасхальных яиц, с ангелоч на золотистых пакетиках. В последний раз я их в

* Дарбази - один из древнейших типов грузинс жилища.

в нашем доме на панихиде по моей матери, которую они взялись отслужить, посчитав это своим христианским долгом.

О «Титанике» вспомнилось неслучайно. В конце концов все оказывается связанным самым невероятным образом, стоит только присмотреться к несовместимым, на первый взгляд, вещам. Среди пассажиров, спасшихся после столкновения с айсбергом, был наш зять Володя, который уцелел по той причине, что не достал билет на тот гибельный рейс, а взял на следующий, без приключений доплыл до берегов Америки, изучал сталелитейное производство на востоке страны, приобрел фундаментальные знания, что ему припомнили в тридцать седьмом году, оторвав от жены, трех детей и литейного завода имени Камо, присудив десять лет без права переписки, а попросту говоря, пулю в затылок. Вредителем или шпионом он не был, потому что получать высококачественное литье из дырявых, ржавых лоханок не умели ни у нас, ни в Питтсбурге, да и кто его слушал. Успел только сказать знакомому оперативнику, когда вели по тюремному двору: «Передашь Артему, что меня расстреляли».

Нашего зятя больше никто не видел. Трагическим предвидением оказалось его любимое: «Когда я в гробу лежал, никто меня не оплакивал». И гроба у бедного не было, разве что нещедрая горсть негашеной извести.

Артема известие это не подкосило. Крепок он был как кремень, похвалялся, что в молодости пули глотал, когда в него стреляли в упор, покупал драку за деньги, уважал бокс и мог продержаться один раунд против чемпиона страны в тяжелом весе Андро Навасардова, который работал шофером в их гараже.

Потому две войны прошел без единой царапины, видно, пуля для него не была отлита. С годами он сильно сдал. Старый и беспомощный, сидел подолгу на балконе, невольно слушая уличные откровения

молодой жрицы любви Аиды, убнис хайтаракрая уже не видела большой корысти от древ профессии и думала заняться спекуляцией, ленивую перебранку одуревших от жары инк Сергея и его соседа шофера Ваника. Судя по шим репликам, разговор шел о Сережиной. Ей грозила какая-то опасность. Когда красивая сверкая полными икрами, взлетала к себе на ру по крутой винтовой лестнице, ее тяжелые под откровенной нейлоновой блузкой трепь как гандбольные мячи. В этот миг она святог ввести в искушение, не только нас, простых см и это не на шутку тревожило ее отца.

«Вчера вас видели вместе в кинотеатре на ческой улице», - ходил Сергей с козырной кар меня за болвана держишь, - лениво отбивался - виданное ли это дело, распечатать такую к цу за билет на «Аршин мал алан?» - «Сказки рассказывай, - горячился Сергей, - не остави покое, так тебя по кусочкам потом не склею!

Такая угроза могла смутить кого угодно, то Ваника, отчаянного враля и первого драчуна - ударом сбивал с ног крепких мужчин на Х площади, которая издавна развлекалась кула боями. Это на нашей площади побили Алек Дюма в 1858 году, когда он ради своего удовол приехал в Тифлис.

Причиной нелюбезного обращения с экстр тным романистом могла быть женщина. В полный, пышущий силой, весельем и здоровьем слишком доверчиво принял на веру свидетельство ландского путешественника Яна Стрейса, пол на его принадлежность к нации, известной хр ровием и нелегкой воспламеняемостью. Напис в Амстердаме в 1681 году, в начале царств Короля-Солнца Людовика Четырнадцатог

* Убнис хайтаракраи - позор района (груз.-арм.

восходным слогом, достойным Жентиль-Бернарда, поклонника женского пола, через два столетия дошли до автора «Графини де Монсоро» глубокомысленные уверения Стрейса, будто кавказские женщины, имея прекрасные внешние данные, не жестоки, не боятся любезностей мужчин, к какой бы нации мужчина не принадлежал, и если даже он подходит к ним или касается их, они не только не отталкивают его, но сочли бы за обиду помешать ему сорвать с них столько лилий и роз, сколько нужно для приличного букета.

Милый, доверчивый, как ребенок, Дюма совсем нехстати проявил интерес к кавказской флоре.

На этой версии особенно настаивал Артем. Соглашаясь с Кипплингом в том, что знатная леди и Джуди О'Греди во всем остальном равны, сам терпеть не мог козлов, норовящих забраться в чужой огород.

Помню переполох в доме — приехал на пару дней Артем со своим другом капитаном, с неподходящей для фронтовика фамилией Могильченко. В большой комнате сели за стол те, кто ковал победу, и не особенно рвущиеся на передовую близкие родственники, наш героический тыл, атаковав с ходу выставленные закуски под огневой разговор фокстрота «Для тебя, Рио Рита».

Начало ссоры я пропустил, когда хвативший лишнего Артем рвал непослушными пальцами кобуру, откуда фронтовой друг предусмотрительно вытащил пистолет, но щегольский браунинг в руке чернявого родственника увидел. Родственник ворочал шальными деньгами от халтурных ездов собственной грузовой машины, насобирал блинные стопки пластинок запрещенного Петра Лещенко, всегда имел при себе шоколадные конфеты и хранил дома в чемодане, отчего они пахли клопами, как уверяли его пылкие поклонницы в туалетах от Саши-портного Ахвледиани, тбилисского Валентино тех лет. Еще не остыв после исподволь разгоревшейся ссоры, он угощал всех конфетами, и мне, в чью комнату от греха подальше увели родственника, достался один «мишка» давно

забытого вкуса.

Артем уехал так же внезапно, как появился женный на всех, а больше всего на жену, котор нисколько не задело. Она не очень обрадова удивилась, получив телеграмму из Батуми. Муж что их воинский эшелон проследует через Тби просил встретить. Анна весь день жарила и пек на Маланьину свадьбу, но в последнюю минуту мала брать корзину с едой, взяла бутылку води

Увидев жену с пустыми руками, как у солда отступлении, Артем не удержался от упрека: «Е мы двое суток не ели». Подошел Могильченко, без лишних слов водку, отбил белую головку о ное колесо и тут же на путях запрокинул бутыл головой. Проводив мужа на Дальний Восток, вместе с родней в один присест умяла ужин ф виков, поела и обтерла рот свой и говорит: «Я н худого не сделала».

Мечту об идеальном союзе любящих двух с Артем пронес через молниеносную войну с цами, вернулся домой с тяжеленными чемод что окончательно лишило Анну рассудка. Она заважничала, близких родственников предста подругам, как обыкновенных соседей, считая ней себе.

В унесенных с войны чемоданах, среди шел отрезов и покрывал с райскими птицами, было ка два фотографий узкоглазых красоток, экзоти как принцесса из андерсеновской сказки, целую со свинопасом, с удивительно красивыми рта знавшими хирургии, посредством которой ж нам последующих поколений вживляли прок силикона, для придания губам неотразимой пл лости. Но те, военной поры, были натуральны мать родила, жены японских офицеров, дикови трофеи победителей.

Анну такое объяснение не удовлетворило порвала фотографии чужих жен, за исключ одной. Артему удалось ее спасти исключитель

эстетических соображений.

К тому времени в нашем нефронтовом городе появились первые японские военнопленные. В отличие от немцев, они носили меховые шапки-ушанки и занимались ремонтом улиц.

Оборудованные под убежища подвалы понемногу начали убирать от военного хлама. Был такой склад на нашей стороне улицы. Однажды к нему подогна-ли грузовик, в кузов стали забрасывать запыленные противогазы. Подошли мальчишки, несмело попросили противогазы.

Скоро на нашу улицу пришли мальчишки со всего города. Они тащили противогазы, как дохлых кошек. Жестяные коробки гремели по мостовой. Прохожие улыбались, готовые верить, что этим мальчишкам не надевать противогазы, не стрелять в своих сверстников. Так мечталось в послевоенные сороковые.

На улице догорал августовский пожар.

«Очки надень, - сказал охрипший от спора Ваник. - Пальцем я до твоей дочки не дотрагивался. Целая она и невредимая, как в швейцарском банке».

ПОСЫЛКА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА

Остаток жизни Мушега уходил на детские стулья. Однофамилец правого края ереванского «Арарата» появлялся по утрам, когда молодые матери тащили плачущие, упирающиеся чада в детские сады, весь увешанный стульями и щетками.

О другой жизни соседа, невидимой ее части, можно было догадаться. Свой Георгиевский крест, солдатский Егорий на лацкане выцветшего пиджака, он с честью заслужил не за столярное дело - за что-то героическое.

Отличались не только в условиях фронта. Дальний мой родственник получил один год тюрьмы за болтовню в саду на Абасабадской площади, когда

неожиданно во всеуслышание объявил окружающего бездельникам: «Немец идет!» Реплика по временам прозвучала неприлично бодро, а кто-то шел ее радостной и стукнул. Но родственник и истинную правду. Немцы были близко, на Северном Кавказе. Гитлер сказал, что проиграет войну без казской нефти и рвался к ней.

Родственник отбыл свой срок, вернулся домой с единой царапины, худой и ошеломленный запретами и вольницей шарашки. Война к тому времени оканчивалась. Никому в голову не приходило искать антифашистскую чину в его бухгалтерских отчетах. Более важным делом он собирался заняться, получив гонорар за отпущенные исторические романы о разрушении Сасуна и Армении. Власть не спешила издавать патриотические книги и защищать чужое авторское право.

На фоне вселенской разрухи и неспешивой модной выставки в парке на набережной, где сходились неробкие женщины открыто торгуют золотом и бриллиантами, его откровения о зоне не слишком удручали, а новизна лагерной темы, долго не допускаемой в литературу, убеждала, как несовершенство знания человека об окружающем его мире, и давал тернист путь к истине, к которой ни на йоту не приблизился, изготовив сверхбомбу.

Старый Мушег слыхом не слыхал о столетней горе Лос-Аламос и секретном заводе у Альбукерке, но пропустив рюмку – другую вина в минуту озабоченности, которая всегда полезна тому, кто слушает, любил напомнить собеседнику, что сам не дитя и сын его в Нью-Йорке владеет таксомоторным парком. В его авто садились сенаторы, хозяева клубов, ских ресторанов, филиппинцы, секс-символ Америки Мэрилин Монро, Джо Луис и Рубен Мамалян. Тайнственный Зорро восхитил киномир. Сидя в мягком кожаном кресле, невидимый, как черная кошка в темной комнате, Зорро пускал роскошные косяки дыма. Так классно курить никто из нас не умел.

Америка для моего рода осталась недостижимой.

далекой, как нирванная Шамбала. Но если достижение ее Соединенных Штатов считать за счастье, то оно было возможно и близко для моего отца в пятнадцатом году в Лесном, 3 декабря – в день защиты дипломного проекта на механическом отделении Петроградского политехнического института императора Петра Великого. Имя лакея помещицы в Тверской губернии, а позже токаря Путиловского завода и всесоюзного старосты с жидкой бородкой ассирийского царька, присвоили институту большевики. На отцовской защите присутствовали военный министр и министр путей сообщения. Он защищал диплом по паровозу, до этого два месяца стажировался на Николаевской железной дороге, окончил курс с первой степенью и сразу после защиты узнал, что включен в число русских инженеров, кандидатов на поездку в Америку, где им предстояло наладить производство оружия и военно-промышленный комплекс. Такую новость от семьи не утаишь. Скоро из Тифлиса пришел ответ старшего брата отца – Артема. Выпускник Петербургского технологического института, управляющий нефтепромышленника Александра Манташева имел собственное мнение, телеграфировал жестко и однозначно: мать больна, от предложения откажись. В Америку вместо отца поехал его однокурсник. Сикорский из него не вышел, а может быть, сам стал знаменитостью.

Об отказе своем отец никогда не жалел. Америка еще раз поманила его златовласой русалкой. В 33-м вместе с ансамблем Шара Тальяна «Ашуги» имел на руках выездные документы, но помешало злодейское убийство Кирова, становившегося вторым медведем в кремлевской берлоге. В девятнадцатом году помог уехать в Лондон молодой девушке с соседней Бебутовской улицы. Она стала женой влюбившегося в нее англичанина, повторив ситуацию гумилевской хокки «Вот девушка с газельими глазами выходит замуж за американца, зачем Колумб Америку открыл?!», и вызвала к себе младшего брата – Рубена Мамуляна.

Через три года председатель Совнаркома, у которого появились первые признаки угасания мозга, выдвинул за кордон интеллигенцию – соль земли российской. Надолго затерялся след тифлисского юноши, недорисовавшего и бредившего работой в театре. Отсутствие информации мы восполняли богатой фантазией, приписывая знаменитому земляку режиссуру лютых американских трофейных фильмов. Осталось для меня тайной, как отец узнал название не самого кассового мамуляновского фильма тридцатых годов «Люби меня этой ночью». Больше они не встречались, хотя в год смерти отца Рубен Мамулян был на Московском международном кинофестивале, приехал в грузинское село Мухрани поклониться родительскому дому и не увидел его.

Рядом на камне задумался древний старик.

«Скажи, приятель, - обратился к нему немолодой гость, - здесь был дом Мамулянов...»

Старик медленно поднял на него мутные глаза и сказал: «Бичо, маленький Рубен».

Время остановилось на пороге разоренного очага. Старик снова видел своего ровесника, с которым играл в лахти*, совершал опустошительные набеги на са- созревшей медовой черешни, предвестницы лета, узнавая его черты в рано поседевшем мужчине, чья жизнь прошла на чужбине, и ничего о ней не зная, как одержимо работал Мамулян, черпая полные пригоршнями из национальной памяти и американского опыта, когда заговорил «великий немой», чьи уста отверзлись не в последнюю очередь его стараниями, как в благословенный час судьбы встретил датского булочника Грету Гарбо, свою Королеву Христину, в которую влюблялись капризные монархи, кровавые фашистские диктаторы, самые богатые знаменитые и красивые мужчины, и обессмертил в киношедевре ее ангельской красоты самое знаменитое лицо XX века; как в последний день сентяб-

* Лахти – грузинская народная игра.

тридцать пятого под неумный шквал аплодисментов в бостонском Колониал Тиэтр вместе с Джорджем Гершвином, дирижером Александром Смолленсом и обнимавшими их исполнителями заглавных ролей – Тоддом Данканом и Энн Браун выходил к зрителям, свидетелям родившегося у них на глазах чуда гершвиновской оперы: четверть часа назад нищий калека Порги под скорбную негритянскую мелодию спиричуэлс отправился на инвалидной коляске в Нью-Йорк, в долгий путь за своей ветреной, ненадежной Бесс, без которой не мог жить.

Нью-Йорк с его небоскребами-утюгами с подачи советского классика долго представлялся Городом Желтого Дьявола, огромной челюстью с неровными черными зубами, дышащим в небо тучами дыма и сопящим, как обжора, страдающий ожирением.

Войдя в него по любезному приглашению великого пролетарского писателя, поневоле чувствуешь себя пророком Ионой в чреве кита, современного левиафана из камня и железа; взору представляются улицы – скользкое алчное горло, по которому плывут темные куски пищи – живые люди, вагоны городской железной дороги – огромные черви, локомотивы – жирные утки.

Прочитав про этот кошмар, дети потом не могут заснуть.

Другой колосс отечественной литературы отобразил историческую сшибку революционной России с оплотом мирового капитализма США в футуристических стихах; вызвав неудовольствие Ленина, который любил одну Инессу Арманд и нежных чувств к американцам никак не питал.

Современник и литературный оппонент поэта-главаря за три года до страшного конца в «Англетере» слетал на фоккере на Запад, околдованный, одунканный женщиной сорока с лишним лет, скверной девочкой и своей милой, увидел в стране Колумба Железный Миргород, незабвенной гоголевской памяти нравы Ивана Ивановича и Ивана Никифорови-

ча, у которых не было города лучше Полтавы, и прозорливой душой не пришелся ко двору, привыпил водку стаканами, как экраный бутлегер драг гостиницах и окончательно разругался с босоножкой танцующей «Интернационал» с красным флажком в полных белых руках.

Каюсь, в молодости сам кинул камешек в американский огород, когда пылко и безответно влюбился в шахматы и, пока хватало денег, брал уроки английского у мистера Мейера, высокого господина из Цехая, со стальным рукопожатием и худым породистым лицом старого актера. Для начала он поставил потрясное американское произношение, от которого разинули рты наша англичанка и девочки на курсе.

Я верил: каждый человек может пройти от пешки ферзи, если его не побьют на проходе. Мистер Мейер был того же мнения. Вдвоем мы придумали, как называть моего героя – Аллен Вудхед. Вудхед, поняв деревянная голова, а в выборе имени заключаю секрет, открыть его я не вправе, он принадлежит мне одному.

Герой рассказа – талантливый шахматист, страдающий от хронического безденежья, играет в шахматы за деньги. Нескончаемые стрессы разрушают его нервы как капля, которая камень точит частым падением. У него больна сестра и нужны деньги позарез. Он играет с одним парнем, между прочим, первоклассным шахматистом, и, разумеется, проигрывает. Конец трогает слез: он идет по улице, ругая себя за плохую форму, последний момент решает вернуться в бар и еще попытаться счастья, но его сбивает машина.

Рассказ «Ставка – жизнь» с иллюстрациями молодого художника-графика Алика Яралова опубликовала вечерняя газета. Для дебюта было не слабо. У меня появились поклонницы. Нелли Двалидзе, самая красивая женщина в нашей редакции и не только в ней, повергла меня в смятение. «Ты станешь писателем – уверенно сказала она. – Почему бы тебе не жениться на Лерочке?» Лерочка стояла рядом, смущенная

меньше меня. Интеллигентная еврейская девочка с яркими глазами и привлекательными формами. В студенческом симфоническом оркестре она играла не первую скрипку, но на нее приятно было смотреть.

Примерно тогда к нам неожиданно появился Мушег и пригласил отца на плов. По случаю приезда сына из Америки. Когда отец пришел со званого плова, от него приятно пахло пловом, красным вином и дорогими американскими сигаретами. Я поинтересовался, не высказывал ли Мушегов сын за столом каких-либо пожеланий, и узнал, что высказывал – как разменять пятьдесят долларов на наши деревянные. Откидной плов определенно пробил брешь в их семейном бюджете, и я спросил, нет ли у сына других проблем. Оказалось, есть. Он очень хотел увезти с собой четки, из тех, что перебирают за молитвой и чашечкой кофе. Именно такие, с красно-белыми бусами, в нашем доме имелись, и я порадовался за него.

Мой отец ходил по комнате и все поглядывал на картину Ваграма Гайфеджяна. Она висела, сколько помню, на не топившейся стенной печке, отчего ей было ни холодно ни жарко, и вблизи казалась ничего не стоящей мазней, но стоило отойти на несколько шагов, и каждый, даже не будучи ахалцихцем, догадался бы, что перед ним «Ахалцихский базар» в великолепии южных красок, выставленных дефицитных продуктов и с отчетливым ослом на переднем плане. Получалось, что и очаг имелся, и еды в доме полно, но все это не настоящее, как в каморке под лестницей старого шарманщика папы Карло, нарисованное на куске пыльного холста. Ахалцихец Гайфеджян оказался земляком Мушега и его сына, которые сами были из эрзрумских армян, обманувших смерть в восемнадцатом году. Кому как не ахалцихцам должна принадлежать эта картина, заглушая вечную тоску по родным местам. Кажется, я начинал понимать и от себя добавил книгу Ашота Арзуманяна «Дружба» - об армяно-русских культурных связях.

На следующий день отец отправился к Мушегу с

подарками, но определенные трудности ему при­ преодолеть. Американец, отчаявшись как-то опл свалившиеся ему на голову дары, просил дать адрес, чтобы он мог прислать хотя бы посылку мой добрый отец сумел отговорить его.

Долго потом я мысленно общался с Мушег сыном, обдумывая что бы послать ему поинтер о наших армянских делах, и старался не мелочи Будь я даже обладателем счастливого мяча, кот араратовцы обыграли киевлян в кубковом фин: его бы не пожалел. Но не было у нас бритоголи крепыша Марио Америко, массажиста бразили сборной, который на чемпионатах мира крал м зазевавшихся судей.

Натерпелись мы страху, когда перехватив Блохин с Колотовым вдвоем вышли на ворота. Бл потом вспоминал: надо было убрать мяч под когда бросился ему навстречу Алеша Абрамян отдать налево Колотову, и так хотел забить.

Америка нас не забыла. Как-то вечером пр. Мушег, которого мы уже начали забывать, и ск что получил посылку и в подтверждение своих вручил нам сорочку – одну на двоих.

Разные бывают посылки. Тетя Хая получи Шанхая посылку, а в посылке два китайца поче красят яйца. Нас научили не привередничать и ности, присылая что им негоже, но чтобы бог: Нью-Йорка дарил заношенную сорочку москов пошива – поверить в такое было трудно.

Круглолицый, румяный Мушег, рассказы загадочно улыбался, зная какой-то одному ему и тный секрет, точь-в-точь, как карабахский бала сумасброд Пыл-Пуги, а мне очень не хотелось одураченным Мелик-Шахназаром, но отец сд мне знак: не обращай внимания, и я послуш – не обращал, и простил, и потерял из виду, а и вспомнил, никто не знал, куда он девался, и имен не помнили, называя его по-разному, и только сосед сказал, что Мушега вроде вызвал в Аме

сын – в семью, к внукам, прежде чем всезнающий и премилостивый Бог взял его к себе.

И это самое светлое в его печальной истории со счастливым концом – нельзя бросать старых родителей, близких своих, когда от них мало прока и руки их не могут что-либо сделать, даже детские стулья.

ВИРТУОЗЫ ДОКТОРА ВЕРДИЯНА

Шел 1942 год. До окончания войны еще далеко, но музы не молчали. Восточный оркестр доктора Вердияна репетировал при неровном свете коптилки на Первомайской улице в клубе Берия (это потом он стал имени комсомола). Оркестр, состоявший из сорока человек, готовился к грандиозному концерту, посвященному 230-летию со дня рождения Саят-Нова. Интерес публики был огромный, люди готовы были платить любые деньги за входной билет. Вечер открыл вступительным словом о великом ашуге мой отец – Левон Богданович Еремян, ведущий праздника, который завершился товарищеским ужином на квартире Григория Вердияна, где было сказано немало теплых слов в адрес участников ансамбля – его руководителя Вердияна, непревзойденного исполнителя на таре Баяти Шираза, а также выдающегося кяманчиста, заслуженного артиста Армении Левона Карахана (он был репрессирован, выслан в Среднюю Азию – это аукнулись бедой гастроли в двадцатых годах в Германии, Румынии, Польше, Бельгии, Великобритании, Франции, Австрии, Турции, Иране. После ссылки ему было запрещено проживание в больших городах. Он жил в Кутаиси, а в Тбилиси приезжал на репетиции и концерты.) Другой солист – популярный исполнитель азербайджанских песен Мамед Якубов, его супруга работала в нашей 43-й школе и тоже входила в число артистов.

Всех не вспомнить. Но память подсказывает не-

обычный концерт у нас дома в день моего рождения, когда нашими гостями были Вердиян и Левон Карахан. Стоял июньский вечер, окна были распахнуты настежь, и немудрено, что перед домом собралась такая аудитория слушателей, что позавидовал любой гастролер. Григорий Мартынович блистал виртуозным исполнением своего коронного номера - Баяти Шираза, Карахан - песнями Саят-Нова, а отец, как обычно, не имел равных среди исполнителей классического Чаргя. А сколько было сыграно в этот вечер старинных мугамов, баяти, шикьяста, шедевров тбилисского городского фольклора нашими гостями, пришедшими со своими инструментами.

Григорий Мартынович родился в 1889 году в Нагорном Карабахе, в Шуше, как и мой отец. Общее связывало родство душ, с детства знание закавказских языков и классических восточных мелодий, виртуозная игра на таре. После окончания гимназии Григорий Мартынович завершил учебу в 1914 году на медицинском факультете Харьковского государственного университета. На этом же факультете училась старшая сестра моего отца, Ашхен. Отец, студент механического отделения Петербургского политехнического института, после летних отпусков обычно провожал сестру из Тифлиса до Харькова, а затем следовал поездом в северную столицу. Я высказывал предположение, что именно тогда он подружился с Вердияном, который уже в 1913 году основал в Харькове восточный оркестр из числа студентов армянского репертуара которого были армянские, грузинские, азербайджанские мелодии. На счету оркестра десятки выступлений. После окончания интернатуры в терапевтической клинике Харьковского университета (директор - профессор Шатилов) в конце декабря 1914 года он был мобилизован на военную службу на Кавказский фронт ординатором полевого передового госпиталя, а мой отец в 1916 году - начальником автотранспорта и механических мастерских Кавказского фронта. После окончания войны Вердиян

проявил незаурядные организаторские способности. Во время массового потока беженцев в Закавказье и Россию, будучи уполномоченным, он обеспечивал медицинскую помощь, питание, эвакуацию тысяч обездоленных армян. Одних только сирот детей было до трех тысяч!

Апрель 1920 года застал доктора в Баку, где он вступил добровольцем в XI Красную Армию и был назначен начальником госпиталя, затем был перебазирован в Тифлис, вместе с вступившей в него армией. Он оставался на руководящих должностях, наряду с административной службой вел и лечебную работу. В 1927 году по состоянию здоровья демобилизовался из армии. Значителен вклад доктора Вердияна в курортное строительство. Пятигорск, Боржоми, Абастумани, Ессентуки – поле деятельности этого энергичного медицинского работника, главврача санаториев и физиатрического института, лечащего врача С.Орджоникидзе, С.Кирова, С.Буденного...

Часть его дружеской переписки чудом сохранилась. Нарком здравоохранения РСФСР Николай Александрович Семашко называл Вердияна заслуженным работником Красной Армии. «С такими руководителями, - отмечал он, - мы продвинемся вперед в нашем деле!» Семен Михайлович Буденный, член Военного совета, инспектор РКК, будущий Маршал Советского Союза, писал председателю Терского облисполкома: «Доктор Вердиян возвращается на работу в санаторий № 9, прошу оказать ему помощь в работе, знаю его лично как хорошего и неутомимого работника, а также как добровольца на протяжении многих лет Красной Армии. С коммунистическим приветом, С.Буденный».

А вот еще письмо: «Здравствуй Григорий Мартынович! Из-за этой дьявольской работы все некогда было Вам написать, а думаю об этом давно. Во-первых, я приношу глубокую благодарность Вам...за то внимание, которым я пользовался во время отдыха. Чувствую себя в физическом отношении очень хоро-

шо... Чему, безусловно, Вы способствовали, как никто другой... Пока всего доброго. Привет Вашей супруге С.Буденный. 19.10.30».

Академик Владимир Петрович Филатов – Вердяну: «Дорогой Григорий Мартынович! Мне кажется что вот уже несколько сот лет прошло с тех пор, как Вас видел. Но память моя хранит тот приятный вечер который я у Вас в свое время провел.

Как здоровье, дела, настроение? Я был в январе в Москве, куда ездил на конференцию по глаукомии и для получения золотой медали имени Мечникова от Президиума Академии наук СССР. Кроме того выступил с лекцией. Как Ваша композиция на мои стихи? Еще один композитор (пианист) тоже хочет над ними поработать. Вы друг другу не помеха.

Ваши инструменты разные. Слышали ли Вы пение моего пациента и друга Артура? (Речь идет о певце-исполнителе главной роли в музыкальном фильме «Сердце поет» Артуре Айдиняне – А.Е.) Привет Вашей семье. Вл.Филатов. 8.04.52».

Пора нам вернуться к рассказу о восточном оркестре. Где только ни выступал его коллектив – в Госцирке в клубе Ворошилова, в домах культуры, но лишены государственной дотации оркестр распустили. И тогда Григорий Мартынович благословил своего солиста Мукуча Казаряна, отправив в самостоятельное плавание с его ансамблем «Саят-Нова».

Творческая биография маэстро Казаряна заслуживает отдельного разговора.

«Ты что, парень, решил, без тебя не победим! - военком с раздражением посмотрел на посетителя, который настаивал на своем. Он студент, у него бронь не зря ведь занимался боксом, плаванием, у него первый разряд по стрельбе. «Да пойми ты, война идет. В войне всякое может случиться, а потом за тебя отвечать...» Махнув рукой, юноша отправился в Кировский райсовет, благо, был по соседству, к председателю Саркисяну. Паруйр Арутюнович немедленно связался с военкомом: «Пойди ты ему навстречу. Человека

просит...» - «Если вы настаиваете». Мигом вернулся в уже знакомый кабинет. «Ты что, жаловаться на меня решил? Завтра придешь с вещмешком».

Так 18-летний Казарян оказался, как говорили в старину, на театре военных действий. Его, выпускника шоферских курсов, направили в танковое училище, где он выучился на механика-водителя. К тому времени окончилась короткая странная война с белофиннами.

Но по-прежнему тянуло порохом от всех границ, и он вспоминал дом в Харпухи, цельносварной Мухранский мост, построенный по проекту Евгения Патона, так бездумно снесенный в начале 60-х; с его верхнего пролета он прыгал вместе с закадычным другом Гришей. Это Гриша предложил собирать медяки среди зрителей.

Их полк стоял в местечке под Шяуляем. Тут проявилась незаурядная музыкальная одаренность молодого воина – как-никак еще в школе Казарян организовал ансамбль восточных инструментов. Своим даром он обязан маме, профессиональной певице. Рипсимэ Каспаровна сорок лет пела в хоре церкви Сурб Геворк. И сын в совершенстве овладел игрой на фортепиано, на всех восточных инструментах, особенно преуспел в игре на таре и первым учителем называет Аршака Котоева из Баку, слепого музыканта (ашуги в большинстве своем были слепыми). Потому никого не удивило, когда написал домой, чтобы прислали ему тар, не самый нужный на войне. Но инструмент получил целехонький, хоть и пересек он полстраны. И теперь молодой механик-водитель возил его в танке, к удивлению однополчан, не забывая о художественной самодеятельности. Командир полка даже поручил ему обучить жену грузинским танцам, выступали в паре. А потом с земляком, Жорой Мерангуляном, попробовал силы в вокале. С «Сулико», правда, вышла накладка. Помнили только первый куплет на грузинском, остальные забыли. Пришлось импровизировать. После концерта вызывает их майор

- светлый такой, с рыжими усами: «Что вы та пели?» - «Сулико» - «Сулико?» - «Да, - говорит Жосе - И вообще, что вы знаете о Грузии, Тбилиси, Хлебной площади» - «О Хлебной площади?» - начинает злит майор. - Я сам родом из Зестафони. Эх вы, земля а я вас на городской смотр самодеятельности дум отправить». Со смотром пришлось подождать.

Была вторая половина июня сорок первого. Поняли их ночью по тревоге. Слышались бомбовые удары. Примчался на «эмочке» комбат. «Заводим шины». Сел механик-водитель Казарян в свой танк. Только выехали из леса, обнаружил противотанковое оружие, передает командиру и радисту-стрелку: «Ви огневую точку».

Никакого ответа. Оба, как оказалось, убиты. Бомба снесла прямым попаданием снаряда. Вот тогда в литовском лесу, Мукуч повесил на дерево свой портрет до лучших времен.

Уже отметился он орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу», когда подстерегла Казаряна большая беда. Вызывают его в штаб, посылают в разведку. Шоссе надо было перейти, оно просматривалось, как на ладони. Залег он в трубе, наблюдает. Прямо в его сторону идет здоровенный немец, оглядывается по сторонам. Немец его не видит. Эх, молодость! Ему бы не высовываться. Но восемнадцать лет сказались. Сбил с ног подсечкой немца, молотит кулаками (в то время когдагодились уроки бокса Бориса Меладзе, будущего чемпиона СССР в командном зачете), а тот не поддается, силен вражина, а потом каким-то образом выхватил пистолет. Выстрелом ранило Мукучу правую руку. Очнулся уже в санчасти, кто-то в белом плачете над ним. Сам он на забинтованные пальцы старался не смотреть, подумал: только бы не ампутация. Потом санитарный поезд, эвакогоспиталь поехали в Челябинском. Казалось, никогда не вернется к музыке, но сделал невозможное, как Сашка-музыкант из купринского рассказа «Гамбринус». «Человека можно искалечить, но искусство все перетерпит и все победит».

дит». И он победил, вернулся к жизни, к музыке.

Казарян и музыкант-инструменталист, и инженер, и композитор. Бессменно руководил ансамблем более полвека и привел его в числе первых к званию народного коллектива, сам удостоился звания народного артиста Грузии. В составе его ансамбля выступали Левон Карахан, Рашид Бейбутов, Геворк (Глахо) Захаров, Маро Тархнишвили, Ованес Касьян... Десятки других имен, украшающих сцены Грузии, Армении, США, Болгарии, России... Все они служат большой цели – формируют образ мышления, национальное сознание, высвечивают жемчужины тбилисского городского музыкального фольклора – тот оберег, который не позволяет забывать, кто мы и откуда пришли.

Григорий Вердиян скончался в 1962 году, через год не стало и моего отца. В середине 70-х с редакцией газеты «Заря Востока» активно сотрудничала заслуженный инженер Грузии Мария Григорьевна Гевондян-Церетели. Ее отец, Григорий Тер-Гевондян, был известным тифлисским фотографом, чьи работы я обнаружил в книге «Петрос Адамян» Рубена Зарьяна. Моя знакомая хранила у себя дома редкое фото 1916 года представителей кавказского землячества, которые учились в Петрограде. На фото вторая справа – Мария, слушательница Бестужевских курсов. «А это в центре, в френче, – говорит она, – мой брат, композитор Анушаван Тер-Гевондян, на юбилей которого я приглашаю вас в Ереван. В первом ряду в центре – знаменитый тарист Бала Меликян».

Конечно, я был наслышан о нем. Бала родился в 1888 году в Шуше, в семье известного музыканта Григория Меликяна. В 1912 году, когда Бала учился на экономическом факультете Петербургского университета, Шаляпин взял его на концерт в императорский дворец, где он восхитил слушателей своей игрой. В конце 20-х нарком просвещения Луначарский, услышав игру Балы в Боржом-парке, писал, что такие исполнители рождаются раз в столетие. 31 мая 1934

года Бала – участник концерта старинной иранской музыки в Ленинграде, посвященном 1000-летию дня рождения Фирдоуси.

«Позвольте, - говорю я, - если это Бала, а он и родственник, то рядом с ним должен быть мой отец. Он в том году закончил политехнический институт. Всмотриваюсь в фотографию, и, в самом деле, спрыс от Бала узнаю моего отца.

Вспомнил я хранившийся в нашем доме траурный листок «Памяти несравненного виртуоза». На портретах Бала Меликяна (1935) мой отец шел во главе процессии, с его таром в руках.

Такая вот неожиданная встреча с отцом через годы и расстояния.

УРОКИ ГИГОЛОВА

В ту ночь нам было не до шуток. Мы ввязались в уличную драку и, хотя в наших рядах был чемпион Грузии по боксу, краса и гордость сорок третьей школы, одному из нас потребовалась врачебная помощь.

Ничего страшного – обычное рассечение бедра, как это случается на ринге. Какие претензии к другой стороне, которая сама пострадала? Мы на центральной площади, возле здания сегодняшней мэрии, «часами», как тогда говорили. Идем к Гиголу, к которому же еще в столь поздний час. К знаменитому хирургу-клиницисту, почетному члену Тбилисского научного общества хирургов.

Несмело топчемся у подъезда особняка на тихой сололакской улице. Михаилу Георгиевичу не привыкать к ночным визитерам. Быстро «чинит» пострадавшую бровь. Непонимание возникает, когда пытаемся оставить гонорар. На голоса из соседней комнаты выходит сын Михаила Георгиевича – наш университетский лектор, элегантный и представительный, д

в пижаме. Узнав о возникшем затруднении, говорит с такой знакомой иронией: «Спрячьте деньги, ребята. Ночью их предлагают, знаете, кому...»

Инцидент исчерпан, но не хочется уходить из квартиры, где со стен смотрят красивые женщины, а все жизненное пространство занято книгами.

В последующие дни мы уже по-другому смотрим на Георгия Гиголова, что-то новое нас объединяет. На его лекциях обычное столпотворение, приходят даже с других факультетов. Поди разберись в большой аудитории первого курса, кто лирик и кто физик. А мы сидим в задних рядах, на самой верхотуре, галантно уступив лучшие места нашим девочкам. Еще малоискушенные в макияже, лихорадочно наводят красоту, не подозревая, что их кумир уже сделал свой судьбоносный выбор. Мы, мальчики, – как сейчас удержаться от вздоха! – пока не понимаем, какое счастье свалилось нам на голову – русскую литературу XX века читает Гиголов! Пишем эпиграммы на однокурсниц и, слушая вполуха лектора, переписываем в тетради редкостные в те годы стихи Есенина. И еще новинка – в журнале «Знамя» декадентские стихи Бориса Пастернака из романа «Доктор Живаго», над которым он работает. А от взгляда учителя ничего не ускользает: ни пылкие взгляды зубрил-отличниц из первого ряда, ни полуприсутствие на лекции мальчишек, которым он никогда не грозил страшной местью на экзамене, к которому действительно невозможно подготовиться – за несколько дней поднять огромные пласты всей советской литературы да еще блистательную русскую начала века. Но мы не жаловались на нехватку времени и общей картины не портили. Помню его лестный отзыв в мой адрес, по секрету переданный однокурсницами: «Сидел, видите ли, постоянно где-то на «камчатке», а оказалось...»

Позже я писал дипломную работу у Гиголова. И была защита в присутствии заинтересованных и трогательных первокурсников, которым еще предстояло пройти школу Гиголова.

Он вышел из нашей сорок третьей. И его, навер как и других, рано приобщила к книге Елена Гес евна, наша первая учительница.

В случае с Гиголовым сильно было влияние се отца в первую очередь, широко образованного тби ского интеллигента, ценителя литературы и музй создавшего этот известный дом, очаг духовност высоких идеалов, и таким он остается целое столе А тяга Георгия Гиголова к музыке Моцарта, Бе вена, Верди, которую он знал на профессиональ уровне и собрал редкую фонотеку? Можно говори несостоявшемся музыкальном явлении, о том, чт тература перевесила интересы, увлекла. И еще о ге унаследованных по материнской линии. Красае Джульетта, помимо имени шекспировской герои была наделена даром великолепной пианистки. А бабушка Джемма (вспомним Тургенева!). Дже Ринальдовна Галли, певица и родная племянн дирижера Иосифа Труффи, друга молодости Ш пина, работавшего с великим певцом в Тифлис Панаевском театре в Петербурге и в Русской част опере Саввы Мамонтова.

«Это такая особенная человека!» – говорил ит янский предок Гиголова. – Но такой таланта я в в первый раз». Федор Иванович называл его ласк Труффочкой и выдвигал свои требования: в оп помимо музыки и голоса певца, есть фраза и см Для него фраза – главное. Он ее окрылял музык придавая значение словам, которые пел. На реп ции пел вполголоса, часто останавливал Труфф прося повторить, и, повторяя, пел полным голос Отбивая громко такт ногой, даже своему другу, торый не обижался и говорил, смеясь, Константин Коровину: «Этот Черт Иванович Шаляпин – тал огромная. Но он постоянно меняет и всегда хоро Я, когда дирижирую, – плачу, удивляюсь и насла юсь. Но я так устаю. Он требует особого внимани Эта такая великая артист...»

Вот где разгадка музыкальных талантов, арти

ческой внешности, неповторимых жестов профессора кафедры истории русской литературы Тбилисского государственного университета Гиголова, которого его ученики, сами давно профессора, называют столпом кафедры.

Начинал скромно – с ФЗУ. Окончив училище, работал электриком, как Павка Корчагин. На предприятиях Управления высоковольтными сетями Грузии. Поступает на филологический факультет университета и оканчивает его в первый предвоенный год. Преподает русский язык и литературу в 42-й средней, позднее 9-й мужской средней школе Тбилиси, но как! Среди его учеников той далекой поры – Отар Тактакишвили, Тамаз Гамкрелидзе, Сергей Параджанов... Этот список бесконечен. Нина Роинишвили, доктор наук, руководитель отдела физики космических лучей Института физики АН Грузии, вспоминала: «Мое отношение к искусству определил, как и у многих из тех, кто у него учился, Георгий Михайлович Гиголов, преподававший нам в школе русскую литературу. Прежде я была убеждена, что наивысшим достижением интеллекта является математика. Гиголов открыл нам другой мир».

Такой редкий талант грех было зарывать в землю, и молодой педагог поступил в аспирантуру ТГУ по специальности русская литература, которую окончил под руководством философа и литературоведа – профессора Серги Данелия, первого заведующего кафедрой истории русской литературы. С первых шагов в науке шел непроторенным путем. Кандидатскую диссертацию защитил по творчеству драматурга XVIII века Владимира Лукина – о его роли в становлении русской национальной комедии.

В семейном архиве Гиголовых, в его многопудовых эпистолярных залежах есть свидетельства очевидцев того славного события в литературной жизни Тбилиси. Обратимся к письмам Леонида Гроссмана, блестящего знатока эпохи, мастера занимательного, интригующего сюжета, чьи литературоведческие работы и историко-биографические романы «Записки

д'Аршиака», «Рулетенбург. Повесть о Достоевске «Бархатный диктатор», обеспечили ему призн уже в 30-е годы. Вот что он пишет в мае пятидеся тбилисскому другу: «Дорогой Георгий Михайло Мы вернулись в Москву, полные самых свет впечатлений о дивном Тбилиси и наших чудес новых друзьях, среди которых Вы оказались нам бенно близким... Моя работа в Вашем универси вспоминается, как сплошной праздник. Сегодня присутствовал на заседании кафедры нашего МІ и многих заинтересовал рассказом о Вашей диссе ции. Вы, вероятно, готовитесь к приближающем решительному дню генерального сражения, кото не сомневаюсь, окажется и днем блистательн триумфа!»

Через месяц Гроссман-Гиголову: «Серде поздравляю Вас с удачной защитой, завоеван степеню, научно-общественным признанием и души желаю дальнейших успехов, в которых и колько не сомневаюсь. Помимо Ваших блестяи способностей, в Вас столько человечески ценн что это, несомненно, проложит Вам путь к нои достижениям и в области духовной культуры. Впе же, «без страха и сомнения!»

Вы чудесно описали Вашу одинокую прогулку тбилисских вершинах, где мы провели с Вами таи незабываемый вечер. Надеюсь, что нам еще удае снова провести там вечер в дружеской беседе... Мі искренне тронуло все, что Вы мне пишете об отно ниях ко мне тбилисских ученых кругов, плениви меня своим радушьем и высокой культурностью»

Через две недели он же: «Спасибо за новое, таи же сердечное и дружеское, как и первое письмо, ко рое мы прочли с Серафимой Германовной, любю: «Человеком» (речь идет о гиголовской работе – п блематика поэмы в прозе М. Горького), который в отражается в своем теплом и артистическом сти От души благодарю за все Ваши сообщения и по лания. Вы, вероятно, уже знаете, что я ответил Ва

Семеновичу Шадури согласием и искренне радуюсь тбилисской «осенней» перспективе.

Снова побеседуем с Вами, но уже на колоритном фоне «багреца и золота» если не лесов, то листвы парков и проспекта Руставели. Под серыми московскими небесами, которые не перестают слезиться, так отраднo думать о ярко-синем небе над горою Св. Давида!

Одно из первых заседаний кафедры после каникул будет посвящено учету ее выводов на фронте литературоведения. Уже говорилось, что и мы не должны изучать язык и стиль писателей с классовых позиций — какой же язык либерала-дворянина у Тургенева или «мещанская стихия» в народном слого Крылова и проч.! Все это очень интересно, очень верно и весьма плодотворно».

Задумаемся над последними словами из письма. Как созвучны они были душе Георгия Гиголова, позиции исследователя, сохранявшего независимость и авторитет ученого, свободного от конъюнктурных соображений, его смелым в ту пору откровениям на лекциях, когда речь шла о творчестве Горького, Бунина, Блока, Куприна, Короленко, Ахматовой, Гумилева...

От того же корреспондента: «Меня искренне тронуло и чрезвычайно порадовало Ваше теплое дружеское письмо со столь хвалебным отзывом о моих скромных «опытах». Вы так тонко, изящно и эмоционально пишете о них, что мне вспомнились слова Гюго, обращенные к блестящему эссеисту Полку де Сен-Виктору: «Стоит написать целую книгу, чтоб вы написали о ней одну страницу!» Поистине не жаль, что молодость и жизнь ушли на написание книг, если через годы и десятилетия на склоне твоего пути встречается такой читатель, как Вы, и получаешь такую «нечаянную радость», как Ваше озаряющее и согревающее письмо.

Мои литературные дела ориентируются на два юбилея: Достоевского и Лескова. По первому прини-

маю участие в редакционной коллегии в Госиздате и новому изданию и готовлю статью (намечен сборник о Достоевском в Институте мировой литературы по второму предвидятся некоторые переиздания статьи.

Как хорошо, что Ваша семья растет – это самое главное в жизни! Шлем наши сердечнейшие приветствия Вашей прелестной жене (помню ее светлое имя, к стыду моему, забыл отчество... «Старо стало», как говорил Кречинский)).

Прелестная жена, и Гроссман несколько не грешит против истины, ангел-хранитель гоголевского дом родилась в семье заслуженного инженера Станислава Кошута и заслуженного архитектора Грузии Галина Грессель, как-то неспешно и негромко (и это тоже семейных традициях) выросла вдумчивым ученым, широким спектром литературных интересов, преимущественно по взаимосвязям грузинской и русской литератур, защитила кандидатскую диссертацию и ранней прозе Бунина.

Но самая громкая известность пришла к ней исторической родины, когда в шестьдесят третьем венгерский журналист открыл в Тбилиси грузинский Кошуты – потомков Эдуарда, двоюродного брата Лайоша Кошута, организатора борьбы венгерского народа за национальную независимость во время Революции 1848-1849 гг. И опубликовал о них статью с иллюстрацией в журнале. Десять лет спустя Георгий Гоголь защитил докторскую диссертацию на тему «Драматургия М. Горького эпохи первой русской революции в свете современной ей критики и публицистики». На вышедшую монографию известный горьковед, профессор Борис Бялик откликнулся равнодушно-взволнованно: «Поражает широта охвата материала, демонстрирующего все направления и течения критики и прессы, вплоть до церковных изданий... ценю и то, что Г. Гоголь выходит за рамки русской прессы, обращаясь, например, к печати Грузии. Но еще более ценно то, что в книге широта охват

материала важна не само по себе, а как путь к более глубокому пониманию драматургии М. Горького».

Другой коллега – ученый из Воронежа З. Анчиполовский писал: «Очень признателен Вам за присылку Вашей книги. Я познакомился с ней совсем недавно, но для меня стало совершенно очевидным, что, занимаясь началом века, нужно иметь ее под рукой. Вы собрали поистине громадный материал и ввели в научный оборот издания забытые и затерянные среди множества других, им подобных. Трудно даже представить себе, что такое можно было сделать, не живя ни в одной из «обеих столиц».

Перевернем и эту страницу жизни, наскоро пробежав глазами письма Людмилы Маяковской, Аркадия Райкина, Сергея Параджанова, Булата Окуджава, Бориса Мейлаха, Георгия Фридлендера... Переведем дыхание, как после быстрого бега, иначе придется назвать весь цвет отечественного литературоведения, деятелей русской культуры, мастеров искусства, врачей, грузинских родственников и друзей.

Вспомним, что только летом семьдесят восьмого профессор Гиголов и Светлана Кошут, старший научный сотрудник Института истории грузинской литературы, смогли выкроить время на поездку в Венгрию по туристической путевке. Семь газетных статей и одна журнальная – результат их пребывания на земле, где имя Лайоша Кошута открывает сердце каждого. Георгий Михайлович с улыбкой наблюдал за волной популярности Светланы, чувствуя себя в некотором роде в «роли супруга Барсовой». Но внимание широкой аудитории было привычно, она его вдохновляла и окрыляла, недаром он был потомком маэстро Труффи.

Он не искал славы – она находила его. Сохранив имя в десятках научных и научно-популярных работах по вопросам истории русской литературы, эстетики, культуры, оттисками которых дорожили коллеги в далеких городах и весях, не утративших свое назначение. В написанных для Грузинской Энциклопедии

шестидесяти статьях, в учебнике русской литературы для грузинских школ. В воспоминаниях бывших студентов и учеников.

Я уходил из гоголевского дома, где все по-прежнему напоминало о вкусах хозяина, истинного тбилица, его увлечения музыкой, шахматами, теннисом и конным спортом. И конечно, книги, книги, с водруженными на них здесь и там объемистыми папками – материалами, ждущими будущих исследователей. Он, как бывалый альпинист, навесил веревки и перешел на предвершинном гребне, чтобы облегчить путь наверх идущим следом.

КАК ДАНАИДЫ В СТАРИНУ

Начну с начала, с прекрасного далека, когда я получил первое редакционное задание. Был сиреневый май, лучшая пора в Тбилиси. Сажу в салоне «Волг» тренера по боксу Ашота Израеляна, чья фамилия прославилась в тридцатых годах богатырским соперничеством его младшего брата – Гайка Израеля с Виктором Михайловым, абсолютным чемпионом страны, и добросовестно переношу увиденное на бумагу. Мы побывали в Дидубе и на Авлабаре, повезли дочь хозяина машины к музыкальной школе Сололаках, и всем знакомым он объявлял, что у него в машине пишет статью корреспондент.

Не одному мне приходилось работать в некомфортных условиях. Редакция «Вечерки» была напротив здания ТБИИЖТа, говорили, что оно сверху имеет форму серпа и молота, обязательной атрибуции советского времени. Миновав тесный двор, застеленный расшатанной деревянной тарой, посетитель попадал в редакцию, в две комнаты, где готовили русский дубль газеты «Тбилиси». Потом производственные площади урезали до одного стола. Работая за ним, можно было ненароком уткнуться в черную

как смоль шевелюру штатного переводчика или в необъятную грудь молоденькой сотрудницы, которые тут же, на краю стола, что-то строчили в номер. На тесноту никто не жаловался, понимая, что трудности эти временные. Нас всю жизнь учили этому.

❖ Вопрос помещения редакции положительно решался наверху.

❖ «Вечернему Тбилиси» быть! Ждали только приезда редактора из Москвы – Павел Васильевич заканчивал журналистское образование в Высшей партийной школе. Скоро он приехал – молодой, напористый, склонный к полноте. А меня ждали первые радости и огорчения на выбранной стезе.

❖ Заметку свою я сдал, как положено, и прилежно посещал лекции. Заметку поставили в первый номер, но редакционный художник решил блеснуть клишированным заголовком; цинкография подвела, не выдала в срок. На этом неприятности не кончились. Мой дебютный материал наряду с другими попал к штатному сотруднику редакции, порядочному сухарю, и он ничтоже сумняшеся прошелся по чужим работам недрогнувшей рукой. У меня пострадало начало – своеобразное стихотворение в прозе. Стилисту тогда крепко досталось от редактора. На заре моей туманной журналистской деятельности меня дружно называли будущим редактором. Некоторое время я этим был чрезвычайно горд, забывая, что сегодняшнее яйцо лучше завтрашней курицы.

❖ Здесь я несколько опережаю события, спрессованные в добрый десяток лет, выбирая эпизоды, возможно, не самые интересные и яркие, но одинаково дорогие моему сердцу.

❖ Семь редакторов знал я по совместной работе, но Павел Асланиди запомнился больше. Может быть, потому что был первым для нас, еще не зрело знающих работу, как сказал поэт, вместе мечтающих о славе; и некоторые действительно угодили в прицел, но и остальные мазилками себя не считали, как данаевы дочери, изо дня в день наполняя водой бездонную

бочку газеты – по классическому определению Карел Чапека. Нам одинаково нравилась в первом номере «Журналиста» статья академика Иосифа Кассирского «Человек создан без запасных частей» – о трудностях журналистской профессии, где она, со своими требованиями универсальных знаний, ежедневными стрессами и потерями, приравнивалась к шахтерскому труду, за который сегодня платят копейки. По молодости нас даже не шокировало в журнальной статье утверждение (ничего себе напутствие для первого номера), что в силу вредности профессии продолжительность жизни среди журналистов самая короткая.

Павел Васильевич, будучи не намного старше, по газетному обычаю называл нас стариками и не скупился говорить, как любит. Видимо, так оно и было.

Помню, как взял он на руки моего сына, впервые пришедшего в редакцию, и годовалый ребенок доверчиво прижался к гладко выбритой редакторской щеке. «Ни к кому не шел, а редактора сразу признал» – ревниво заключила прекрасная половина «Вечерки». Растроганный Павел Васильевич гостя без подарка не отпустил, выйдя с нами на улицу, выбрал в соседнем магазине белый беретик.

Любимчиком его я все же не был, семьями мы не дружили – сказывалась разница в возрасте, как говорится, детей с ним не крестили, ограничиваясь слезливыми обязанностями, но отношения оставались уважительными. Как-то раз он с сожалением и даже досадой сказал: «Я так и не нашел ключ к твоему сердцу». До сих пор испытываю неловкость, вспоминая свой ответ, показавшийся тогда мне остроумным, но увы, несправедливый, а он, думаю, обиды не помнил. Однажды признался, что рассказал обо мне студентам журфака – он читал им курс теории и практики советской печати, а что именно – умолчал. Кто-то из великих заметил: мужчину интересует больше то, что о нем думают, женщину – что о ней говорят. В нашем случае интерес представляло и то, и другое.

Он обожал неизбежные розыгрыши. Помню, завел меня в свой кабинет и спросил, хочу ли я поехать в командировку. Эта новость почему-то не вызвала у меня всплеска радостных эмоций. Довольный Павел Васильевич, в лучших традициях детективного жанра, вытащил из-под стола магнитофон и дал послушать в записи мой унылый ответ.

Он умело повышал тонус редакционной жизни. Его знаменитое «В двери редакции стучатся» не пугало катастрофой увольнения с нищенски оплачиваемой должности, а было скорее игрой, желанием держать форму коллектива. В пятидесятые-шестидесятые годы легче верблюду было пройти сквозь игольное ушко, чем новобранцу попасть в штат. Помню, как в горькоме партии не утвердили в должности заведующего отделом промышленности нашего молодого товарища, облачившегося по этому случаю в свою лучшую сорочку. Партийный божок произнес при этом классическую фразу: «Хорошо писать – не самое главное». Почему-то с ударением на первом слоге глагола. Такой пассаж огорчил редактора, который сам двери редакции открывать не спешил. Видимо, его благие намерения расходились с его возможностями. В один прекрасный день позвал меня и предложил: «Пиши заявление о предоставлении тебе квартиры. Будешь жить в доме ЦК». Я, удивленный, упрасивать себя не заставил, и он спрятал заявление в лязгнувший засовами сейф. И опять что-то не сработало.

Я потом ушел в республиканскую газету. Трехкомнатную квартиру в новом доме ЦК мне предоставило другое ведомство, но я от нее отказался. Шла постыдная война в Афганистане. На рыжих перевалах бензиновыми кострами горели советские танки и бэтээры, мстительные духи лезли из каменных колодцев, неся смерть и увечье шурави, непрошенным пришельцам с севера, «выполняющим интернациональный долг». Сын мой служил в армии, в частях горной пехоты, числясь формально снайпером, и меня волновало одно – чтобы поскорее он живым вернулся домой.

Так я остался жить в родительском доме, внесенном в реестр исторических памятников Старого города.

Как замечено не только мною, мне и рубля не копили строчки, но журналистика одарила радости встреч с людьми, вспоминая которых чувствую себя богатым и счастливым. С годами отсеивается шелуха необязательных слов и отношений, отличаешь золото от позолоты, забываются сиюминутные обиды, остается тепло и щедрость человеческого общения.

Павел Асланиди чаще вспоминается не в президиуме юбилейного заседания десятилетия «Вечерки в Концертном зале Руставели и на скромном торжественном ужине в гостинице «Иверия», не за редакторским столом, за которым он подписывал в печать наши материалы, в кабинете, представлявшем таким огромным. Мне он открылся в вечернем разговоре по душам, на его квартире, позади высоченной доминошной костяшки гостиницы «Аджария», стрелство которой так его огорчало. Он достал альбом своих ранних публикаций в «Гудке», где трогательны немногословные рабкоровские заметки соседствования с проблемными письмами собкора по Закавказью. Рассказывая, он не делал скидки на размеры публикаций, подтверждая, что в журналистике нет мелочей, есть мелочные люди.

Помню одну из традиционных редакционных встреч. У нас в гостях – создатели фильма «Иныныче времена», он только начинал победное шествие по экранам. Несколько недель назад мы с Ко Макаридзе побывали в селе Дигоми, где снимали последние кадры. Одолеваемые одышкой, Васо Гезиашвили и Сергей Мартинсон потешно сражались в дорожной пыли за поруганную справедливость. Красавица невеста из бедняцкой крестьянской семьи спасалась на фаэтоне от сексуальных домогательств сластолюбивого князя...

На широком балконе господского дома сидим и слушаем Софику Чиаурели, еще не отдохнувшую после снятого эпизода, не снявшую грим.

Теперь она в редакционном кабинете. Как молод Арчил Гомиашвили. Он пока не Остап Бендер и владелец элитарного московского ресторана, он взволнованно говорит, какая это для него честь сниматься у Михаила Чиаурели. «Перестань, пожалуйста, – машет рукой Михаил Эдишерович, – меня Сталин называл лучшим кинорежиссером».

Могучий Хорава с улыбкой наблюдает за этой сценой.

Я сижу рядом с Верико Анджапаридзе, смотрю на прекрасное лицо княгини, нет, не княгини – царицы. «Угощай!» – делает мне отчаянные знаки Павел Васильевич, и я кладу ей на десертную тарелочку самую красивую грушу и самую красивую виноградную гроздь. «Спасибо, деточка», – говорит она, слушая тост хозяина кабинета.

Он в своей артистической стихии, говорит не переставая, хлебосольный сын старого Тбилиси, уставши газетного амкарства. Господи, как давно это было.

В последнее время мы виделись редко. Он по обыкновению куда-то спешил с неизменным портфелем под мышкой – в ЦК, как некогда говорил знакомым и сослуживцам, и мы знали об этой невинной мистификации и не осуждали, ведь и без того значительным и интересным он был всегда, только с годами выглядел бледнее обычного, и костюмы, которые носил с особым изяществом, становились широки ему в талии. Но как бы ни спешил, выкраивал минуту-другую для разговора, и в этом проявлялись не только понятное человеческое внимание, но и интерес газетчика ко всему новому, им он оставался до последнего дня.

Так случилось, что я вернулся ненадолго в коллектив «Вечерки», о которой помнил с любовью и светлой печалью.

В тот день в редакцию позвонили коллеги-журналисты и сказали, что Павлу Васильевичу плохо, очень плохо. В канун октябрьского праздника он пришел в газетно-журнальное издательство на заседание ветеранов журналистов, на свое последнее производс-

твенное совещание, обсудить обязательные, как считали, дела.

Он тихо лежал в кабинете на диване, вперв никуда не спеша. А потом мы осторожно, чтобы потревожить его, спускали с пятого этажа носил и страшная новость, опережая нас, катилась лавин по этажам, достигая улицы, где стояла «скорая», и с ничем не могла помочь.

На следующий день, сидя за редакционным лом, на котором было личное дело нашего первого редактора и материалы его домашнего архива, я писал правительственный некролог, втискивая обязательн слова в прокрустово ложе официального сообщения понимая, как тяжело говорить о нем в прошедш времени, снова чувствуя себя осиротелым.

ВСЕ ПРОХОДИТ

Трех молодых женщин сняли мы в ресторане бл Михайловского моста, за гастрономом на площад называемым по-военному «Боец», праздным ию. ским вечером, когда синий воздух удручающе влаж и, как в серной бане, горяч.

После сдвинутых столов выпитого и сказанного и казалось мало, решили добавить за новое знакомств Презрев условности комфорта, набились в такси, к сардины в коробке. Левый бок мне подпирал Паустский шестью томами собрания сочинений, прав – жаркое бедро Тамары. В нетерпеливой очереди нижней станции фуникулера, за Давидовской площ дью, охотно смотрим на подруг, посланных случа два часа назад. На макушке лета собирались провес отпуск на море, а пока пребывали транзитом в город зная о нем понаслышке, расслабленные от вина.

И уже к нашим услугам работага вагон, где меня ся местами и хлопать дверцами с детства было од удовольствие.

Потом вагон не спеша поплыл вверх. Сразу стало тихо, светло, надвинулась прохладной стеной Святая гора, воспетая поэтами и композиторами, каждым в меру своих способностей и социального типа. Сравнивали ее со сказочным шатром, с эстрадой, откуда можно говорить с планетой, а кто-то называл самой поэтической принадлежностью Тифлиса и ресторанной горой, расточая похвалу вину, которое учит мудрости умных и неразумных лишает ума.

Я вспомнил совет ставшего антикварным сборника новейших анекдотов «Тифлисский кинто»: «Кто не видел наш Кура, кто не видел наш Тифлис – на Давытски на гора тот скорее подымись», еще застал в Старом городе задиристых балагуров в черных архалухах и широких шароварах, с деревянным блядом табахи на голове. Под неправдоподобно красивыми чайными розами влажная от росы белоснежная тута блестела, как слеза.

Крупные звезды водили хороводы и не думали падать. Женщины вокруг стали видными, загадочными, заставляя вспомнить всякую чертовщину из шоколадных томов последнего романтика, купленных по случаю днем на проспекте Руставели, подрагивающих сейчас на скамейке от хода вагона, - любовную аварию капитана грузового парохода, с открытым лицом и застенчивым сердцем, он бросился в море между Керчью и Феодосией после ночной встречи-разлучницы; наполеоновского маршала, забывшего воинский свой долг в лесных ночах, наполненных густым снегом, медленно падающим на заколдованные черные деревья, живым серебром в незамерзающем ручье, коротким счастьем впервые полюбившей женщины, чье имя звучало, как музыка.

В такую ночь хотелось молчать, и я с нарастающим раздражением слушал Павла, который надолго завелся, и с пафосом получающего в твердой валюте интуристовского гида вспоминал Давида Гареджийского, одного из тринадцати сирийских монахов-миссионеров, присвоил его красноречие, чудодейственную

силу разрушителя женского бесплодия и устроителя браков, шел в толпе пригожих богомолок, простоволсых и босых, испрашивающих себе мужа или ребенка: загадав желание, прикладывал камешки к северной стене церкви и волновался вместе с ними: прилипнет – не прилипнет, прислушивался к шороху падающих со скалы камней, что тоже было приметой близкого замужества; и, слушая его, наша новая знакомая Валя ужас какая любопытная, как все женщины, заинтересованная, высовывалась из вагона, желая разглядеть решительно все на свете – святыни справа внизу, чуждодейственную церковную стену с ее пророчествами, грибоедовский грот, богомолок, которые уже спали и тех, кому еще предстояла ночь любви; и, наверно, опасаясь, как бы она не выпала на ходу, Павел крепко держал ее за плечи.

Глядя на эту идиллическую пару, мы не знали, что Валя первая нарушит согласие в загулявшей компании. Пока мне все нравилось и я нравился, нравились галантные тосты за милых дам, которые и в самом деле были милыми и ласковыми, нравилась частая смена бутылок на столе шашлычной в верхней аллее, где наивысшей точки парка культуры и отдыха смотрел тяжелого постамента вождь всех народов, вдохновляя на труд и на подвиг.

Потом вместе со всеми я стоял у каменного парапета, над пешеходной тропой среди темных островков бирючины, куда сбегали торопливые парочки, смотрел на город, который был как на ладони, весь потоках света, не зная лимитного снабжения; справа почти вровень со Святой горой, каменные кулич-башен Нарикалы и нагорный квартал Клдисубани в сердце Старого города, с домом моего прадеда по материнской линии.

Прадед давно находился на вечном покое в Кутаиси, в обществе других тифлисских дардиманов, которые в свою земную жизнь гуляли в Сололакском

* Дардиманди – беззаботный кутила (груз.).

садах, выезжая на учебу в Петербург, Москву, Дерпт, пили воду из Терека, слушали итальянскую оперу в Казенном театре, читали газеты «Иверия» и «Кавказ», подкатывали к дому суженой в фаэтонах на мягких шинах, пели под окнами песни Саят-Нова и Иетима Гурджи, играли в баккара, кутили в «Белом духане» и шантане «Бельвю», помогали бедствующим вдовам и сиротам, отвозили зерно на плавучие мельницы Эликашвили и Тамамшева, выпекали самый вкусный в мире грузинский хлеб, добывали густую, как кровь, бакинскую нефть, пополняли списки приданого незаметно созревших дочек-барышень, крещенской ночью приходили к Авлабарскому мосту, когда вода в Куре словно останавливалась, веря, что капли зачерпнутой воды, стекая, превратятся в жемчужины, под плач зурны, шелест амкарских* знамен уходили из этого бренного мира, не взяв с собой ничего, кроме разбитого сердца.

Старик Лазарь был из древнего тифлисского рода Басилашвили, насчитывающего в городе семьсот лет, родословную вел от одного из семи братьев-дворян, чье генеалогическое древо, исстари хранимое в банковском сейфе его сына, купца первой гильдии, затянуло вместе с вкладами в огромную черную дыру, но не все пропало – следы их рода я обнаружил в алфавитном списке старинных фамилий горожан в книге, выпущенной к 200-летию Георгиевского трактата, в числе прочих сувениров розданной гостям очередного партсъезда, и обрадовался – с учетом естественного прироста населения за семь веков, половина коренных тбилисцев приходится мне родней, сами того не подозревая.

Я часто думал о тех, кто проверяет свои силы в Гималаях, идет в горы, потому что горы стоят; многие из них, не понимая мудрости сирдаров шерпов, что горы нельзя победить, этих небесных колоссов с безжалостными характерами - Джомолунгма, Чогори,

* Амкары – цеха тифлиских ремесленников.

Канченджанга, Макалу, Лхоцзе, уподобляются с пым щенкам, и беда ходит за ними, а я, живя в дв шагах от дома прадеда, где ребенком был однажды не нуждаясь в непальской визе и многолетней очереди за право штурмовать вершину, без риска умере наверху от кислородного голода, соскользнуть расщелину с ледяного карниза, замерзнуть на холсной ночевке и в снежной буре, быть раздавленным многотонным прессом лавинного льда и камней, мог себя заставить подняться по тихой горной улочке пройти сотню метров и убедиться, что стоит он не вредимый на прежнем месте, выйти на широченный тифлисский балкон, ажурным козырьком нависший над обрывом, над Сурб-Геворгской церковью с мгилами Саят-Нова и Лорис-Меликова в церковном дворе, приложить ладони к нагретым солнцем лскам и узнать, что душа очага жива. Я видел свою праздность, презирал себя за леность и любил все родственников и тех, кого не знал и не узнаю никогда и всех тбилисцев, и желал им счастья, и молил Бога чтоб ни одна пушинка не упала на их головы.

Это ощущение легкой радости не покидало в дом Володи, старинном особняке мавританского стиля, ним происходили какие-то странности - он дважды обрушивался уже на начальной стадии строительства хотя строил искусный зодчий и инженер Казарос Сакисян, впоследствии профессор кафедры архитектуры Академии художеств; говорили, что это знаменитой большой крови недобрых дел, так оно и вышло подвалах особняка, и связывали их с ведомством, котором старались не говорить или говорить хорошо а в сотне шагов был не менее зловещий дом, от него через три улицы вел подземный тоннель, где находились человеческие кости.

Володя, приведя нас, веселых и хмельных, в свой дом, благо, семья выехала на дачу, был по обыкновению деликатен и мил, никак не обольщался своими способностями, всегда отмечал удачи других, сам больше тяготел к контрольной работе, записыва-

выявленные нарушения красивым, крупным почерком. Будучи офицером-фронтовиком, он освобождал Бухарест, Прагу, Вену, Будапешт, но знание европейских столиц удивительно замыкалось на привокзальных ресторанах, винных погребках, где они пили знаменитые вина фужерами, стаканами, фляжками, кружками, касками, пилотками, пригоршнями, осушая бутылки, вышибая дно бочек, пили и не могли утолить великую жажду. Говорил об этом Володя мечтательно и красиво, как о любивших его женщинах. Сейчас на него благосклонно поглядывала Елена Ниловна, которая на пять-шесть лет старше подруг и наверняка преподавала что-то серьезное – физику или астрономию.

И все шло прекрасно, когда прозвучал тревожный звонок.

В Володином доме девушки первым делом заинтересовались планировкой его квартиры, местонахождением ванной, которая в уважающих себя старых особняках была где-то на отшибе, а не впритык к столовым сервизам и книжным полкам, вернулись свежие и симпатичные, готовые дружить дальше; и тут выяснилось, что с подругами недобор, остался без дамы сердца Сергей, из числа самых бойких перьев редакции; он любил и других увлекал обходить подряд питейные заведения в центре, принимая помалу, но малое фатально переходило в категорию больших доз, у Володи успел рассказать рискованный анекдот, способный павиана вогнать в краску, заподозрил тайный сговор, оскорбился до глубины души и нелестно проехался о чести некоторых присутствующих; это была игра не по правилам, и ему пришлось уйти домой, к жене и детям, но слово воробей, вылетит – не поймашь, и что-то нарушилось, сломалась какая-то нужная пружинка в их отношениях, и первыми это почувствовали женщины.

Сидя с Тamarой на жалкой кровати без матраса, увезенного дачниками, кляня тугие пружины, хватающие за мягкие места, я прислушивался к возне на

каменном уличном балконе, где уединились Павел и Вaley, к их резким, злым репликам, потом почувствовал прикосновение к затылку легких Тамириныных рук, услышал шепот: «какие волосы густые», благодарно вернул комплимент: «у тебя тоже» и удивился обнаженной откровенности правды: «у меня коса фальшивая».

Я подумал, что с Сергеем вышло не хорошо, но стоило куражиться, и вспомнил, как сам в половине девятого утра ломился в гостиничный номер художественного руководителя московского театра знаменитого режиссера и сына знаменитого режиссера, заспанно говорившего, что спать легли поздно в четвертом часу ночи, и как у нас гостей беспощадно накачивают коньяком, прямо убийство какое-то потом приглашение на прогон крутой толстовской драмы в Руставелевском театре: затемненная сцена звуки рыдающей шарманки, ущербный месяц на небе патриархальный старик-резонер на печи, свидетели ужасного преступления, в котором узнаю великого артиста, а на второй день столпотворение у подъезда редакции, куда на традиционную встречу пришли москвичи; знакомый режиссер пробился ко мне в толпе, поблагодарил за опубликованную беседу.

Щедрые фрукты на столах. Именитая артистка утонула в глубоком кресле... классные ноги, заставляющие забыть о таланте, а иногда его заменяющие ее мечта вслух сыграть Анну Каренину, снисходительная улыбка главного режиссера на каприз красивой женщины.

Подозрительная возня на балконе продолжалась «Очень хочется спать, мы так измучились в дороге», - сказала Тамара умоляющим голосом, мягко отводя нескромные руки, и я верил и ничего не имел против сна. Она давно сняла блузку, и ее полные плечи и грудь светились в темноте. Никто никому ничего не должен, и плата за ночлег казалась непомерно высокой, да и полагалась не мне.

Чуть свет залетные птички упорхнули к поезду

регистрировать билеты. «Транзит так транзит. Сик транзит глория мунди», - думал я, вспоминая подробности суматошной ночи. Все проходит, оставаясь занозой в неизменяющей памяти. Огорченный Володя признался, что у него ничего не вышло. Елена Ниловна, оказывается, замужем и уступить обещала, только после сдачи крепостей подругами, иначе они ославят ее дома. Что ж, в этом была своя логика. Эх Валя, Валя, неласковая гордячка с потрясающей фигурой, как сообщил нам Павел, прощупав ее ночью на балконе под легким штапельным платьем, с безошибочностью опытного хирурга.

Я продолжал вкалывать в газете, марал бумагу, участвовал в рейдах по качеству товаров, которые лучше от этого не делались, теща пресловутым валом сердца горкомовских вельмож; кроша зубы, грыз гранит науки, посещая лекции и влюбляясь в однокурсниц, которые по традиции были самые красивые в университете.

Как-то осенью в саду, в перерыве между занятиями, прислушиваясь к очередной серии анекдотов верийского остро слова и журналиста Ниаза Диасамидзе, который сошел с задней площадки троллейбуса и за этот страшный проступок был доставлен в отделение милиции сержантом по фамилии Павлов («я ему сказал, что Павлов гений, а он дурак»), читал я полученное письмо. «Алеша, здравствуй, с приветом к тебе Тамара...»

Она писала, как долго дулась на нее в поезде Валя, которая, видишь ли, хотела провести время со мной и потому была так резка с Павлом. «Я удивилась – она сказала так поздно...», - читаю, сам удивляясь. «А потом к нам перешли два парня из соседнего купе, и Валя успокоилась, - чемпион Европы по классической борьбе Абашидзе и его тренер Дадашев... мы удивились: известные люди и такие доступные... сошли все вместе в Вардане...»

Напоследок Тамара с доверительной интимностью спрашивала, как я собираюсь провести лето будущего

года. «Обыкновенная курортная история, - подумал я, - чистое надувательство, соревнование кто кого надует».

Меня не удивила чужая доступность, основанная на обмане. Абашидзе чемпион мира, к тому же двухкратный, тренером у него Петр Иорданишвили, настоящий профессор борьбы. Оба выехали на традиционный международный турнир в Венгрию, к озеру Балатон, и в то время никак не могли отдохнуть в Вардане. Что касается дорожного трепка, то велосипед парни те не изобрели. Сосед наш Сандриш, отдыхая на море, представлялся незагорелым белокорым курортником олимпийским чемпионом по боксу Енгибаряном. И, представьте себе, ему верили. С всеми вытекающими последствиями.

Так рассуждал я про себя, не слыша звонок на лекцию, не замечая, как обезлюдели аллеи. Как хорошо нырнуть сейчас в море, погрузиться с головой в зеленую толщу воды, где выделяется на дне каждый камешек, освещаемый солнечными зайчиками, зная, что на берегу тебя ждут. Это все-таки здорово, когда тебя ждут.

ТЕНЬ ОТЦА ГАМЛЕТА

Часы принадлежали отцу - золотые, массивные, хотя и не такие большие, какими казались в детстве. Настоящая семейная реликвия, с которой родители не расставались ни в военные годы, ни позже. Мне нравилось их разглядывать и, отколупнув крышечку, читать на горячей холодной жаром поверхности затейливую вязь факсимиле мастера: Павел Буре поставщик Его Императорского Величества.

Что-то родное, навсегда утерянное, связывалось с этим старинным хронометром, как с фотографиями семейного альбома, на которых отец с приятелями на мосту через речку и возле дворца, в легкой коляске

великого князя Александра Михайловича. На фотографиях отец молод. Монументальный кучер без особого труда сдерживает для фотографа пару горячих лошадей, и даже развязно облокотившийся на заднее колесо местный мальчишка, которого настойчиво гнали из кадра, нисколько его не портит.

«Хей гиди Абастуман»* вспомнилось ностальгическое выражение старшего поколения, когда после смерти отца понадобились деньги.

Не без колебания я решился расстаться с отцовскими часами, на которые в семье сохранялось табу; вместе с невестой друга пришел в пункт скупки на Пушкинской улице – узнать хотя бы их приблизительную стоимость, не рискуя оказаться обманутым. Обман исключался присутствием моей спутницы, заместителя директора ювелирторга, и, главное, порядочностью немолодого мастера, которая прямо-таки была написана у него на лице.

Услышанное обескуражило: цена на презренный металл, за который гибнут люди, в то лето установилась низкая – я мог выручить сумму не более месячной зарплаты служащего, но выбора не было. По совету мастера эти карманные часы следовало продать не по весу, а кому-то из врачей, кто использует их в качестве хронометра. Говоря так, он вскрыл механизм, не спеша вычистил щеточкой, а от предложенного гонорара отказался.

Я знал, что делать. Среди спутников редакции, из того окружения, каким со временем они неизбежно обрастают, как дно корабля ракушником, был знакомый виолончелист с Земмеля Гамлет, который до пяти раз на дню мог повстречаться вам на проспекте Руставели, где обычно пробегал с громоздким инструментом, задевая за ноги прохожих, а по вечерам подрабатывал на панихидах, пока магнитофонная монополия похоронного треста не перекрыла источник дохода.

* Как бывало в Абастумане (арм.).

Отец Гамлета, часовщик, в одно время был обижаем райисполкомом, который очень хотел отсудить помещение мастерской в пользу соседнего магазина нисколько не церемонясь и не скрывая личной заинтересованности. Написав в редакцию, Гамлет, во многом с моей помощью, благополучно отбился от незаконных притязаний на его недвижимость.

Он взялся свести меня со своим отцом, к слову сказать, хорошо знакомым с маркой Павел Буре.

Я был представлен как друг семьи. Часовщик вертел часы так и этак, а потом отложил в сторону обещав назавтра сменить завод механизма, о чем его не просили. За эту операцию пришлось выложить три рубля; еще три, последние, у меня выманили за чистку часового механизма, который якобы давно не чистили. Говоря так, хозяин дома не сомневался в моем полном неведении, забыв, что постыдная прибыль хуже убытка, и расходясь в этом мнении с Публием Сиром. Мне дела нет до древнеримского поэта, жившего две тысячи лет назад; было стыдно хотелось поскорее уйти.

Часы пришлось сдать в скупку по весу, как лом, так что с самого начала не имело смысла их чинить и чистить.

Я потом ушел из газеты, надолго сменил место и характер работы.

Как-то в книжном магазине, напротив оперного театра, покупаю справочник металлиста для сына и слышу: меня зовут. Гамлет собственной персоной. Лет десять не виделись. Жизнь его порядком потрепала: глядя на него, не скажешь, что он писал рецензию на концерт Исаака Стерна.

Не сразу понимаю, что от меня требуется. Оказалось, всего-навсего три рубля. На этот раз для покупки нового дверного замка в доме, где меня когда-то так беспардонно облапошили. Не поверив в басню про воров и взломанную дверь, все же даю деньги. Они, скорее всего, нужны на другое. Виват, пьяницы!

Я шел домой и думал, что дети в самом деле силь-

ны своими родителями, и это справедливо не только в части материального достатка семьи, но и всего уклада жизни, того нравственного стержня, что от рождения заложен в человеке.

Я чувствовал себя богатым и отомщенным.

СЕ-ГО-КЮ

Александровский сад – большая пятнистая кошка на солнце – голова на Головинском проспекте, хвост упирается в парадный подъезд гостиницы «Лондон». В гостинице поселился Кнут Гамсун. Знаменитый писатель – певец природы и любви – утром пьет свой кофе и гуляет в саду, обдумывает новую книгу, где могучий зов тела, трепет и опьянение страсти – все то, что роднит норвежца с господином Мопассаном.

И сам он запоминается: красивое, худое, длинное лицо, высокий лоб, светлые волосы, пенсне, надменный взгляд лейтенанта Глана. Его можно принять за доктора с Вельяминовской. Почему-то тифлиссские врачи снимают квартиры на этой улице. По субботам они обедают у Тиграна Исааковича Георг-Бекяна, в доме номер восемь. Доктор получил образование в Германии и считается лучшим по глазным болезням. Однажды сказал в шутку друзьям: «У человека два глаза. Достаточно знать все о глазе, и вы знаменитость».

Тигран Исаакович милейший человек и выручил Степана на первых порах, когда он вернулся с Дальнего Востока с пустым кошельком. Жена Степана, Зарвард, помогает холостому доктору вести хозяйство. В уютной квартире бельэтажа угощаются обедом после партии-другой в нарды светила медицины послевоенного Тифлиса.

Степан – фотограф-моментальщик в Александровском саду, облюбовал себе место возле ротонды, где удобно любезничать с какой-нибудь гимназисткой. Их

в саду по вечерам пруд пруди; гуляют парами, опустив голову, словно потеряли что-то дорогое, а в глазах чертики играют, как на занятиях в частной школе европейских танцев Вани Этаряна. Как в стихке, который сочинил один шалопай, пожелавший остаться неизвестным: «В Александровском саду музыка игралась, разным сортом девушка туда-сюда шлялась».

Но зачем так грубо? Гуляют и весьма уважаемые горожане. «Мое почтение, мадам Катенька Меписова!» Хороша чертовка – Степан восхищенным взглядом провожает удаляющуюся женщину. Она идет вдоль бассейна, где, как амы – японские ныряльщицы за жемчугом – кувыркаются на воде папиросные коробки табачной фабрики «Бозарджианц и сыновья» компаньоном которых был мой отец.

В саду по вечерам играет духовой оркестр, чаще других – вальс «Мокшанский полк на сопках Манчжурии», больше известный в укороченном названии Написал его полковой капельмейстер Илья Шатров, удостоенный в русско-японскую войну 1904-1905 гг. офицерского ордена Святого Станислава с мечами. Скорее всего, за этот вальс, и, право, он того стоит «Ночь подошла, сумрак на землю лег, тонут во мгле пустынные сопки, тучей закрыт восток». Гремит оркестр, кружатся пары, катятся волны вальса, поющего о боли и грусти, невозможности счастья.

Степану близка и понятна эта боль, сам он из тех мест. Работает в саду несколько дней, а уже отбил часть клиентуры у рослого ассирийца с казацкими усами Мишеля, которому это очень не по нраву. С Мишелем ссориться – себе дороже. У ассирийца большой маузер, из которого бьет без промаха в подброшенную монету. При знакомстве представляется как первый заместитель армянского генерала Дро Канаяна. Будучи не в духе после похмелья, грозит всех выдать за государственную измену. Но конкурировать в фотоделе ему слабо. Смог бы он, к примеру, изготовить фотоаппарат в форме винного бочонка? А Степану собрать несколько образцов пара пустяков. Экзотику

охотно покупают. Привлекает необычная форма деревянного аппарата, а больше сам мастер – щегольски одетый красавец с диковинным именем Се-го-кю. Так подписывает свои снимки. А все объясняется просто – Степан Григорьевич Кюркчян. В самой фамилии ключ к разгадке рода деятельности. Куртки шили дед и отец Степана. Родом они из Эривани, а может быть, из Западной Армении. Сам он пошел по другой части, обстоятельства заставили. И связано это с историей, одинаково романтической и опасной. Было ему восемнадцать лет, и он влюбился в девушку, по которой сох и другой охотник ее сердца.

Дело нешуточное – запахло убийством, и Степан, от греха подальше, уехал на Дальний Восток, в добровольную ссылку. Пережил немало опасных приключений в краю старателей, контрабандистов, бродяг и беглых каторжан. В Хабаровске познакомился с земляком, специалистом мясного производства. Компаньоны завезли свиней, наладили производство мяса и скоро стали основными поставщиками свинины на Сахалине для российского гарнизона. Дела шли как нельзя лучше, свою кормилицу – племенную свиноматку окружили отеческой заботой – спать укладывали на кровать, на шелка и тюль, а когда ее не стало, поставили памятник. Шальные деньги текли в руки, но не удержались. После Сахалина Степан три года жил на Японских островах, оставил большую часть нажитого капитала в веселых домах японской столицы.

О тех годах вспоминал неохотно, улыбаясь чему-то одному ему известному. После практики в Александровском саду стал фотографом Руставелевского и оперного театров, владельцем фотографии-фантазии на углу Чавчавадзеvской улицы. Во дворе дома бассейн. Сын нефтепромышленника Александра Ивановича Манташева, Леон, искупал в нем в шампанском хоровод барышень. Степан тогда получил бумагу от полицмейстера – два-три дня не выходить на работу, в случае неповиновения – арест. Жильцам соседних

домов предписывалось закрыть окна газетами. Самые предприимчивые все же пробуравили дырки в газетах и могли видеть красавиц в чем мать родила.

Желанный гость студии – режиссер Руставелевского театра Сандро Ахметели. Очень любил фотографироваться и Тициан Табидзе, приходил не один радовался, если дочь Нита была рядом. Вдова поэта Нина Александровна, вспоминала: некоторые фотографии от Се-го-кю сохранились, но большая часть пропала во время обыска, почему-то забрали первым делом портреты и фотографии.

Так прожил среди людей и для людей мастер, чьи снимки еще сохранились в домах тбилисских старожилов. Жил по совести, как нам завещали наши благородные и мудрые предки. Чувство разочарования посетило его в самый неподходящий момент, на пике популярности. Человек, с которым он многие годы общался и часто помогал деньгами, возмнил о себе бог знает что и однажды высказался предельно откровенно: «У меня дома бывают большие начальники наркомы. Что они скажут, увидев фотографию, на которой я с тобой». Услышав эти речи, Степан разделил карточку на две равные части, передал бывшему другу его половинку и навсегда ушел из дома, где на слова проповедовали кодекс чести истинного карачохели и предали его главный постулат.

Эту историю мне рассказал сын Степана Григорьевича, Эдуард Кюркчян, который имел фотоателье в Тбилисском окружном Доме офицеров. Хозяин квартиры военного городка на Черноморской улице только выписался из больницы после долгой отлучки и, придя домой, остановился, изумленный, на пороге. Все вокруг было заставлено ящиками с его вещами готовыми к выносу и продаже – близкий родственник торопил самое худшее и времени, видно, не терял.

«Подвел я его, - сказал мне Эдуард, - не умер. Боже ему судья, а я простил».

ЗАВЕЩАНИЕ ГРОССМАНА

Утром их не накормили, вытолкали прикладами автоматов на аппельплац и, наскоро пересчитав, погнали в ближний лес. Конвоиры незлобно покрикивали на овчарок. Собаки заливались лаем, бесновались от барачного духа колонны, настороженно слушали паровозные гудки. Лес насквозь прошит железнодорожными строчками, бегут к славутскому лагерю невольничьи поезда. Спешат мордастые конвоиры – сотня качающихся от слабости людей подлежит немедленной ликвидации.

Обреченная колонна бредет осенним лесом, шаркает опухшими ногами по мокрым листьям. Каждый занят невеселыми мыслями и мало похож на Гензеля и Гретель, не теряющих детей бедного дровосека, заведенных судьбой-мачехой в лесную чащобу, откуда не выбраться. А жизнь страшнее этой свирепой немецкой сказочки. От белых камешков их избавили сразу по приезде в лагерь, теперь в карманах ограбленных людей не найти и хлебных крошек, которыми они могли отметить свой крестный путь.

Она шла вместе со всеми, не спеша и не отставая, ранним сиротством, несвободным бытом за проволоккой наученная, что смерть приходит, не спросясь. Мобилизованная с третьего курса на второй день войны, привычно работала медсестрой – вытаскивала раненых из-под огня, перевязывала в пещерах и блиндажах на прибрежных керченских откосах; после майской трагедии, когда их стрелковая часть попала в окружение и земля горела от зажигательных бомб, была брошена в лагерь, на допросах подвергалась пыткам и унижениям, бита смертным боем в карцере, но не смирилась, продолжала лечить лекарственными травами – это умение унаследовала от отца врача – обратила на себя внимание подпольщика, заведующего райздравотделом Ковальчука; через местную жительницу Софью Василевскую, партизанскую связную,

переправляла в лес медикаменты и перевязочные материалы; узнавала местонахождение складов боеприпасов и продовольствия, время прохождения воинских эшелонов, национальность охранников на караульных постах – немцев, мадьяр, румын. За каждую переданную на лесную базу записку и выход из зоны по фальшивому аусвайсу грозила пуля, но Бомиловал – в лагере ее ни в чем не подозревали. Только сейчас она в одной колонне с евреями, куда попали из-за цвета волос. И это озарение пришло к ней, прежде чем пригнали их к проклятым рвам, вырыли из несколькими днями раньше такие же заключенные.

Поняв это, ее тридцать молодых лет громко возопили против чудовищной несправедливости, присвоенного одними людьми права пролить кровь других из ее груди вырвался крик: «Ва вореk уриа до мушени око домхритат».*

Столько боли и молодой силы, бездумно убиваемой, было в этом вопле затравленного существа, что ее услышали все евреи в мертвом лесу – бедные дети Израиля. Перед каждым разверзлась бездна, и ангел смерти Малэхамовес, с огненным мечом и тысячьк глаз, довольно рассмеялся им в лицо. Они поняли, что уже никогда не родят младенца, не прижмут к материнской груди, защищая от множества бед, которые ему грозят со дня рождения, не дождутся внуков, не посмотрят в их чистые глаза, не погладят шелковые волосы, не откроют священные книги, не будут соблюдать субботу покоя, не наденут все новое к празднику Песах, не возьмут в умелые руки портняжную иглу и чаровницу скрипку Гварнери, не сыграют свою «бесмертную» шахматную партию в старом, добром стиле романтиков прошлого века, не будут давать уроки французского и немецкого своим и соседским детям, не пропишут нужного лекарства в аптеке, не помогут страждущим, обратившимся к ним за помощью.

* Не еврейка я, и почему меня должны расстрелять? (мингр.).

потому что обращаться будет не к кому. И зная, что сейчас их станут убивать, эти пасынки истории, сыны и дочери богоизбранного народа, сошедшего с пути назначенной ему миссии дать спасение всему миру, не принявшего Христа и взявшего на себя ответственность за кровь его, внушающего мистический страх малокультурным людям от низменных, чудовищных мифов, эти праведники проявили редкую силу духа, презрев собственную гибель, вспомнили в смертный час завещанное на века указание Талмуда: спасающий одну жизнь – спасает целый мир, и, рискуя получить пулю в лицо, – сколько Аманов может иметь один народ! – потребовали от своих убийц: «Освободите эту женщину, она не еврейка».

И случилось чудо. Нелюди, для кого чужая жизнь всего ничего, капля в море слез, в решающий миг познали справедливость высшего принципа гуманности. Чья-то сильная рука вырвала ее из толпы и отшвырнула далеко в сторону. Теряя сознание от удара об землю, она продолжала слышать плач и рыдания и автоматные очереди ирודה дела.

Потом стало тихо в лесу. До ее затуманенного рассудка доносился шум крови, этой души всякого тела, потоками вытекающей из расстрелянных в еще одной безымянной еврейской могиле.

От безумия ее спас доктор Ковальчук. В декабре его самого схватили и повесили как партизана и долго не разрешали вынуть из петли, в назидание и устрашение других.

Рассказывая, Гулико Манткава плачет, через полвека заново переживая убийство однополчан и мирных жителей, породненных общей бедой. Как мало героического в облике этой седой фронтовички. Само участие в войне противоречило ее женскому естеству, когда она в составе санитарной роты высадилась с десантной группой на Керченский полуостров, выжила в двух лагерях, вышла неопалимая из бараков, подожженных гитлеровцами вместе с холерным блоком. Партизанское соединение, куда

она пробралась через линию фронта, скоро влилось в краснознаменную бронетанковую дивизию 3-го Белорусского фронта. И Гулико наградили орденом Боевого Красного Знамени, к которому сегодня мало почтения у тех, кто разъезжает в перегнанных из Германии заносчивых мерседесах, лакает баночное пиво не зная вселенского ужаса, когда нацисты выбирали живой мишенью людей.

От горящих барачных проволочек на бетонных столбах ограждения накалилась и легко отгибалась. Многие пленные тогда бежали.

Места вокруг Ровно безлесные. Гулико пряталась в высоких необрушенных хлебных полях, кормилась колосьями и травами. На десятый день услышала шорох раздвигаемой травы и окрик: «Руки вверх! Перед ней стоял темноволосый мужчина с черным немецким автоматом наперевес. Он спросил на армянском языке, кто она, куда идет и как здесь оказалась а у нее был один выход – смерть или уход в Украину. Незнакомец предложил обменяться адресами, записал ее – тбилисский. С наступлением темноты бывший военнопленный Гурген Галоян тайно провел ее на станцию и спрятал в товарном вагоне, в угольной куче, посигналил электрическим фонариком, что путь безопасен. В восьми километрах от станции она спрыгнула с поезда и ушла в лес.

Гурген Григорьевич слово сдержал. В начале семидесятых приехал с женой из Сумгаита, который строила вся страна, называла великой стройкой и городом интернациональной дружбы. Ничто тогда не предвещало погромы по пятому пункту – Содом и Гоморру перестройки, звериный оскал фашиствующим уголовникам, методику хладнокровного убийства беззащитных стариков, женщин, детей.

22 августа тридцать девятого года, за неделю до вторжения в Польшу, на совещании лидеров фашистской военщины в Оберзальцберге Гитлер вещал: «Я приказал своим смертоносным отрядам безжалостно уничтожать детей, женщин и мужчин польского

племени и говорящих на этом языке. Только таким образом мы можем приобрести необходимое нам жизненное пространство. Кто сегодня помнит об уничтожении армян?»

Так цинично сановным палачом рейха утверждалась старая незабытая разбойничья идея: нет народа – нет вопроса. История повторилась и, вопреки известной сентенции, дважды трагедией, одной из крупнейших катастроф века. Массовые убийства евреев варшавского и лодзинского гетто во многом развивались по сценарию кровопролитных драм в раскаленной месопотамской пустыне Дер-Зор, где даже солнце усердствовало в роли палача тысяч армян.

Развивая технику обезлюдения – Гитлер понимал его как устранение целых расовых единиц – фашизм сплел в Европе чудовищную паутину лагерей индустрии смерти.

В одном из самых зловещих – в Треблинке, маленькой захолустной станции в шестидесяти километрах от Варшавы, в начале сентября сорок четвертого побывал подполковник в изношенной армейской шинели. Для него это не рядовая поездка, за которую следует отписаться в газете. Военкор «Красной звезды» Василий Гроссман близорукими синими глазами за железной оправой очков увидел многое, что пытались спрятать с концами строители конвейерной плахи.

Он начинает рассказ негромким, ровным голосом много повидавшего на своем веку человека, но спокойствие это только кажущееся. Скоро мы узнаем, что Треблинка состояла из двух лагерей. В первый – за незначительные проступки заключали поляков. Этот трудовой лагерь, уменьшенная копия Майданека, стоял в лужах крови, и могло показаться, что нет ничего страшнее в мире. Но его узники знали, добавляет писатель-фронтовик, что есть нечто ужаснее, во сто раз страшней, чем их лагерь. В трех километрах дымит еврейский комбинат плахи, выбрасывая облака огня и пепла.

Он говорит о бутафорской станции Обер-Майдан

- с кассами, камерой хранения, стрелками мифических маршрутов, за чьей платформой растет желтая трава и обрываются рельсы надежды, видит вахманов в черных мундирах, эсэсовских унтер-офицеров на вокзальной площади, вытоптанной миллионами пар ног. Их смежит, что крикливые мамы отчитывали детей, отбежавших на несколько шагов, одергивали на них матросские курточки, мужчины вытирали лица носовыми платками и закуривали сигареты, заневестившиеся девушки опраивляли растрепанные волосы, испуганно придерживали трепетные юбки от порывов нескромного ветра, уверенные в надежде, что их везут в нейтральную страну, где не стреляют.

Он вглядывается в прибывших обреченным эшеломом, в их прекрасные лица, и в логове волчьем ему открывается рафаэлевская истина о высоте и неистребимой силе человеческого в человеке. Он видит, как босоногая Сикстинская Мадонна пошла в газопню, понесла на руках сына по колкому песку треблинской земли, содрогавшейся от скрежета огромных экскаваторов-могильщиков. Ему и страшно, и стыдно, и больно за эту ужасную жизнь, за упоенное властью самодовольной насилие, и он честно спрашивает: нет ли в этом и его вины и почему мы живы. Ужасный, тяжелый вопрос, признается себе писатель. Задать его живым вправе только мертвые, но они молчат.

Грозный судья, он берется за непосильную задачу - пройти путь этих живых мертвецов и вернуться, чтобы поведать правду потрясенному человечеству. Он пройдет с ними мимо высокой, в три человеческих роста, колочей проволоки, противотанкового рва, лагерных вышек с пристрелянными крупнокалиберными пулеметами - до самого порога красивого каменного здания, украшенного деревом. Снаружи оно напоминало античный храм - самовлюбленный фашизм искал аналогии с блеском и роскошью древнего Рима. Но за широкой стальной дверью скрыто десять газовых камер. Усаженная елками и цветами, дорога без возвращения хранила на песке трудноразличи-

мые следы босых ног: маленьких – женских, совсем маленьких – детских, тяжелых старческих ступней. И память о высокой девушке. Прекрасная в гневе, как Немезида, она выхватила карабин из рук глазающего на их наготу садиста и вела короткий, неравный бой с десятками профессиональных убийц, пока не упала навзничь, как подстреленная белая птица.

Гроссман шаг за шагом прошел по кругам треблинского ада, и безобидной, пустой игрой сатаны показался ему Дантов ад. Тут не отвернешься, не пройдешь мимо, не оскорбив память погибших. Он встречался со свидетелями – с крестьянами соседней деревни Вульке, с арестованными эсэсовцами из концлагеря. Увиденное и услышанное позволяет ему задать грозный вопрос: «Каин, где все те, кого ты привез сюда?»

Он собирает факты, письменные показания, сталкивает их и завершает расследование математически точно выверенной цифрой, от которой порядочного человека берет оторопь. Треблинка за десять месяцев убила три миллиона людей – больше, чем все моря и океаны за время существования рода человеческого.

Невозможно без сердечной боли читать о страшном конце смертников, когда за считанные секунды низвергались в пучину небытия большие сильные умы, честные души, славные детские глаза, милые старушечьи лица, гордые красотой девичьи головы, над созданием которых веками трудилась природа. От них остался черный пепел, вывозимый пудами на мобилизованных крестьянских подводах, лопатами разбрасываемый заключенными детьми на черной дороге меж двух лагерей. Напрягая зрение, можно увидеть в этой траурной ленте горящие медью волнистые густые женские волосы, втоптаные в землю тонкие, легкие девичьи локоны из не вывезенного в Германию мешка – страшное сырье людоедки-войны.

Черный пепел стучал в сердце русского писателя Василия Гроссмана. Изданный отдельной брошюрой «Треблинский ад» лег на стол Нюрнбергского три-

бунала весомым обвинением Холокоста. В сентябре сорок четвертого он писал: «Сегодня мало говорить об ответственности Германии за то, что произошло, нужно говорить об ответственности всех народов и каждого гражданина мира за будущее, разобраться в природе расизма, в том, что нужно, чтобы нацизм, гитлеризм не воскрес никогда, во веки веков ни по эту, ни по ту сторону океана». Как актуальны эти слова писателя-гуманиста в наши дни, когда в киосках бывшей «Союзпечати», в стране, потерявшей на войне и без нее десятки миллионов человек, продается «Майн кампф», запрещенная в покаявшейся Германии безумная книжка. Как не прислушаться к завещанию-предостережению: мы должны помнить, что расизм, фашизм вынесет из этой войны не только горечь поражения, но и сладостные воспоминания о легкости массового убийства.

Треблинка была прологом к главной книге Гроссмана. Еще в фронтовом очерке он отмечает железную логику войны: офицер с зеленой ленточкой сталинградской медали записывает показания лагерных палачей, победоносная сталинградская армия освободила многострадальную треблинскую землю. Роман-эпопею о Сталинграде он посвятил матери – Екатерине Гроссман, старой учительнице, замученной в бердичевском гетто. «Когда я умру, ты будешь жить в книге... судьба которой схожа с твоей судьбой». Ей продолжал писать письма, прося совета у мертвой, до последних своих дней, так нещедро отпущенных ему судьбой. Гроссман приводит в романе скорбные строки последнего письма Екатерины Савельевны сыну, с удивительным рефреном материнской любви: «Живи, живи, живи вечно...» Даваясь от слез, его перечитывает ученый физик Виктор Штрум.

Остается загадкой, как типичный русский интеллигент, читающий в подлиннике Мопассана и Доде, зная с десятков слов на идиш, с такой пронзительной силой написал о трагедии еврейского народа, и многие страницы его романа о Сталинграде – несмол-

каемый реквием по шести миллионам замученных душ. Он опрокидывает все мыслимые представления о человеческих пределах творческого процесса, вводя действия романа в белые бетонные стены газовой камеры, куда вопреки физическому закону Авогадро, втиснуты немолодая доктор Софья Левинтон и ее непривычно молчаливые попутчики по арестантской теплушке, беспомощные, задыхающиеся, раздавленные ужасом. Близок конец... темнеет в глазах, гулко пустынно в сердце, скучно, слепо в мозгу... Слепнущая от удушья Софья Осиповна ощутила, как осело в ее руках невесомое тело бездомного мальчика Давида, которого она обнимала из последних сил, пытаясь спасти и защитить в бетонной могиле. «Я стала матерью», подумала никогда не рожавшая женщина и умерла.

Война грохочет на Волге, ломая людские судьбы, пожирая новые жертвы. Жена Штрума – Людмила Шапошникова без вещей и продуктов ночью плывет пароходом в саратовский госпиталь, куда с тяжелыми ранами помещен сын, беззвучно шепча непослушными губами заклинание: «Пусть Толя останется жив». Больше мать ничего не просила у неба, но земной путь молодого лейтенанта-артиллериста оборвался. Свежий могильный холмик сохранил для нее на фанерной табличке имя и воинское звание сына. Она наконец нашла Толю на последнем страшном мальчишнике – однообразии и густота фанерок вокруг напомнили строй щедро взошедших на поле зерновых. Ночью она осталась одна на военном кладбище, как безумная говорила с сыном, прикрыла полрой пальто босые толины ноги, сняла с головы пуховый платок и укрыла его плечи в легкой бязевой рубашке. Людмилу Николаевну поразила мысль о вечности ее горя: умрет муж, умрут внуки ее дочери, а она все будет горевать.

На форзаце одной из немногих книг о жизни и судьбе Гроссмана недавно обнаруживаю редкую фотографию. Гроссман похож на Михаила Ботвинника и

на Исера Купермана. Задумчивый и грустноглазый, сидит на большом камне, просветленный, как Он в пустыне, прости, Господи, на полотне Крамского в Третьяковской галерее. Классик, не удостоенный издания собрания сочинений. Черное демисезонное москошвеевское пальто, теплое и надежное, как он сам, толстый шерстяной шарф, белая сорочка, крупный узел темного галстука. Устало опущены сильные плечи. За ним громоздится девятый вал каменного моря, кажется, сейчас накатит на этот естественный подиум. Что-то знакомое в рыжих скалах, аскетически строгих, без единого клочка травы, в развалинах языческого храма, которому две тысячи лет.

Гарни, древняя летняя резиденция армянских царей.

Среди старых бумаг нахожу свою фотографию, как две капли воды похожую. Та же каменная плита стилобат – основание ионической колонны. И снято, возможно, в один и тот же ноябрьский день. Сохранился и групповой снимок. На фотографии я дальше и выше других, сижу на краю пропасти с речкой-змейкой Азат на далеком дне. Снова слышу слова нашего спутника, обладателя белой красавицы «Волги»: осторожно, не скатись вниз! – и с запоздлым благоразумием не спеша слезаю с предательски неустойчивой каменной глыбы.

Гроссман приехал в Армению, когда жить ему оставалось неполных три года. Эту малую толику времени он проживет несчастливо и с достоинством. Великан, опутанный лилипутами тысячами нитей. Арестована главная книга и судьба рукописи долго будет волновать не покинувших его друзей. Лишенный обычного заработка писателя, он надевает хомут ремесла, соглашается на постылую поденщину, в Армении занимается авторизованным переводом военного романа Рачия Кочара, да так неистово, что к вечеру лицо и лоб покрываются фиолетовыми пятнами, и еще собирает материал для последней книги, условно названной «Путевые заметки пожилого человека».

Она не избежала судьбы его книг-страдалиц.

Писатель, чей роман он переводил, пригласил его на свадьбу племянника. Гроссман едет в нищую деревню на южном склоне Арагаца, к выходцам из далекого Сасуна, с невероятным трудом вырубающим хлеб из базальта, к землякам Давида Сасунского и генерала Андраника.

Суровые груды голых камней, синее небо, сахарные головы Арарата, на который смотрели писавшие Библию люди, живо заряжают его писательское воображение. Он не просто гость, кого не замечают на улице ереванские коллеги, подверженные знакомой по Москве эпидемии неузнавания, когда в квартире сутками молчит телефон. Он участник народного веселья в сельском клубе, пьет с мужиками крепкую виноградную водку, заедает огненно-режущим зеленым помидором. Он работает – его пытливый взгляд замечает, как потрескивают тоненькие восковые свечи, кажется, это глаза людей светятся мягким огнем; и очень миловидная невеста, молоденькая продавщица из сельмага, танцуя, боится, как бы расплавленный воск не попал на ее новое, светло-голубое пальто; у некоторых танцоров в руках блестят трофейные немецкие кортики и кинжалы с насаженными на острие яблоками.

В разгар веселья к нему обращается седой мужчина в застиранной добела солдатской гимнастерке. Колхозный плотник говорил о евреях. В немецком плену он видел, как жандармы вылавливали евреев-военнопленных – так были убиты его товарищи. Он говорил о своем сочувствии и любви к погибшим в газовнях Освенцима еврейским женщинам и детям, сказал, что читал военные статьи гостя, где он описывает армян, и подумал, что вот о нас написал человек, чей народ испытал много жестоких страданий, ему хотелось, чтобы о евреях написал сын многострадального армянского народа.

Я слышу этот удивительный тост старого колхозного плотника, с суровым каменным лицом; вижу

Гроссмана, вытирающего платком не видящие от слез глаза. В книге об Армении он сказал о переполняющих его чувствах, низко кланялся армянским крестьянам, которые во время свадебного веселья всенародно заговорили о муках еврейского народа в период фашистского гитлеровского разгула, о нацистских лагерях смерти, низко кланялся всем, кто торжественно, печально, в молчании слушал эти речи, за горестное слово о погибших в глиняных рвах, газовнях и земляных ямах, за тех живых, в чьи глаза человеконенавистники бросали слова презрения и ненависти: «Жалко Гитлер всех вас не прикончил», давая клятву до конца жизни помнить услышанные в сельском клубе речи крестьян.

Это к нам, живущим, обратился он в повести «Добро вам!» Добро вам, армяне и не армяне, люди планеты Земля!

Умирал Гроссман трудно. Лежал притихший, на узкой больничной койке, прислушиваясь к боли, ненасытным пламенем лизавшей внутренности, его окровавленные легкие. Мысленно он далеко, в городе Садко, который его не любил и нелюбовью своей навлек столько бед. Он снова вел бой за Сталинградский вокзал, где оставлен биться до последнего патрона батальон старшего лейтенанта Филяшкина, и, не дождавшись подкрепления, в кольце окружения погибал вместе с ним, теряя командира за командиром, бойца за бойцом, как терял свои арестованные книги, уже не надеясь подняться, как Виктор Некрасов, к знаменитым бакам на Мамаевом кургане, войти в стреляющие цеха Тракторного, встретить среди развалин фронтовых знакомых - Новикова, Грекова, Березкина, Вавилова, Ершова...

В кровавом от рвущихся снарядов мареве дрожит странное видение – высокий мужчина в красном камзоле, в островерхой шляпе набекрень, в широченных штанах, в чулках, заправленных в башмаки с бантами, пучеглазый и большеротый. Колдун из старого Гаммельна, спасший город от нашествия несметных полчищ крыс.

Нет уже сил вспомнить, откуда этот навязчивый образ средневекового крысолова.

Играя на бронзовой флейте, незнакомец привычно шел к морю, вошел в воду. За ним, повинувшись диковинной колдовской мелодии, послушно следовали погромщики, насильники, убийцы всего живого на голубой планете, такой малой, беззащитной. Они шли, как сомнамбулы, не видя ничего вокруг, сваливая и топчя друг друга, тяжелыми комьями падали с крутого берега.

Волны смывали горланящую пеструю ленту и не было ей конца.

МУЧЕНИК С ВОЗНЕСЕНСКОЙ УЛИЦЫ

Двухместный «Альбатрос», безнаказанный, уходил на запад, беспорядочный ружейный огонь с земли вреда ему нанести не мог, когда прямо по курсу выскочил наперерез быстроходный «Моран» и, используя преимущество в скорости, ударил мотором в альбатросову плоскость. Через мгновение оба летательных аппарата начали стремительно падать: тяжелый австриец и атаковавший его российский самолет. Наблюдавшие за драмой в воздухе, едва выйдя из шока, устремились к месту катастрофы; там, западнее Жолкева, в поле, среди обломков самолета, лежал навзничь в траве штабс-капитан Петр Нестеров. Он первый увидел в зачистившем к ним разведчике реальность провала операции 3-й армии, гибели десятков тысяч солдат, и ценой собственной жизни прервал разведывательный полет австрийского лейтенанта барона Фридриха Розенталя, сына владельца местного имения.

Был полдень 26 августа 1914 года. Год и один день разделяли два события в жизни Петра Нестерова – день его триумфа и день героической гибели. Первая в мире «мертвая петля» и первый в мире воздушный

таран. Два подвига на пределе сил и возможностей человека, взявшегося доказать, что в воздухе везде опора. Воздух предал его, бросил с размаха вниз, с перебитым позвоночником, бездыханного.

Оглушенные горем, обнажив головы, стояли над мертвым командиром офицеры и младшие чины. Сжал в руках кожаную авиаторскую каску подпоручик князь Абашидзе. О чем думал он, стоя на солнечной лужайке? Может, о бренности жизни горстки этих смельчаков, бросивших вызов небу. Сейчас оно безучастно смотрело на небывалое скопление людей. Свидетель бесчисленных смертей на бессмысленной кровавой бойне, так и не привыкнув к потерям, Абашидзе вспомнил Сырецкий военный аэродром близ Киева, откуда в редакцию петербургской газеты «Вечернее Время» была отбита телеграмма сенсационного содержания: «Киев, 27 августа 1913 г. Сегодня в шесть часов вечера военный летчик 3-й авиационной роты поручик Нестеров, в присутствии офицеров-летчиков, врача и посторонней публики, сделал на Ньюпоре на высоте 600 метров мертвую петлю, т. е. описал полный круг в вертикальной плоскости, после чего спланировал к ангарам. Военные летчики: Есипов, Абашидзе, Макаров, Орлов, Яблонский, Какаев, Мальчевский, врач Морозов, офицеры: Родин и Радкевич».

Заочное соперничество с французским асом Адольфом Пегу за лавры первого исполнителя «мертвой петли» завершилось триумфом лучшего авиатора России. Его обеспечили нестеровское летное умение, точный математический расчет, безудержная отвага победителя воздушной гонки наперегонки со смертью. Поистине смертью смерть поправ. Петля показала авиаторам выход из тупика катастроф, уносивших человеческие жизни.

Среди подписавших киевскую телеграмму обнаруживаю начальника 12-го корпусного авиаотряда штабс-капитана Макарова, спортивного комиссара при Киевском обществе воздухоплавания военного летчика штабс-капитана Орлова, спортивного ко-

миссара Императорского Всероссийского аэроклуба поручика Есипова и поручика Мальчевского из 9-го корпусного авиаотряда.

В этом списке меня особенно заинтересовала фамилия Абашидзе. Кто вы, наш земляк, военный летчик из далекого прошлого, именуемого героическим периодом авиации? Вспоминаю с признательностью помогавших мне советами и просто человеческим сопереживанием одного из старейших российских летчиков обаятельного Михаила Сергеевича Мачавариани (мне бесконечно дорога его книга воспоминаний «Глаза на юг» с теплой дарственной надписью), двух сестер, настоящих аристократок, из старинного особняка выше Кирочной улицы (ныне улица Марджанишвили), под самой горкой, за которой громыхла железная дорога. Их брат летчик погиб незадолго до начала Первой мировой войны – не смог вывести из штопора опрокинутый ветром аэроплан, «мертвая петля» тогда была неизвестна.

Поиск осложнялся тем, что были неизвестны инициалы первого военного грузинского летчика. Как мало я знал, пускаясь без нити Ариадны в каменные лабиринты миллионного города. Впрочем миллионным он стал позже, десять лет спустя, а тогда я знал одно: у летчика Абашидзе была жена красавица. С этим зыбким ориентиром – сколько красивых женщин в Тбилиси! – включаюсь в поиск. Постепенно круг сужался, захожу как-то в очередной двор, расспрашиваю жильцов, не очень надеясь на удачу, и о чудо! Случайно вышедшая в то время на балкон женщина мне говорит: «Я знаю ту, кого вы ищете» и называет адрес!

Иду по адресу. На звонок дверь открывает Екатерина Николаевна, усаживает меня за стол под уютным большим абажуром и, выслушав, говорит: «Да, это мой муж. Он окончил Севастопольскую авиационную школу в один год с Петром Николаевичем Нестеровым». Хозяйка уходит в соседнюю комнату и возвращается с коробкой, достает из нее фотографии разыскивае-

мого мною военного летчика. Еще на одной – сама Екатерина Николаевна в молодости – истинная петербуржка, с толстой косой на высокой груди; даже на фотографии видно, какая она тяжелая и золотая. «А это сестра Михаила Дмитриевича», – говорит хозяйка, протягивая мне портрет молодой девушки.

В тот вечер, перебирая редкие семейные фотографии, я узнал от Екатерины Николаевны подробности, которые тщетно искал в архивах.

Михаил Дмитриевич Абашидзе родился в 1889 году в семье командира Северского драгунского полка. Окончил кадетский корпус в Тифлисе и Николаевское кавалерийское училище – в те годы звание военного летчика могли получить только лица с высшим военным образованием. Осенью 1912 года Абашидзе окончил курс Севастопольской авиашколы. Одновременно с ним на севере, в Гатчине, окончил Петербургскую офицерскую воздухоплавательную школу Петр Нестеров, выпускник Нижегородского кадетского корпуса и Михайловского артиллерийского училища. Случайно ли это совпадение? Думаю, нет. Оба принадлежали к числу прогрессивно мыслящих людей своего времени, горячо любили авиацию, стремились приблизить ее к насущным делам. Очень скоро их дороги сошлись. Весной 1913 года обоих зачислили в 3-ю авиароту, расквартированную под Киевом, неподалеку от полустанка Святошино, где размещался основной аэродром авиаотрядов; оба принимали участие в занятиях на Дарницком артиллерийском полигоне, к которым впервые привлекались авиаторы для корректировки огня.

И еще факт, подтверждающий дружбу двух летчиков, общность их интересов. О дальних перелетах Петра Нестерова Киев – Одесса – Севастополь и Киев – Гатчина в марте и мае 1914 года написано немало. Его глубокие теоретические расчеты, знание материальной части самолета позволили установить новые всероссийские рекорды скорости и дальности. Но долго оставалась неизвестной мечта Абашидзе о

фантастическом перелете, на который в те годы мог решиться только авиатор богатырского размаха. Как рассказал мне Михаил Мачавариани, Абашидзе в конце 1913 года задумал перелететь через Главный Кавказский хребет. Он перегнал самолет из Киева во Владикавказ, отсюда собирался совершить воздушный прыжок в Тифлис, но состояние мотора вынудило его прервать полет. Начавшиеся войсковые маневры заставили его покинуть Владикавказ, для мирных перелетов времени не оставалось. Любопытно, что его идея транскавказского перелета была реализована только 2 октября 1917 года выпускником Кавказской авиашколы военным летчиком Е. Виташевским и в 1918 году летчиком А. Русановым и наблюдателем Н. Просвириным.

С объявлением всеобщей мобилизации 31 июля 3-я авиарота в составе третьей армии юго-западного фронта выступила на театр военных действий в Галиции. В роте четыре авиаотряда, в их числе 11-й корпусный, где командиром Нестеров, и 12-й корпусный, где служил Абашидзе. 1 августа, в день объявления Германией войны России, он только возвратился из Сумского уезда Харьковской губернии, куда был командирован вместе с военным летчиком поручиком Соколовым для закупки на конном заводе двухсот лошадей, используемых в качестве гужевого транспорта при отправке имущества авиаотрядов на фронт. Факт достаточно красноречивый, подтверждающий, что в период мобилизации и с началом боевых действий летчиков нередко загружали поручениями, не имеющих никакого отношения к их редкой профессии.

Моя первая статья об Абашидзе в городской вечерней газете попала на глаза дочери авиатора Нестерова Маргарите Петровне, mezzo-сопрано оперного театра в Нижнем Новгороде. Она просила сообщить ей неизвестные подробности об отце, возможно, имеющиеся в архиве его боевого друга. К сожалению, о последнем периоде жизни Михаила Абашидзе мне было неизвестно. Вдова о нем не распространялась,

и я не расспрашивал, хотя и догадывался; время было такое – хрущевская эйфория по разоблачению преступлений сталинщины пошла на убыль, о трагедиях в семьях все еще предпочитали молчать. Тогда же я отписал в Нижний Новгород, что архив летчика Абашидзе не сохранился. Но чувство неудовлетворенности и вины осталось. Оно заставило меня отказаться от публикации в журнале «Огонек», о чем просила при каждой встрече его собственный корреспондент по Закавказью Ия Семеновна Месхи.

Шли годы, другие события отодвинули образ летчика божьей милостью, как называли в империалистическую войну крылатых сынов человеческих, воевавших с одним маузером на борту хрупких аэропланов, но фотографии сохранились, и тема будоражила сознание.

«Отречемся от старого мира...» – пели безбожники на страшном шабаше окаянных дней, унесших светлые души тех, кто был солью земли. Как цветы запоздалые, приходят к нам память, покаяние, слезы, и, увы, слишком поздно. Уже осудили кровавые репрессии, вернули доброе имя тысячам невинно загубленных, другие люди брались за дело, чтобы насилие и произвол никогда не подняли голову.

Я позвонил по правительственному телефону генералу КГБ. Он внимательно выслушал и отреагировал как следовало: «Да, конечно. Передайте о моем согласии». Через считанные минуты я оказался у цели, к которой шел долгие годы. У подъезда ведомства меня дожидался офицер, молча провел длинными коридорами в небольшой читальный зал. «Сколько вам нужно времени для ознакомления с делом?» – «Один час». И вот, наконец, на столике передо мной тонкая папка из следственного фонда Государственного политического управления Закавказья по борьбе с контрреволюцией, шпионажем, бандитизмом, спекуляцией и преступлениям по должности. Горькая правда о последнем пути подследственного. Торопливо читаю дело, стараясь не думать о происхождении

бурых пятен на страницах.

Абашидзе Михаил Дмитриевич, 39 лет, имеретин, уроженец Кутаисской губернии, беспартийный, бывший князь, бывший дворянин, бывший офицер царской и белой армии. Последний чин – полковник. Служил до октября 1915 года в авиационных и автомобильных частях, с 1915 года до марта 1917 года в штабе 5-й армии адъютант начальника, профессия в авиации – летчик, в автороте – командир взвода, позже – старший офицер. До февраля 1918 года в 5-й армии редактор газеты, позже – командир автороты. В феврале попал в плен. С апреля по декабрь содержал ресторан «Прага» в Киеве. С апреля 1919 по 1920 год – в Одессе, в Добровольческой армии офицер-порученец при главном начальнике военных сообщений вооруженных сил юга России. С ноября того же года по 1927 год заведовал беженским отделом персидского генерального консульства в Тифлисе. С 1927 года в комитете восстановления в Ленинакане, с декабря того же года – техник при управлении эксплуатации ЗАГЭСа.

Арестовали Михаила Абашидзе 14 апреля 1928 года в 10 часов вечера возле его дома на Вознесенской улице (ныне улица Давиташвили). В квартиру, где его ждали мать Вера 62 лет и жена Китти, он не вернулся. Постановлением органов 8 мая Абашидзе привлекли к следствию в качестве обвиняемого. Тогда же с трехнедельным опозданием было выписано постановление на его арест. При обыске в доме обнаружены и приобщены к делу золотые часы и серебряное кольцо с простым камнем. И еще запомнилось: вещественных доказательств по делу не имелось и обвиняемый с июля находился в центральной больнице исправдома. Оба обстоятельства, похоже, не смущали творивших суд скорый и неправый. Абашидзе обвинили в связи в 1922 году с «военным центром» при паритетном комитете антисоветской партии Грузии в лице бывшего полковника, расстрелянного в 1923 году, а также в военном шпионаже в пользу Персии, сборе

военных сведений о Красной Армии, использовании служебного положения во вред советской республике и отправке диппочтой за границу контрреволюционных данных, и под видом персидских эмигрантов заведомых шпионов. Сам он, тревожась за судьбу оставшихся дома, истязаемый пытками, не пытался опровергнуть эти чудовищные обвинения, да и факт пребывания в тюремной больнице достаточно красноречив, вряд ли причиной послужили записанные в деле кишечные заболевания.

Александр Исаевич Солженицын, говоря в «Архипелаге ГУЛАГ» о карающей тяжелой длани 58 статьи, писал, что шестой пункт – шпионаж «прочтен настолько широко, что если бы подсчитать всех осужденных по нему, то можно было заключить, что ни земледелием, ни промышленностью, ни чем-либо другим не поддерживал жизнь наш народ в сталинское время, а только иностранным шпионажем и жил на деньги разведок».

Как жил на широкую ногу, на деньги разведок скромный техник ЗАГЭСа Абашидзе свидетельствует реквизированное у него при обыске серебряное кольцо с простым камнем, но ненасытные жернова ГПУ уже готовились смолоть очередную жертву...

Протокол судебного заседания коллегии ЗакГПУ 22 октября 1928 года по обвинению Абашидзе Михаила Дмитриевича завершался коротким, как выстрел, словом «расстрелять». В левом верхнем углу обвинительного заключения злобешая подпись председателя ГрузГПУ Берия – «утверждаю».

Я закрыл тонкую папку, потрясенный обыденной простотой этого страшного конца.

Несколько дней спустя, неожиданно для себя, оказался у знакомого дома. Хлопнула парадная дверь. «Вам кого нужно?» Смотрю на спрашивающую. Хорошее лицо, участливые глаза, помнит ли она... Оказалось, помнит. «Ту статью написали вы?» И женщина тут же, на улице, рассказала, что Екатерины Николаевны два года как нет в живых, после нее никого не

осталось, где-то в Москве живет племянница Михаила Дмитриевича, приезжала на похороны...

На этом закончилась история семьи Абашидзе. Так считал я, но ошибся. Эта история была написана, когда, беседуя с соседкой, я назвал фамилию Абашидзе, и Анна Сергеевна вспомнила, как летом 1927 года отец пригласил отобедать у них дома, кого вы думаете? Абашидзе! Оба работали на строительстве по ликвидации последствий землетрясения в Ленинакане. Самое удивительное: Анна Сергеевна помнила, что Абашидзе, бывший князь и летчик, жил на Вознесенской улице!

Знакомый прокурор, с кем я поделился этой историей, сказал: «А почему не допускаете, что причиной гибели Абашидзе была его красавица жена?»

Вспомнились шокирующие кинокадры аксеновской «Московской саги»: черный автомобиль со сласлолюбивым главным чекистом страны в темном салоне. Камера панорамирует по Головинскому проспекту в Тифлисе, выхватывая в толпе лица и ноги красивых женщин. Пуркуа-па? (почему бы и нет?), как говорят французы. И если прав был поэт, сказав, что «свет погасшей звезды еще тысячу лет к нам доходит», то, наверное, рано ставить точку в этой удивительной и трагической истории.

ШАГНИ В БЕЗДНУ

Славу Иванидзе с утра не покидала тревога. Устав ворочаться в постели от одолевавших мыслей, он продолжал тревожиться, видя зарождающийся день, по-южному теплый, безветренный, невесомые облака, скользящие, как бесшумные аэростаты.

Он тревожился, глядя на порозовевшие со сна лица жены и детей, безмятежные и незащищенные, чувствуя черный страх. Будучи сам неробкого десятка, он боялся этого так много значащего дня – от него ждали конца тянущейся за группой несчастливой полосы.

Три дня, как разбился насмерть курсант, самый надежный и плечистый, видно, растерялся, на слишком малой высоте раскрыл парашют, и беспомощно обвисший шелк не погасил скорость падения. Потрясенный смертью курсанта, Слава осмотрел подвесную систему, карабины и вытяжной трос, и убедился, что в порядке это хитроумное устройство, которому доверили самое ценное – человеческую жизнь.

Но воздух предал парашютиста; негостеприимной оказалась земля, зеленая земляничная поляна, усыпанная алыми, как угольки гаснущего костра, ягодами, которыми теперь никто не лакомился.

Группа запаниковала и отказывалась прыгать. Эти юноши и девушки с производства работали на допотопных станках ДИП (догнать и перегнать), а в выходные дни выезжали в район Руставского аэродрома; в ожидании погоды, жили в палатках. И не хотели быть следующей жертвой. Настаивать на прыжках Слава не мог. В свое время он один, из десяти выпускников авиаучилища, согласился стать парашютистом и прошел курсы инструкторов.

Ему верила группа до самой катастрофы, которая обещала стать концом его летной карьеры.

Он помнил, как их вызвал в бывший особняк наместника на Кавказе на Дворцовой улице вальяжный мужчина в полувоенном кителе. Он прилипчивым взглядом разглядывал девушек, угостил чаем, чудесно пахнущим белым хлебом и швейцарским сыром, и каждому досталось по бутерброду, а потом сфотографировался с ними в дворцовом саду – вожди любили фотографироваться, – но снимков им не дали.

Слава знал: один из этих снимков лежит в папке где следует, его извлекут на свет и неизвестно как повернут события. Рита тоже знала, потому вызвалась прыгать первой и доказать, что парашют тут ни при чем, злого умысла нет. Произошла трагическая ошибка, ее не объяснит неудачно прыгнувший курсант, которому страшно не повезло в бабье лето тридцать пятого.

Он подумал, как виноват перед женой, занятый без остатка работой, и чувствуя ее обиду, никогда открыто не высказываемую. Эта сильная и великодушная женщина осталась для него загадкой. Каждый прожитый с ней день был подарком свыше после того, как она на восьмом месяце беременности упала на улице, поскользнувшись на мандариновой корке.

Господи, спаси и помоги, не дай ей умереть, молился он, стоя перед белой больничной дверью, за которой рушился мир.

Вышел знакомый врач, которого поднял с постели его ночной звонок, молча пожал ему руку и ушел, озабоченный несчастьем и предстоящей работой, а он остался один, не видя никого вокруг, ни поступающих новых пациенток, ни утром – чужих родственников с бутылками молока и записками роженицам о пополняющей их радости.

Чудом избежав смерти, она ревностно постигала курс наземной подготовки, не допуская послаблений к себе, как к жене инструктора. Твердо отвергла его возражения: она ни перед чем не остановится, смерть ее не страшит. Что бы ни случилось, их маленькие увидят этот прыжок и запомнят навсегда. Прыжок она посвящала детям, которые, как мотыльки, носились по поляне. «Ты смотри, мама, прыгай хорошо, а мы будем ждать».

Слушая их, Слава думал о том, что инструкции и теоретические выкладки мало помогают человеку, страшно одинокому на высоте, когда он выбирается на плоскость крыла и видит сверху землю, далекую, как дно сотен колодцев.

Сегодня этим человеком будет Рита, и ей не скажешь подчеркнуто благоразумно: «Ты только не спеши, не волнуйся, выйди на крыло и шагни в бездну, а потом через две-три секунды выдерни кольцо».

Оттого, что сам он неспокоен, в голову лезут жуткие истории в воздухе, когда кольцо вытяжного троса рвали слишком поспешно, и шелковое полотнище опутывало хвостовое оперение, делая самолет

неуправляемым.

Так в Рустави разбился инструктор Тбилисского аэроклуба москвич Федор Филиппов.

Он вспомнил февраль прошлого года – траурный митинг на Красной площади, похороны экипажа стратостата «Осоавиахим-1». Страна провожала в последний путь красноармейцев космоса. Одну из урн нес хмурый Сталин. Урны с прахом героев замуровали в Кремлевской стене, а два дня назад все трое были живы.

Стратостат, детище Ленинграда, строили на средства фонда «Штурм стратосферы», по инициативе академика Абрама Иоффе, снарядившего в экспедицию за космическими лучами, на уникальный эксперимент, самую большую надежду Физико-технического института комсомольца Илью Усыскина. Вместе с ним места в тесной высотной лаборатории заняли боевой командир гражданской войны, орденноносец и астронавт-рекордсмен Павел Федосеенко и конструктор стратостата Андрей Васенко.

Последние напутствия перед дальней дорогой. Федосеенко уже на борту летательного аппарата успевает выкрикнуть: «Да здравствует семнадцатый съезд!»

Стальной шар исчезает в воздушной пучине. В течение часа обновлены мировые рекорды бельгийца Пикара и стратостата «СССР-1».

Федосеенко шлет радиogramмы ЦК ВКП(б) во главе с товарищем Сталиным, сообщает о штурме двадцатого километра.

На земле, в зале партсъезда победителей, также бушевала буря. Гроном аплодисментов встречали делегаты рапорты из космоса. С высоты двадцати километров пятисот метров поступило приветствие великому трибуну международной революции Сталину, его соратникам Молотову, Кагановичу, Ворошилову, Кирову...

Как ласкали слух вождя народов эти приветы, когда делегатам предстояло избрать генсека, и старые партийцы решили вернуться к завещанию Ленина и

передвинуть его, Сталина, на другой пост. Чудак Киров сам рассказал об этих разговорах; спасибо ему за это, такая услуга не забывается. А пилоты молодцы. Сейчас нужен рекорд, суперрекорд, чтобы все его враги лопнули от злости; штурмовать небо темпами, достойными страны Советов, с лозунгом – догнать и перегнать. Именно так передать стратонавтам.

Подогреваемый приказами с земли, командир Федосеенко опрометчиво сбрасывает остатки свинцового балласта, рвется в неведомое. Уже достигнута рекордная отметка высоты – двадцать два километра. Они в зоне осадков.

Ураганные вихри, как тысячи свирепых псов, набрасываются на стратостат, рвут несущую оболочку. Облепленный льдом тяжелый аппарат начинает падать. Одна за другой рвутся восемь стальных строп. Освобожденная от оболочки гондола с исследователями, как камень из пращи, с высоты устремляется вниз, в район Саранска, к месту проживания семьи Ильи Усыскина. Быстро смеркалось...

В кровавом месиве останков стратонавтов, одежды и аппаратуры, среди обломков серебристой гондолы нашли бортовой журнал с записанными при падении скачущими строчками, и среди них – неожиданные два слова о красоте неба, опередившие на несколько суток тревожную радиограмму с тонущего ледокольного парохода «Челюскин».

Вспоминая свои страхи, Слава снова видел буравящий небо в стрекозу размером биплан У-2, от которого отделился черный комочек. Рита все сделала молодецом: выбралась на крыло и по команде «прыгайте!» оторвала руку от борта кабины.

Она падала лицом вниз, земля стремительно неслась навстречу. Потянула кольцо, но падение не замедлилось – парашют не раскрылся, у нее сил не хватило. Наблюдавшие на земле решили, что она идет на затяжной прыжок. Мысль работала четко, не растерялась, вспомнила слова мужа: «Рука руку всегда найдет», обеими руками потянула кольцо запасного

парашюта...

На землю ступила со счастливой улыбкой – теперь группа может прыгать. И повалилась навзничь от жесткого толчка.

Ее обнимали и поздравляли, и первым среди встречавших был Слава, обеспокоенный заминкой в воздухе и кровью на ее лице, из-за ушибленного при падении носа, и оба подумали, как счастливо они будут жить дальше, радуясь жизни, растя детей.

Но еще долго Слава просыпался ночью, лежал с открытыми глазами, заново переживая увиденное: Рита камнем падает на землю, и он ничем не может помочь. О своих снах она предпочитала молчать, оберегая спокойствие в доме, которого и так уже не было.

Начиналась война, самая свирепая и кровопролитная, похожая на пирамиду из человеческих черепов с картины Василия Верещагина, увеличенную тысячекратно.

БРИЛЛИАНТЫ ВСЕГДА В ЦЕНЕ

Весной мы всем классом дружно заболели. Благоволившая к нашему физруку рыженькая доктор – ее спелые округлости лезли из пеннобелого халатика, как опара из квашни, – поставила диагноз: баскетбол. Всей ватагой мы отправлялись на Мтацминду, неся по очереди многострадальный мяч, не зная одышки, взбегали на верхнее плато, где среди скрипа поджаренных на солнце планирующих кузнечиков ждала нас желанная награда – открытая школьным «колумбом» баскетбольная площадка.

Наша сорок третья школа преуспела в этой игре, придуманной Джеймсом Нейсмитом, преподавателем Спрингфилдского колледжа из штата Массачусетс, став первой в городе. Марку надо было держать. Класс наш – чемпион школы – твердо помнил: не боги гор-

шки обжигают. Воспитанники сорок третьей Леван Инцкирвели и Тенгиз Медзмаришвили, будучи не намного старше нас, играли в тбилисском «Динамо» – одном из ведущих европейских клубов.

А пока, кроме верхнего плато фуникулера, мы облюбовали спортивную площадку в Александровском саду, где обычно решалась судьба городского первенства. Как-то в финале против нашей стартовой пятерки вышли пять баскетболистов сорок четвертой школы, наши недавние ученики. Не поладив с директором, они вынуждены были уйти. Мы приветствовали их перед игрой как наш филиал, и за свою вольность чуть не поплатились дисквалификацией.

Я запомнил этот эпизод, потому что в перерыве сам отличился: со второго ряда трибуны забросил в корзину отскочивший мяч – с угла площадки, любимой точки московского армейца Сергея Белова, откуда он забил «золотой» мяч ленинградскому «Спартаку» в решающем матче суперсерии. Только бросок мой был дальше. Мяч по высокой дуге опустился в сетку под одобрительный гул трибуны и реплику капитана школьной команды Джамбула: «Это наш золотой запас».

Через много лет узнаю из газет, что за один сверхдальний бросок одному американскому любителю удалось выиграть миллион долларов, который ему почему-то не выплатили. Так что по части материального поощрения у нас с ним полное равенство, но всякий раз чувствую себя счастливым, вспоминая ту удачу.

Как молодые мы были, целыми днями пропадая в Кировском парке на играх тбилисского тура первенства страны, где блистал Отар Коркия, великий спортсмен с высоким лбом мыслителя, наделенный редкой для баскетболиста силой, как негодовали, когда ему шикали с трибун, мешая пробить штрафные. Но Коркия раз за разом посылал мяч точно в цель. Так же мужественно сражался на хельсинкском стадионе с американцами, которые были сильнее. Коркия играл с вывихнутым большим пальцем правой руки, но имен-

но его, а не американца Клайда Ловелетта, признали лучшим центровым олимпийского турнира.

В Тбилиси съехались гранды отечественного баскетбола – москвичи, каунасцы, тартусцы, рижане, но наши сердца безраздельно отданы бедняку – ереванскому СКИФу, команде-загадке, чей стартовый – он же основной – состав представлен армянами-репатриантами. Американец Том Мурадян, француз Жан Маркарян, египтяне Абрам Амамджян, Жирайр Минасян и Арменак Алачачян, как мотоциклы «Харлей Дэвидсон», носились по площадке, готовые бросить и попасть в корзину из немыслимого положения, дать скрытый пас-откровение для соперника и нередко для партнера. Они могли бы получить первый приз за красоту игры, если бы, конечно, он разыгрывался. Это мнение Ивана Лысова, капитана знаменитой тартуской команды УСК (университетского спортивного клуба), одного из самых ярких виртуозов советского баскетбола. Впятером они могли обыграть любую команду и проиграть могли любой. Их сил хватало на один тайм, не больше.

Слишком коротка скифовская скамейка запасных игроков. Не оказалось больше баскетболистов на борту теплохода «Победа», доставившего в Батуми первую волну репатриантов – тысячи горемык из числа рассеянных по свету. Потом все набились в поезд-тихоход; была не предусмотренная расписанием остановка в малопримечательной местности, но пассажиры высыпали из вагонов. Потомки прирожденных пахарей и скотоводов, воинов и поэтов, познав горечь эмигрантского хлеба, целовали бедную, каменистую свою землю, плача от радости, что увидят наяву не запятнанную в тысячелетиях белизну Арарата, истекающий голубой кровью жертвенный Севан, неистощимый, как армянское горе – безбрежное море; облакают взглядом спасенные от меча и огня духовные ценности Матенадарана; подобно искателям жемчуга опускаются в каменные волны Гегарда, где глубоко в горах откроется им скрытая жемчужина средневековой

архитектуры – творение гения Галдзага.

В начале шестидесятых наша редакция городской газеты получила из Агентства печати Новости очерк «Счастливчик» Анатолия Пинчука. Спортивный журналист утверждал: в баскетболе Арменак Алачачян – явление, равнозначное по масштабу Валерию Брумелю, Владимиру Куцу, Петру Болотникову в легкой атлетике, штангисту Юрию Власову. Их имена тогда были у всех на слуху, и автор очерка, кого кое-кто из коллег упрекал в непомерном захваливании Алачачяна, впервые попытался проследить, как начинался этот спортсмен, который беспощадным режимом сам сделал себя звездой. Свой анализ он продолжил в их совместной книге «Не только о баскетболе», собравшей под одной обложкой радости и горести большой спортивной жизни.

По удивительной случайности нет в ней рассказа о встрече, за которой я наблюдал с крыши грузинского альпклуба, когда уютный баскетбольный стадион Кировского парка не мог вместить всех желающих. Ереванцам в тот вечер противостояла алма-атинская команда, за которую играл самый высокий человек в нашем баскетболе Увайс Ахтаев, чаще его называли русским именем Вася. Как чеченец Ахтаев оказался в Казахстане – история отдельная, и это не воля судьбы, какое-то положение звезд и планет, а злодейская сталинская акция насильственного переселения народов, наиболее ревностные исполнители ее получили орден Ленина. Помню, как на железнодорожном вокзале в Кустанае меня, тбилисского студента, остановили ссыльные ингуши: «Земляк, возьми для нас билеты в кассе. Нам их не продают».

За Ахтаевым ходили гурьбой. Тбилисцы всегда обожали тамашу – забаву, развлечение, а тут к нам пожаловал настоящий «гулливер» ростом за 230 сантиметров. «Гулливер» был достаточно приветлив и покладист, охотно давал автографы, расписываясь авторучкой величиной с велосипедный насос, и вмещала она не меньше пол-литра чернил.

Вечером я увидел, какой Ахтаев большой спортсмен – в прямом и переносном смысле. Опекают техничного гиганта поручили малышу Алачачяну, держать по возможности плотно, не позволяя беспрепятственно принимать мяч. Вроде ничего мудреного, но как трудно играть! Господствуя на «втором этаже», Ахтаев полностью хозяйничал и на своем щите, как заправский вратарь, забирая в длинные, загребущие ручища летящие в корзину мячи. Стиснув зубы и не впадая в отчаяние, южане использовали медлительность Ахтаева, который не спеша возвращался на свою половину площадки.

В перерыве меня окликнул мой племянник Вилик. Как все мы, он поднялся по узорам декоративной деревянной решетки альпклуба. От карниза крыши его отделял один шаг, не самый трудный, на который он не решался, уверяя, что ему и снизу хорошо видно. Я до сих пор гадаю: видел – не видел, и как он мог отказаться от такого зрелища, а потом переехать в Ереван, в губительные для его больного сердца условия высокогорья и неустроенного быта?! В душный летний день он сопровождал Давида Ланга в поездке к памятникам Аштарака, на берегу Касаха остался ждать английского профессора в машине, где его увидели деревенские дети. Когда прибежали взрослые, было слишком поздно...

Как мне недостает его, – и с каждым годом все больней – так много обещавшего, не обласканного судьбой. Осталась записка, отстуканная им на пишмашинке, с удивительной лексикой молодого дипломата: «Хочу воспользоваться случаем сообщить, что по сей день решить твой вопрос мне не удастся, но те и другие каналы, по которым я действую, крайне надежные. Твой переезд в Ереван практически возможен, но при условии обеспечения квартирой. Упомянутое условие требует, по словам Н., определенного момента, который позволит сделать тебе вызов. Я в свою очередь просто не решаюсь ставить сроки относительно этого момента, но буду рад оповестить тебя в свете малей-

шего намека на него».

Потом другое ведомство предоставляло мне интересную работу и квартиру в этом южном городе, но как им объяснить, что без Вилика все потеряло для меня свою притягательность: ходить по улицам, посещать учреждения, где его знали, читать стихи его друга Паруйра Севака, вздрагивать при виде молодых людей, так похожих на него – все это было за пределами моих сил.

Между тем события на спортивной арене шли к развязке. За десять секунд до конца встречи алмаатинцы вели в счете с разницей в одно очко, владели мячом, но случилось невероятное – грубо ошиблись в приеме мяча. Скифовцы мгновенно ввели мяч в игру из-за боковой линии и успели бросить по кольцу. Давид победил Голиафа. Что творилось на трибунах! Буквально скатываюсь с крыши, чуть не повредив себе глаз о невидимую в темноте проволоку.

Трудно поверить, но баскетбол мог потерять Алачачяна. После травмы его отчислили из команды, и, возмнив себя халифом, чиновник от спорта распорядился не оплачивать больничный лист тому, чей пример мог привлечь к занятиям баскетболом сотни юношей и девушек этой небаскетбольной республики.

Арменак обиду не простил, с женой-баскетболисткой Розой Вартанян уехал из Армении, по которой тосковал под чужим небом Александрии, уехал налегке, без денег и какой-либо перспективы в Москву, в тридцатиградусный мороз, как это сделал до него в послевоенные сороковые и уже непороховые молодой чемпион Армении по шахматам Тигран Петросян – в демисезонном пальто и парусиновых туфлях.

Алачачяна взяли в московское «Динамо», а он, продрогший до мозга костей, уехал в благодатную теплынь Алма-Аты, куда звал его Ахтаев, и вскоре уже играл за алма-атинский «Буревестник» и за сборную Казахстана, став соавтором уникального баскетбольного дуэта «Пата» и «Паташона», а потом девять лет

защищал цвета ЦСКА – чемпионского клуба, и там не потерялся со своими 174 сантиметрами, оставаясь на первых ролях, не зная себе равных в искусстве подстраховки, в умении дать пас, фантастической выносливости, живя в баскетболе и для него.

По окончании сезона его пригласили в сборную СССР. (Первый свой матч в составе сборной Алачамян сыграл, когда ему не было 23, последний – в 35.) Как он пришелся ко двору самых избранных – история особая. Это только в песне поется, как парня встретила славная семья, всюду были товарищи, всюду были друзья. Огромная страна СССР, а мест в «основе» сборной всего 12. Претендентов 25, на тренеров давит гипноз старожилов команды – чемпионов Европы. Отношение к дебютанту в условиях ожесточенной конкуренции прохладное. На счастье, в сборной-53 нашлись два игрока, которые, опекая его порой даже сверх меры, помогли стать на ноги.

Двумя добрыми ангелами-хранителями Арменака были Отар Коркия и Иван Лысов. Коркия себя в игре не щадил, рядом с ним стыдно было играть вполсилы, праздновать труса. Не было в нашем баскетболе игрока, который пользовался таким авторитетом, как этот сероглазый гигант из Грузии, вспоминал Алачамян. Не знает, чем приглянулся Отару Коркия, но относился он к нему – лучше не пожелаешь.

Коркия был покровителем, Лысов – учителем. Лысов и Алачамян – оба разыгрывающие. У старшего за плечами два чемпионата Европы и Олимпиада. С необыкновенным тактом и доброжелательностью Иван Федорович наставлял молодого: делай как я, делай лучше меня. Хотя знал, преимущество на стороне молодости. Так оно и вышло. Алачамяна оставили в команде, его учителя – нет.

В том году Алачамян выиграл золотую медаль чемпиона Европы, первую из своих четырех, и на всю жизнь сохранил величайшую благодарность двум лидерам команды – великим баскетболистам и великим личностям.

В апреле 1964 года после встречи сборных СССР и США, которую он отыграл с травмой, тренер американцев Джон Маклендон назвал его лучшим на площадке среди хозяев. По просьбе корреспондента «Советского спорта» Маклендон сравнил понравившегося ему советского защитника с легендарным Бобом Коуси из «Бостон Селтикс», который одиннадцать лет входил в символическую пятерку НБА.

После долгой паузы Маклендон сказал: «В нападении, конечно, сильнее Коуси... В защите, пожалуй, Алачабян... Алачабян побыстрее... У Коуси лучше дриблинг... Пас хорош у обоих...» И подводя итог, заметил: «Все-таки Коуси посильнее...»

После Олимпиады в Мехико Анатолий Пинчук как-то разговорился с Александром Гомельским, тренером сборной СССР. Говорили они о поражении команды в полуфинале от югославов, что назвали самой крупной сенсацией Игр. И вдруг, скорее себе, чем журналисту, Гомельский сказал с досадой: «Чего простить себе не могу, так это того, что не взял в Мехико Алачабяна!» Журналист делает два маленьких комментария. Алачабян перестал играть за год до Олимпиады. В ту пору, когда состоялся этот разговор, Гомельский в силу ряда причин относился к Алачабяну довольно сдержанно.

В семидесятых годах потерялись следы Алачабяна – был человек и нет его. Ходили слухи, что он переехал в Канаду к сестре, тренирует национальную сборную, кто-то видел его в Панаме, работающим на бензозаправке, и даже умер от инфаркта.

И не узнали бы правду никогда, после двадцати лет полного замалчивания имени легендарного защитника, игрока сборной СССР и ЦСКА 50-60-х годов, если бы не случай.

На чемпионате мира 1994 года в Торонто второй тренер российской сборной Алжан Жармухамедов, возвращаясь с тренировки, проговорился в автобусе московскому журналисту Владимиру Титоренко: вот где-то здесь, в деловом центре, находится офис

Алачачяна, его фирмы по покупке и продаже драгоценностей.

Тогда стали известны подробности исхода знаменитого шестого номера советской сборной и тренера ЦСКА. И как жаль, что о нем не знали Сильва Капутикян и Зорий Балаян, написавшие две книги об армянских диаспорах США и Канады.

Причина отъезда Арменака прозаическая – многолетний изнурительный пресс КГБ за отказ работать на них. Для гэбистов Алачачян – спортсмен экстра-класса, имеющий много друзей во всем мире и знающий пять языков: английский, французский, русский, армянский и арабский, представлялся уникальным агентом, но он стукачом быть отказался; став невыездным, на долгие годы отлучался от сборной СССР и официальных международных матчей ЦСКА. Помогло заступничество болельшего за баскетбол министра обороны Андрея Гречко, да и то не надолго.

Ржа железо ест, и Алачачян психологически сломался, оставил работу в престижном клубе, три года тренировал в детской спортшколе, начал готовиться к отъезду. Брежнев бумаги подписал, не препятствуя воссоединению семьи.

За океаном Алачачян отказался от выгодного предложения работать тренером в США, где его помнили и знали ему цену, но это означало бы новую разлуку с семьей. Он предпочел паркинг, обслуживание автомобилистов, повторяя судьбу многих состоявшихся миллионеров, четыре года работал, зарабатывал неплохо, хотя неудовлетворенность осталась.

Ему всегда везло на добрых людей.

Алачачян вспоминал, как однажды встретил друга из Грузии, который имеет в Канаде бизнес на золотых украшениях и взялся научить своему делу бывшего баскетболиста; как он пошел на выучку. Получал всего 400 долларов в месяц, но друг говорил: терпи, все окупится во сто крат.

И снова ему крупно повезло. Жил в Монреале его знакомый еще с египетских времен. И этот зна-

комый свел его с миллионером из Лос-Анджелеса, который видел по телевизору игру армейца на Кубке чемпионов в Милане и запомнил его, предоставил кредит – золотых украшений на 50 тысяч долларов. Алачачян вернулся домой в Торонто, сложил золото в чемодан и отправился по магазинам, предлагая товар и называя свою цену. Через два дня он все продал, а когда подсчитал выручку, узнал, что заработал 5 тысяч долларов.

Так начался его золотой бизнес. Бриллианты ведь вечны, и занимается ими лично хозяин ювелирной фирмы, одной из самых процветающих в Канаде.

Леонид Брежнев, как все Ильичи, оказался не таким добрым дедушкой, каким рисовался. Система не простила Алачачяну отступничество и добровольную сдачу партийного билета. В семьдесят пятом, через год после его отъезда, в московском издательстве «Физкультура и спорт» вышел энциклопедический справочник «Звезды спорта» – судя по аннотации, о лучших спортсменах Советского Союза и выдающихся зарубежных. Справочник содержал около двух тысяч биографических справок, но в нем не нашлось места для Арменака Алачачяна, заслуженного мастера спорта, обладателя серебряной медали Токийской олимпиады и медали «За выдающиеся спортивные достижения», восьмикратного чемпиона СССР, четырехкратного чемпиона Европы.

Так Система сама себя высекала.

Бриллианты действительно всегда в цене, и, как утверждает пословица, цену золота знает золотых дел мастер.

СОЛЬВЕЙГ НЕ ПРИБЕЖАЛА НА ЛЫЖАХ

«Не плачь! - сказал он огорченной жене, присев, по обычаю, перед дальней дорогой, которая для него неожиданно пролегла через пол-Европы. - Меня не убьют: я домой копейку не принес, заработанную нечестным путем». И хотя этот факт никак не способствовал пополнению семейного бюджета, сказано было не ради красного словца, но предельно искренно перед смертельной опасностью, которая отныне угрожала миллионам его сограждан, братьям и сестрам, как к ним обратился вождь, преодолев недельное потрясение.

Маленький винтик в разладившейся гигантской машине, он видел, как рушится то, что создавалось с превеликим трудом; для понимания этого ему хватало собственного опыта, которым он, не окончив Промакадемии и Института красной профессуры, обходился вполне. Рано повзрослевший сирота при живом отце-старике, знавшем иные времена, когда господин Арутюн, поэт и городской голова в вилайете соседней страны, внушал уважение и трепет отпетым головорезам, которые, похитив по незнанию его красавицу дочь, тотчас вернули домой с извинениями и богатыми подарками. Но все это в прошлом, теперь он, младший в семье, привык полагаться только на свои умелые в обращении с металлом руки, что давало ему преимущество перед другими, желанную многими броню, за которую он не стал держаться, как за женину юбку. Он просто представить себя не мог на улицах города, который с каждым днем обрастал приметам далекой пока войны. Знакомые его, те, что правдами и неправдами остались дома, неслыханно разбогатели, нажились на людском горе, кутали в шубы своих жен, втискивали слоновьи ноги в модельные лодочки, на улицах, как застоявшиеся жеребцы, прохода не давали женам фронтовиков, завели в домах зоопарк черно-

бурок, рыбок в бассейнах, а позже, так и не понюхав пороха, разжились льготными книжками участников войны, но об этом он узнал, лишь вернувшись домой с несгибающейся кистью руки, а пока, непривычно растерянный и опустошенный, смотрел на плачущую жену, прижимавшую к груди дочку, которая вся горела то ли от неведомой болезни, то ли из-за реакции на отъезд отца; на ясноглазого, вихрастого мальчугана, который оставался за мужчину в доме и в двенадцать лет пошел работать в сельскую кузницу.

Это ощущение рушившегося очага, скромного домика на краю оврага Кибальчича, откуда видны Сирачхана и Чугурет, Авлабар и Сеидабад, которые все видели и знали, даже то, что было неведомо пытавшим их osobistам, что всовывали головы своих жертв в печку и стреляли у них под ухом, вырывая признание того, чего не было и быть не могло, он пронес через Ленинанкан, район формирования их войсковой части, пока, минуя Туапсе, вместе со своими пушкарями не оказался весной сорок второго на огромном, раскисшем от дождей поле, вобравшем в себя небывалое скопление плохо вооруженных людей, которые, видя свою погйбель, шли вперед, подгоняемые жестоким и бессмысленным приказом, туда, где угадывались белесые лиманы Азовского моря. Он потом многократно возвращался воспаленной памятью к тому страшному полю, каждый раз умирая под косым металлическим дождем артобстрелов, от снарядов то ли своих, то ли немцев. Пронзенный, как болью, физическим предчувствием большой беды, он снова видел себя среди безусых мальчиков, которые, обезумев от страха и неизвестно откуда жальщих осколков и пуль, поднимались в полный рост, готовые бежать куда глаза глядят. И он, охрипший от крика, который никого не мог предупредить в этом грохочущем мире, догонял и прижимал к земле тех, кого успевал. Но как он мог помочь всем им, рожденным в муках женщиной и в муках завершавших свои короткие, как вздох, жизни, когда их судьбы предопределили

ошибки амбициозных генералов, которых ничему не научило октябрьско-ноябрьское отступление к Керченскому полуострову в первом году войны, и теперь май довершал кровавую жатву.

«Будьте вы трижды прокляты!» Он тогда не мог знать про это сталинское проклятие, которое услышал представитель Ставки после керченской катастрофы, прибыв на доклад в страшный кабинет с дубовыми панелями и длинным столом под портретами Суворова и Кутузова. Возможно, его и не было, этого проклятия. Но в симоновских военных дневниках допускается эта психологическая возможность, и не будем ее отвергать.

Пуля его все же нашла. Он неловко упал на руку после сумасшедшего бега по неровному полу, когда сердце было готово выпрыгнуть из груди, и очнулся уже в крытой машине в куче других военнопленных и конвоиров с овчарками, которые подскакивали на ухабах и скулили от неуголимого желания повиснуть у них на горле. Кто-то невидимый болевым приемом выкручивал ему руку, и эта кричащая немой криком боль осталась в нем навсегда, просыпаясь 9 Мая, в день поминовения погибших, когда на экране телевизора появлялась картинка с вечным огнем и диктор за кадром привычно читал текст, сопровождая его списком жертв, напоминающим, что по своей натуре люди еще слишком звери и недалеко ушли от ветхозаветного ковчега, в котором спасались, когда разверзлись все источники великой бездны и окна небесные отворились.

Упрятанный на годы за проволочные ряды, он, как и миллионы других солдат войны, хлебнул через край лиха положения несудимых преступников, которые, вопреки людоедскому приказу июля сорок первого года, панике не поддались, при первой угрозе оружия не бросали, не тянули за собой других. Ему не в чем было себя упрекать и строго судить, как это пытались делать после войны бериевские охранники в фильтрационном лагере Новороссийска. В своих

он не стрелял, в карателях не пребывал, а вот однажды пожалел пленного немца, которого ему вместе с красноармейцем-земляком поручили доставить в штаб полка. Напарник трусил идти в стылую ночь, не видел корысти в этом поручении и по дороге чудовищно просто предложил застрелить немца, а когда он сделать это отказался, все же урвал момент для выстрела. Обернувшись на хлопок, он увидел огненно-рыжую голову лежавшего на земле паренька, который уронил фуражку при падении, а теперь непослушной рукой сгребал снег и тасил в рот, видно, горело у него все внутри...

Уже после войны вблизи своего дома он встретил того душегуба, который оказался его соседом, но ни тогда, ни позже с ним не заговаривал, вынеся приговор презрением.

«Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...»

Эта блоковая строчка, неведомая герою моего рассказа, вся как бы пронизана поэзией Генрика Ибсена и музыкой Эдварда Грига, великих сынов небольшой страны на северной окраине Европы.

В Норвегию он попал не туристом, а узником одного из самых страшных лагерей смерти, откуда не выпускали живыми. Одно упоминание его названия дало ему вольную, спасло от спецлагей НКВД, заготовленных впрок для защитников родины. Из Новороссийска его отпустили без каких-либо хвостов и проволочек - свой счет со смертью он давно выправил.

От пережитого он не ожесточился сердцем, только стал немногословным, словно ушел в себя, оправдывая слова писателя, удивившего меня неожиданным признанием. «Конечно, к моей радости, - писал Константин Симонов, - я не раз встречал потом на войне и тех, кто остался в живых, пройдя невредимым через тяжкую крымскую эпопею весны сорок второго. Но они даже в дни самых больших побед не любили вспоминать о ней. На разные воспоминания тянуло людей во время войны, в том числе и на трудные. Но

на воспоминания о случившемся тогда на Керченском полуострове - нет, не тянуло!»

Он оправдал сполна эту характеристику писателя-фронтовика, хотя какая-то информация мне все же перепала.

Во время кратковременного пребывания в рейхе его вместе с несколькими другими узниками отвезли на работу в поместье, чей хозяин, большой военный чин, воевал на восточном фронте. А еще через несколько дней пришла легковая машина с офицерами, лица которых красноречивее слов сказали о хозяине. Пленные приготовились к самому худшему, когда вышедшая к ним фрау Хильда объявила, что ее Зигфрид погиб, как подобает германскому воину, и пригласила всех к столу выпить за упокой его души.

Но самое неправдоподобное ждало их впереди. В норвежском лагере (я до сих пор не знаю, что они там изготавливали - оружие возмездия или бочки для трески) уже в середине апреля, в самом конце войны, подошел к ним, работающим, охранник-немец и спросил: знают ли они, для кого роят вот этот ров. Они, конечно, догадывались, что скоро всех их ликвидируют, заметая следы. «Вы должны бежать сегодня ночью, - продолжал немец. - Ножницы, чтобы резать проволоку, найдете в условленном месте. С вышек будет стрелять конвой, но поверх ваших голов, а если кого зацепит, - не обижайтесь. На то и война». Этот призыв к побегу мог оказаться подстрекательством, обычной провокацией, поводом для массовых расстрелов, но выбора у них не было. Ночью они перерезали проволоку, и хотя пулеметы били с вышек, ушли в лес, где скрывались трое суток до прихода союзников. Так они выжили, вырвались из ада, ворота которого, казалось, захлопнулись за ними навсегда.

Хотя, если быть точным, спаслись они много раньше. И вот при каких обстоятельствах. Вы, конечно, помните, как русский солдат Андрей Соколов, герой шолоховского рассказа и не менее известной его экранизации Сергея Бондарчука, выпил, не закусывая, три

стакана водки, которая могла влить жизнь в истощенный организм не одного - нескольких военнопленных. Как-то утром, пересекая территорию лагеря, мой герой был остановлен властным окриком высокого офицера в немецкой форме, который сделал знак: дескать, следуй за мной. Зайдя в помещение и плотно закрыв дверь, он задал узнику вопрос на грузинском языке: «Откуда ты родом, парень?» - «Армянин из Тбилиси». Офицер вышел в соседнюю комнату и вернулся с хлебом и банкой консервов: «Ешь!» Но он есть не стал, сказав, что отнесет в блок, где такие же, как он, голодные, умирающие от голода. Офицер одобрительно кивнул головой и в дальнейшем не раз переправлял через него такие передачи, которые спасли жизнь многим.

Уже вернувшись в Тбилиси после репатриации, мой герой встретил на Колхозной площади офицера из норвежского лагеря. Гражданская одежда так же ловко сидела на его ладной фигуре, как и военная форма. Он узнал его издалека, сделал невольное движение навстречу, чтобы обнять своего спасителя, привести к себе домой, угостить в ресторане. Но бывший офицер неуловимым знаком показал: не обращай на меня внимания. И мой герой понял, что лучшей благодарностью для знакомого будет, если он его сейчас не узнает. Ни сейчас, ни когда-либо. Они разошлись в разные стороны, чтобы уже больше никогда не встретиться.

Мой герой, твердо храня обет молчания, ушел из жизни, не оплатив долг их спасителю. И только как-то, разговорившись, рассказал об этом мне, своему зятю, ведь девочка, провожавшая на войну отца и горевшая от жара из-за разлуки с ним, стала потом моей женой.

МАРИНА

В комнате было темно от сигаретного дыма, и первое что он сделал – открыл окно в парк, сбегающий прохладными террасами к морю, а потом присел к столу, где сиротливо жались друг к другу припасенные к свиданию коробка конфет и бутылка кислого молдавского вина; с любопытством посмотрел на сидящую перед ним незнакомую девушку, которую накануне они с Гогой час прождали на конечной автобусной остановке. Словно испытывая их терпение, через разные интервалы времени подходили красавицы «Икарусы» с уже освещенными желтыми аквариумами салонов, выплескивали пассажиров – знакомых по престижному санаторию, которые долго шли по кипарисовой аллее к невидимым от ворот корпусам, прежде чем оба решили, что ждать дальше не имеет смысла, и оставили свой пост. Но еще раньше ему показалось: в опустелом салоне прильнула к окну гибкая девичья фигурка, бросила в их сторону быстрый взгляд и исчезла.

Он почти уверен, что в окне увидел ее, гадая: было между ней и его соседом по комнате то, ради чего Гога неделю висел на телефоне, добывал угощение, эти негодные средства легкого обольщения, а теперь сидел в стороне, смущенный и растерянный, и было видно, как у него муторно на душе, да и у нее тоже. Она мало похожа на грешницу, из которой изгоняли семь бесов, сама как маленький бесенок, в свои двадцать лет не ведает, что творит, беспечно сообщая заезжим шалопаям служебный телефон, а получки еле хватает сводить концы с концами, к тому же надо платить хозяйке за комнату, которую никто не подарит за ее красивые серые глаза.

Оба откровенно обрадовались его вторжению в открытую комнату, в тесный мирок, где молчание стало гнетущим, и сам он не чувствовал себя третьим лишним, узнав, что в автобусе все-таки была она,

только выйти к ним не решилась: они, наверное, ожидали увидеть звездочку «Мосфильма», каких пруд пруди по соседству в санатории «Актер». Говоря так, гостя, конечно же, лукавила, приbedняться ей было ни к чему, выглядела она хоть куда.

И эта душевная апатия неожиданно завела его, стало обидно за неопытную дуреху, которая бесхитростна и доверчива к тем, кто ее мизинца не стоят; она не читала Уолта Уитмена, считавшего, что если что-нибудь священо, то тело людей священо, и сказано это, надо полагать, в первую очередь о женщине; да и знает ли она, выросшая у моря, в белом городе, летнем пристанище преферансистов, валютных путан, кобелей всех мастей, что означает ее имя? Оказалось, знает. И тут он, наперекор ее малопонятному скепсису, неожиданно для себя стал рассказывать историю другой Марины, женщины моря, любившей корнета Елизаветградского гусарского полка Борю Лавренева в одна тысяча шестнадцатом году, в безлунную степную августовскую ночь, когда на кургане прямо пах чебрец и свистел, подглядывая за ними, озерный кулик.

Эту евпаторийскую Песнь Песней он досказал на пляже, пропахшем йодом и рыбой, куда они пошли, спасаясь от духоты номера, который вдруг стал им тесен.

Черное море, то же, что и полвека назад в Евпатории, большое и недоброе, шумело, как приближающийся пассажирский поезд из Адлера. Марина провожала взглядом молодую купальщицу, которая брела вдоль берега, по мокрому песку, надеясь найти оброненное кем-либо дорогое кольцо. Чайки хищно носились над пухнувшей черной водой, азартно рыбака и заходясь в крике, как грудные дети. Незаметно стемнело, и уже не разобрать надписи «Бросай утопающему» на шесте со спасательным кругом. На краю бульвара быстро росли штабели влажных лежаков, с полной нагрузкой работал затаившийся в частокколе масляных магнолий лифт, доставляя наверх люби-

телей танцев и вечернего стакана кефира; и только лысый грузный мужчина, похожий на киношного штурмбанфюрера; в шортах и кедах, весь лоснящийся от пота, как угорелый носился по парку, сбрасывая зимний жирок.

Уходила Марина, заметно повеселевшая, оттаяв душой и унося билет в цирк, который им навязали на пляже. Еще двумя билетами они запаслись днем раньше, не зная, куда деваться от скуки.

Цирковое представление мало отличалось от виденных. Отработав номер, артисты возвращались на арену, куда их вызывал на комплимент инспектор манежа, величественный, как швейцар из пятизвездного отеля. Курортная публика, хорошо пообедав и отдохнув, не скупилась на аплодисменты, но номера не запомнились, как потом он ни напрягал память. Разве что удивил клоун, откровенно работавший под Леонида Енгибарова, чье сердце не выдержало мучительно трудной, каторжной работы, настоящую цену которой знал он один. Его называли клоуном с осенью в сердце, а оно наполнилось безнадежной любовью к королеве трапеции и добротой, переплавленной в золотс аллегорических притч, из которых особо вспомнились пронзительные по горечи слова большого артиста, знавшего оглушительный успех и полосы отчаяния: «Зря, просто так обижать человека не надо. Потому что это опасно. А вдруг он Моцарт?»

Он посмотрел на сидящую рядом Марину, увидел близко вопрошающие глаза, готовый поклясться: только что она плакала невидимыми, облегчающими душу слезами, и позже в антракте, продираясь в толпе, с захваченными с вазочки в буфете двумя последними плитками шоколада, искал глазами ту, к кому его неожиданно властно толкнула грубая темная сила, чего за собой он не подозревал, обычно уравновешенный и сдержанный, одолеваемый внезапным желанием оградить ее от житейской грязи, досадуя на Гогу, который весь вечер ни на шаг от них не отходил.

Он подумал, как она одна будет добираться домой,

и вложил в несмелую ладошку деньги на такси, сущую ерунду, понимая, что своих у нее нет, и оглядываясь на санаторный автобус, откуда сигналили, торопя его.

Подходил к концу срок путевки. Он перестал ездить в процедурную Мацесту, откуда возвращался пропахший серой, как черт, не выходил на утреннюю зарядку к морю, слыша издали энергичные команды девушки-инструктора лечебной физкультуры, не позволяющие застояться, озябнуть, на которые хотелось отозваться, все чаще выбирался в город, в район облюбованного книжного магазина, где на мозаичных плитках платановой аллеи стояла темная вода талого первого снега, и знакомая по прежним сезонам медсестра Жанна сказала ему с ласковым упреком: «Солнышко наше увозите».

Он знал, что им с Гогой и двум приятелям из соседней южной республики устраивают проводы и готовился к ним, растроганный вниманием малознакомых людей. В день отъезда, после полдника, его позвали к телефону. Он шел в комнату администратора, недоумевая, кому мог понадобиться. «Здравствуй, это я, – услышал он в трубке Маринин голос. – Хочу, чтоб ты знал, мне сразу очень не понравился Гога... Хочу тебя увидеть...»

Она первая решила помочь ему по своему разумению, внести ясность в их отношения, обещав напоследок прийти к поезду. Он слушал, понимая, что, как подмечено, все приходит к тому, кто умеет ждать, но слишком поздно, не в срок, и только глупое сердце продолжает надеяться.

Через два часа его поезд, и он навсегда, без чьей-либо помощи избавится от наваждения. Но вслух этого не высказал, под впечатлением разговора налег на водку и армянский коньяк и в конце концов оказался рядом с подавальщицей Лидой, обслуживающей их столик в столовой. Обливаясь слезами, она говорила о начальнике стройуправления из соседней республики: у него на удивление синие глаза, перед ними не устояла ее подруга. По вечерам синеглазый исчезал

с неизменной бутылкой, пока не стал жаловаться боль в сердце – расплата за не в меру потребляем глумливое вино и выстрадавшую бессонную любовь. «А очи черные вас не устраивают?» – спросил он влюбчивой Лиды, которая до этого держалась скрытой монашенкой. «Следующий сезон непременно будет вашим», – успокаивал ее, зареванную. «Чер год я буду старая», – отвечала Лида, тронув его сердце неподдельным женским горем.

Он нежно поцеловал женщину, набив ее руки доминошными обломками шоколада, когда все компанией высыпали во двор, к вызванной из городской машине, на вокзале сразу поднялся в свой вагон уже больше на перрон не выходил, до самого отхода поезда, сидя в купе и машинально отламывая кусочки чебуреков, купленных в ресторане вместе с пивом и купатами, разыгрывая и пугая попутчиков, вал дурака – требовал дать ему проводницу, которую глаза не видел.

Марину он снова увидел только через год на вокзале, возле тбилисского поезда, который она провожала с подругой. Она упрекнула его за то, что сбежал от нее в прошлый раз, сказала, что зимой вышла замуж, держалась с ним очень уверенно, была одета по моде, отчего смотрелась лучше, и, отмечая это, он вспомнил любимого Лорку: «И не стал я в нее влюбляться: она ведь – жена другого».

Очень скоро он потерял Марину в сутолоке при вокзальной площади, а потом встречи с ней не искал, следуя совету великого андалусца, и только много лет спустя случайно узнал, что она прислала письмо, которое уничтожила, не читая, его ревнивая жена.

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

В моей жизни убежденного горожанина почти не было домашних животных, и вовсе не от нелюбви к ним, просто случай не представился. Только в один день все решительно переменилось, когда в подъезде нашего дома мы обнаружили дымчатого котенка. Он тыкался слепой мордочкой в ступеньки и требовал еды, заботы, элементарного внимания. Двух мнений не было – подкидыша взяли на довольствие, напоили натуральным молоком, которое тогда и днем продавали в государственных магазинах. Угощение пришлось ему по вкусу. Он пил молоко, набирался сил, рос не по дням, а по часам, и вымахал в симпатичного взрослого кота с удивительным разрезом глаз, которым можно было только позавидовать, с белыми подпалинами на груди и низу живота, как у красавицы, нежащейся на медицинском пляже. Скоро он почувствовал свою привлекательность, право на внимание и ласку, дремал на коленях у женщин, ворча свою нескончаемую песенку; едва завидев, бросался мне на грудь и взбирался на плечи, бесстрашно поглядывая по сторонам. В эти минуты я невольно вспоминал бесцеремонную студентку журфака, которую вместе с сокурсницами направили на практику в нашу редакцию, коренастую, со сросшимися бровями, сулящими счастье, готовую удивить всех своими репортажами и выйти замуж. Не знаю почему, но на второй день нашего знакомства она посоветовала мне взять котенка, хотя к тому времени я был женат, имел десятилетнего сына и на одиночество не жаловался. До сих пор жалею, что не поставил ее на место. Вот увидела бы меня с Кишем, обрадовалась.

Котенка мы называли Кишем. Без всякой связи с лондоновским героем – вождем индейского племени тлунгетов, удачливым охотником и невезучим в любви.

Безоблачное существование Киша прервал приход

сантехника. Он собирал газовую колонку в кухне трещал горелкой, сваривая водопроводные трубы наследил в квартире едкими карбидными пятнами словом, когда он ушел, Киш пропал. То ли воспользовался открытой дверью, то ли кто-то красавца выкрал. Два дня всем домом сбились с ног, заглядывая в каждый двор и зовя его, придавая голосу самые нежные нотки. Раз забрезжила надежда. Поздно вечером мы с женой, обойдя наш дом, обнаружили Киша или его двойника, сидящего верхом на мусорном баке. Он без угрызений совести смотрел на нас красивыми нахальными глазами, а когда мы осторожно приблизились, прыгнул на землю и побежал в гору ленивой трусцой, свернул во двор ближайшего дома, где влез под автомашину, оттуда под оторванную дверь, что прикрывала широкий лаз подвала, исчез, как сквозь землю провалился, никак не поддаваясь на наши угрозы благоразумно вернуться домой. Очень обидно было участвовать в этих играх, но не мы их начали.

Наутро возобновили поиски, пошли знакомым маршрутом, но с тем же успехом. Я махнул рукой на удачу, вернулся домой, открыл дверь квартиры и остановился как вкопанный. Из-под стола в коридор доносился едва различимый шум, будто включил игрушечный моторчик. Все еще не веря, я позвал и увидел Киша, неторопливо вылезшего из своего добровольного заточения. Он умолчал, как отсижившее двое суток без еды и питья, до смерти напуганный сваркой, а я и не допытывался – поспешил на улицу обрадовать жену. Вконец расстроенная, она шла мне навстречу, вначале даже не поверила, что все обошлось благополучно.

Киш зажил обычной кошачьей жизнью, пленяя наших знакомых красотой и врожденной грацией. Зимой, правда, приболел, да так серьезно, что пришлось показать его в районной ветлечебнице. По дороге нас останавливали дети: «Подарите котика!» а как подарить, когда сами к нему привязались. Ветлечебница оказалась на замке, и, судя по всему, уже

давно. Решили идти в другую – соседнего района. Там повезло: дождался ветеринара, молодого парня. Он осмотрел Киша, надавил на спинку. Киш жалобно пискнул. Ветеринар говорит: все ясно, у вашего кота начинается воспаление легких, но мы его вылечим. И вылечил – вколол антибиотик, кот наш ожил, бегает по дому, греется в коридоре, в проеме форточки, на весеннем солнышке, задирая соседского кота, черного как сатана, который намного старше его и не в восторге от нарушителя границы. Но Киш не думает уступать место под солнцем, дерется, как прирожденный боец, осыпая недруга градом чувствительных ударов в ближнем бою.

Это солнце его погубило. С наступлением весны Киша перевели в мою комнату, где он не только спал ночью, но и развлекался в дневное время, прыгая на книжные полки, часто срываясь с их полированной поверхности, и, как гимнаст, подтягивая свое пушистое туловище.

Окна на улицу были открыты. Разогревшись на солнце, Киш начал поглядывать на молодых кошечек, которые откровенно строили ему глазки. Как-то раз не выдержал искушения, махнул по карнизу на волю, только его и видели.

Говорят, с котами обыкновенно так бывает: поживут в доме и уходят, обычно весной.

Пожаловался я соседу на нашего кота, а он в свою очередь огорошил признанием. Это он подкинул котенка в наш подъезд, знал, не оставим без внимания. Так и было, наверно. Соседа кошка – вылитый Киш. Сестра его, сразу видно. Та же масть и бесстрашно задирает собак, ходит живым укором перед глазами.

Зазубрины на книжных полках от Кишиных когтей я не замазал лаком, оставил как есть.

Стоят, как прежде, за стеклами умные книги. Есть среди них – и о любви, от Данте до Бунина, которые много писали об этом великом чувстве, крепком, как смерть, но так и не исчерпали его до конца.

«НЕ ПЛАЧЬТЕ ОБО МНЕ ...»

Это было в те далекие годы, вспоминал мой друг детства, писатель и киносценарист Леван Челидзе чудесных мечтаний, перелицованных пальто и трофейных бельгийских браунингов, чаще всего неисправных, которые запросто можно было купить на Руставели или Плехановском за двести-триста-четыре рубля старыми деньгами, а потом перепродать вдвое или втрое дешевле или обменять на туфли, на джемпер, на сверхмодный галстук с изображением голой девицы верхом на саксофоне, на настоящий футбольный мяч – «камера-оболочка», и когда каждый из компании имел свою кличку, прилипающую к нему на целые десятилетия.

И вот я в который раз прихожу к подъезду старинного дома, на фасаде которого надпись на мраморе «Здесь жил один из основателей грузинского советского театра, большой художник, режиссер, народный артист Грузинской ССР Константин (Котэ) Александрович Марджанишвили (1872-1933)». Не без волнения нажимаю на кнопку звонка.

- Баба Леля, пришел Арсен Еремян, друг семейства, - объявляет Леван, открывая дверь квартиры, в которой он живет вместе со старшим братом Константином и двумя бабушками. С бабой Лелей, Еленой Михайловной, у нас особо теплые отношения. Наши родители дружили домами и семьями. Ее отца Микако Вачнадзе, статного генерала, я обнаружил на семейной фотографии среди бомонда на свадьбе моего дяди в Манглиси. Много лет спустя, учитывая особые заслуги генерала Вачнадзе перед отечеством, советская власть оставила ему недвижимое имущество, включая квартиру, куда я теперь пришел. «Ваша фамилия гремела в Тифлисе и Баку», - говорит она с нескрываемым уважением, возвращая меня невольничьи времена тифлисских дардиманов, беззаботных кутил, которые уходили из этого бренного мира, и

взяв с собой ничего, кроме разбитого сердца.

Кстати, о делах сердечных. Кузина бабы Лели – Елена Иосифовна Донаури-Марджанишвили, была замужем за Константином Александровичем, перешла с российской сцены в Театр имени Руставели и работала в нем в 1921-1926 годах, удостоилась звания народной артистки Грузии. Свой сценический псевдоним передала дочери, Ирине Львовне, заслуженной артистке республики, красавице с серо-голубыми глазами, матери моих школьных друзей Котика и Левана. Помогло ли семье столь близкое родство с реформатором грузинского театра? Скорее наоборот, мешало. Марджанишвили, к счастью, не был репрессирован, стерт в лагерную пыль, как многие его друзья и сподвижники. Он умер в 1933-м, внезапно, на руках Серго Челидзе – самого любимого ученика и помощника в последние годы в Руставелевском театре и своего зятя. Парадокс, но Ирине Львовне, которая была на ведущих ролях у себя в театре, имела хорошую прессу, в Театре имени Марджанишвили места так и не нашлось, и она переживала по этому поводу. Когда супруги Челидзе уходили по вечерам в театр, глаз невозможно было отвести от этой удивительно красивой пары.

В их мемориальной квартире, кажется, все напоминало о Константине Александровиче. И хотя в ней сохранились одни фотографии, все остальное Елена Иосифовна передала в Дом-музей К. Марджанишвили в Кварели, образ великого режиссера оживал в рассказах сестер Вачнадзе о знаменитых его спектаклях «Фуэнте Овехуна», «Уриэль Акоста», «Гамлет», работах Петрэ Оцхели и Ираклия Гамрекели в театрах имени Руставели и Марджанишвили, в неопалимом свете доброты, которую, казалось, излучали сами стены комнат с редкими изданиями Шекспира, Сервантеса, Руставели, Рабле, Лопе де Вега, фотографиями-раритетами корифеев сцены, в найденном мною списке малоизвестного (неопубли-

кованного?!) марджанишвилиевского стихотворени
«Не плачьте обо мне...»

Не плачьте обо мне,
Что скоро уходить из мира мне придется,
Душа моя Вам остается,
Любовь моя, что родилась вне тела
И только временно в него вошла.
Не плачьте обо мне...
Я – в утренней заре,
В вечерних сумерках,
В движении вечном ветра,
В грозowych страшных тучах
И в ласковой луне.
Всегда для Вас жить вечной
жизнью буду.
Не плачьте обо мне,
Не умер я!

1911 г. Москва

Эта удивительная аура притягивала сюда в разнь
годы Зураба Церетели, Нодара Думбадзе, Резо Чейи
вили, Заура Болквадзе, друга семьи Елену Николаеву
Гоголеву, Леву Баяхчева, Юру Чикваидзе, Джема
Лолуа, Вахтанга Кикабидзе, жившего по соседству
В доме – кольца, штанга, гантели. Это тоже традици
потребность основательного тренинга для художн
ков, которым нужны большие физические силы, чт
бы реализовать задуманное. Здесь с детства дружил
со спортом. Братья, еще будучи учениками знам
нитой тбилисской 43-ей школы, которую окончили
также Ирина Львовна, занимались в секции бок
клуба МВД у Левана Гудушаури, Георгия Вартанов
Саши Бакрадзе. Леван даже стал чемпионом Тбилис
И если старший брат Котэ, окончивший Академи
художеств по классу Сергея Соломоновича Кобула
зе, впоследствии оформил немало спектаклей, в т
числе и в Грибоедовском театре («Игра без прави
Л. Штейна, 1962), больше жил и работал в Тбилис
то Леван в молодые годы сопровождал родителей
подолгу живя в Кутаиси и Сухуми.

Серго Челидзе в 1938 году назначили главным режиссером и директором Сухумского государственного драматического театра, художественным руководителем его грузинской труппы. В театре работали три труппы – грузинская, абхазская, русская, и Челидзе, по сути, руководил тремя театрами, проявив, наряду с режиссерскими навыками, талант администратора-организатора. Ведущие артисты труппы получили сценическое образование в студии Акакия Пагава при Театре имени Руставели. Сам Серго третьего студийного выпуска 1926 года, пришел в коллектив рустанелевцев с Эмануилом Апхаидзе, Георгием Сагарадзе, Гогучей Купрашвили и выдвинулся в число лучших грузинских режиссеров.

Первый спектакль его на сухумской сцене 29 сентября 1938 года – трагедия «Уриель Акоста» Карла Гуккова, осуществленный по плану и монтажу Марджанишвили – свидетельство верности творческим принципам учителя, преемственности. 18 апреля 1943 года он восстановил у рустанелевцев и постановку «Фуэнте Овехуна» – символ народного героизма (до победного конца Великой Отечественной еще далеко), отметив десятую годовщину со дня смерти учителя, и сделал эту работу с совершенно новым актерским составом ярко и любовно, как и на сухумской сцене. Пафос героики, тема верности человека своему народу, воинскому долгу, столкновения сильных характеров отличают и другие челидзеvские спектакли в Театре имени Руставели в бытность его (1944-1948) режиссером-постановщиком – драматическую поэму «Хевисбери Гоча» С. Шаншиашвили, в основу которой положена одноименная повесть А. Казбеги, его историческую драму «Царица Кетеван», пьесу «Победители» Б. Чирскова... И все это на фоне грандиозной эпопеи.

В середине 60-х Серго Челидзе руководил грузинским ТЮЗом, где работала его супруга. Мое общение с народным артистом приходится на 1962-1964 и 1967-1970-е годы, когда Сергей Филиппович был

главным режиссером Грибоедовского театра, поставил «Преступление и наказание» Ф. Достоевского «Трамвай «Желание» Т. Уильямса, «Криминальное танго» Э. Раннета, «Во дворе злая собака» К. Буачидзе и многое другое.

Я приходил к нему на квартиру в начале улиц Махарадзе обычно вечером, это было перед открытием сезона или накануне премьеры. Несмотря на поздний час, уютно светила лампа на письменном столе, раскрытые на нужной странице книги и рабочие наброски говорили о напряженной режиссерской мысли человека, который свято следовал девизу учителя: сначала театр, а потом все остальное.

Главный наш разговор с хозяином дома, свидетелем и участником самых значительных явлений нового грузинского театра, так и не состоялся. Много осталось недоговоренным, нераскрытым за однодневными запросами газеты. Каждый раз я утешал себя возможностью новой встречи, нового разговора. И потом этой возможности не стало. Я сидел за письменным столом в день похорон Сергея Филипповича и слушал Додо Алексидзе, тогдашнего председателя Театрального общества Грузии. Его взволнованный монолог – признание большого вклада супругов Чилидзе в развитие отечественного театра. Димитри Александрович вспомнил реплику недоброжелателя (как сказал Д'Аламбер, только посредственность имеет врагов), мол, не мудрено оставаться на хорошем счету в театре, будучи зятем Марджанишвили. И достойный ответ Сергея Филипповича: «Но не за как долго он согласился бы выдать замуж свою дочь».

Они только начали встречаться, но уже подумывали о свадьбе. Константин Александрович, узнав новость, посадил Ирину и Серго в фаэтон с откинутым верхом и прокатил по центру старого многобашенного Тифлиса. Дескать, вот мои дети, они любят друг друга. Медленно катился фаэтон на мягких шинах по Дворцовой улице, Головинскому проспекту по Ольгинской... Люди смотрели на эту «тамаша

блистательную постановку под открытым небом, и темпераментно по-тбилиски приветствовали их.

ДВЕНАДЦАТЬ РАЗГНЕВАННЫХ МУЖЧИН

«Каждый художник мечтает написать свою Джоконду, каждый шахматист – сыграть свою «бессмертную партию». Так писал мой друг Эдуард Гуфельд, известный гроссмейстер и шахматный литератор. Думал ли он в октябре 1973 года, отправляясь на очередной тур полуфинала 41-го чемпионата СССР в Кировабаде, что встреча с Владимиром Багировым станет его «звездным часом», а сыгранная партия будет сто раз опубликована в шахматных изданиях всего мира – его Джоконда принесла ему имя Эдуардо да Винчи!

Мало кто из шахматистов может похвалиться таким шедевром, о котором будут помнить всегда. Тем более я, бросивший шахматы еще в студенческие годы, чем обгорчил своего наставника международного гроссмейстера по шахматной композиции Иосифа Крихели. Но память часто возвращает меня к партии, участником которой я являлся, благо сыграна она была четырем годами раньше «бессмертной» Гуфельда. Возвращает к другой незаурядной личности, к выдающемуся львовскому гроссмейстеру Леониду Штейну, ушедшему из жизни в расцвете творческих сил, реального претендента на титул короля шахмат. «Смерть похоронила здесь блестящее дарование и столь же блестящие надежды», – скажем, вспомнив эпитафию на могиле Франца Шуберта, и будем правы. С этим человеком, не будет преувеличением сказать, гением шахмат, сами того не подозревая, мы играли шахматную партию, первую и последнюю. Впрочем, расскажу по порядку.

Давным-давно, а именно сорок лет назад. Согласи-

тесь, отрезок времени малый по сравнению с вечью. Каждую неделю в урочный час в редакционном кабинете отдела республиканской информации спорта раздавался телефонный звонок, и я уже гвык к бодрому голосу своего украинского колл Володи Голубева: «Здравствуйте, вас приветсте Киев!»

Приветствовал он нас по прозаической приче оба мы были капитанами команд двух республикких газет – «Заря Востока» и «Правда Украины», пложивших читателям сыграть заочный Матч друж. Такие шахматные партии были очень популярн период, почему-то называемый сегодня застойн. Но шахматная жизнь была ключом. Играли эки жи теплоходов и атомоходов, научные персон: станций «Северный полюс» и Антарктиды, читат газет и чемпионы мира, увлеченные плодотвор шахматной идеей.

И мы вносили посильную лепту во всеобщ шахматный бум. Ежедневно в редакционной по оказывались десятки открыток с рекомендац читателей, подтверждая истину: шахматам все расты покорны. Писали нам рабочие, колхозни инженеры, педагоги, студенты, учащиеся, науч работники, журналисты. Не писали только бизмены, их тогда сажали в тюрьмы. Из посланий на корреспондентов можно было узнать об их шахматвкусах, о периодичности служебных командировок нас не было секретов друг от друга. Кто-то работал дипломным проектом, готовился к вступительн экзаменам в вуз, собирался жениться и женился, было не легче... По ходу матча, длившегося год, н добровольные помощники повысили свой лич рейтинг, а один – Юрий Гаспаров – даже выпол норму кандидата в мастера.

К середине лета обнаружили, что стороны игр: один из вариантов чигоринской системы испанс партии. Еще через месяц украинская команда хи обошла ловушку, которую мы им готовили, зная

20 сентября 1965 года на Мемориале Капабланки в его родной Гаване наш Ратмир Холмов подловил самого Роберта Фишера, не ставшего еще затворником в Пасадене. Американец играл по телефону со всеми участниками, находясь в Нью-Йорке – госдепартамент отказал ему в выездной визе на Кубу.

Наконец настало время, когда нам наскучило объясняться в дружбе заочно. Стали все чаще подумывать, как бы встретиться. Где это проще всего сделать в декабре? Конечно же, у ласкового моря, где солнце еще не ушло в отпуск и щедро делится своим теплом, как неопытная курортница. Решено – едем в Сочи.

По положению, финал марафонской партии играем на «нейтральном поле», так что действуем согласно правилам. После 26 хода черных, а ими играли украинцы, если пользоваться шахматной терминологией, партия была отложена, и судьбу ее следовало решить пятерым лучшим участникам обеих команд.

Скоро поезд Тбилиси-Сочи мчал нас к месту назначения. Мимо окон проплывали отдыхающие пашни и сады, станционные постройки и полустанки, а ко мне прицепилась песенка: «Мы едем, едем, едем в далекие края...» с задорным детским припевом: «Тра-та-та, тра-та-та, мы везем с собой кота...» Песенка пришла к нам из кинофильма 30-х годов «Концерт Бетховена». В фильме резвился и пел, попадал в смешные положения и играл скрипичный концерт Бетховена Тайманов. Еще не знаменитый шахматный гроссмейстер, претендент на мировое первенство, а десятилетний Марик Тайманов. Его выбрали на эту роль за необычайно артистическую внешность: выразительное лицо, умные глаза, копну волнистых волос, а, главное, за музыкальный талант. Сценарий фильма требовал, чтобы мальчик играл на скрипке, а Тайманов мечтал стать известным пианистом. Среди юных скрипачей не нашлось, хоть днем с огнем ищи, мальчика с такими ярко выраженными способностями, как у Марика. И ему предложили: научись играть на скрипке – получишь эту роль! Пожалуйста, пожал пле-

чами мальчик и научился. Да так сыграл первую часть труднейшего для исполнения бетховенского концерта, что долго казалось невероятным, почему после этого он полностью не переключился на скрипку.

Как оказались бы сейчас кстати ваши советы, М. Евгеньевич!

В грузинской команде – кандидаты в мастера спорта – главный инженер Тбилисского отдела Ц «Союзпроммеханизация» Юрий Ветохин и его товарищ Гаспаров из МВД; перворазрядники – преподаватель машиностроительного техникума Тамаз Сихарули, инженер зеставонского завода «Грузкабель» Георгий Порчхидзе и девятиклассник из Сухуми Котэ Джугуа. По стук колес команда, не мешкая, приступила к делу – анализу партии. Душой его, как и следовало ожидать, стал наш арбитр матча мастер спорта Юрий Чиковани. Князь Чиковани, помимо принадлежности к знатному роду, воспитанник знаменитой шахматной школы Республиканского Дворца пионеров, заслуженного тренера СССР Вахтанга Карселадзе, один из самых любимых его учеников. Двумя годами раньше он защищал шахматную честь Грузии на Спартак-аде народов СССР, сыграл отменно, став вторым на четвертой доске и опередив именитых турнирных бойцов. Поэтому не очень удивился, когда трехкратный чемпион страны Леонид Штейн, от зоркого глаза которого не ускользали подвиги чемпиона Тбилиси, пригласил его на межзональный турнир 1967 года в качестве своего тренера.

События в тунисском городе Сусе вошли в историю как скандальным выходом из турнира его единоличного лидера Фишера и удивительными метаморфозами Штейна в течение всего соревнования. Первые победы в больших и малых турнирах, легкость и красота собственной игры сослужили медвежью услугу львонину, породили в выдающемся гроссмейстере чувства собственной неуязвимости и отсутствие «иммунитета» к поражениям. Свой приезд в Тунис он рассматривал

как легкий завтрак перед обедом. Первый удар судьбы он испытал, проиграв в шестом туре Фишеру. Второе поражение от Властимила Горта (отложив партию в выигрышном положении!) лишило его самообладания и душевного покоя. Один из явных фаворитов в итоге разделил 6-8 места, а потом в тройном матче уступил Решевскому и шестое, «выходящее» место в турнир претендентов на мировое первенство.

Эта череда разочарований и потерь оставила страшный след на сердечной мышце Штейна.

Но вернемся к нашей партии. Непродолжительный анализ в купе подтвердил, что едем в Сочи на щите. Черные незаметно оказались в положении защищающейся стороны, и теперь от них требовалась осторожность. Эта уверенность и извлеченные из сумки припасы, не только шахматные, привели команду в отличное настроение. За окнами густела черноморская ночь, и бодрствующий, как и мы, проводник уже справлялся о причине нашей радости. Во избежание осложнений и намечавшегося прихода начальника поезда отправляем остатки ужина и опорожненную стеклотару в открытое окно.

Наутро в редакции сочинской газеты «Черноморская здравница» встреча с соперниками. Украинцы выглядят солидно: тренер общества «Авангард» из города Хмельницкий кандидат в мастера А. Ульский, перворазрядники – пилот гражданской авиации из Чернигова А. Волков, экономист Староженецкого райпотребсоюза Черновицкой области Д. Гнатюк, агроном отделения «Сельхозтехники» Киевской области И. Мирошниченко. Несколько подпортил общий рейтинг начальник цеха Харьковского кирпичного завода В. Решта, который ввиду большой занятости на производстве оказался обладателем 3-го разряда. Но это упущение с лихвой возмещал украинский арбитр матча Леонид Штейн. И я был рад видеть, как он с Юрой Чиковани уже через несколько минут дружески беседовали о чем-то своем. Надо ли говорить, что после драмы в Тунисе отношения недавних друзей оста-

вались прохладными. В редакции успеваю спросить у Штейна, как это он, один из сильнейших шахматистов мира, занимался разбором редакционной почты и подготовкой материалов. Мой собеседник широко улыбнулся и добродушно ответил: «Вот объясните это им», – кивнув в сторону своей команды.

Доигрывание проходило вечером в одном из старейших зданий – санатории имени Мориса Тореза. Участники заняли столики в противоположных концах зала, который неторопливо мерили шагами оба арбитра, увлеченные дружеской беседой. Володя Голубев, благоразумно державшийся вблизи нашего столика, услышав реплику из неприятельского лагеря, отозвал меня в сторону. «Старик, – говорит, волнуясь, – ты понимаешь, что такие партии должны заканчиваться вничью. Иначе, что я скажу в ЦК партии Украины?»

Я спешу его заверить, что победит дружба. Развязка получилась прекомичная. Уехав за билетами на железнодорожный вокзал, по возвращении обнаруживаю опустевшее поле боя. «На 37-м ходу согласились на ничью», – огорченно сказали земляки. Доигрывание проходило в санаторном клубе, где курортники с утра настроились на танцы, обещанные программой культурного отдыха. Их доводам трудно было что-либо противопоставить командам Грузии и Украины, и танцоры победили шахматистов.

Вот тогда я убедился, что в городе Сочи темные ночи и вечера тоже.

Окончание матча отметили товарищеским ужином в ресторане.

Мы уезжали из Сочи, не зная, что видим в последний раз гроссмейстера Штейна. Партия эта вскоре была опубликована в газете «Заря Востока» и всесоюзном шахматном еженедельнике «64» с комментариями экс-чемпиона мира Михаила Таля, разделившим 1-2 места на международном турнире в Тбилиси, и с моим письмом.

4 июля 1973 года члены сборной СССР напрасно

ждали на аэродроме Леонида Штейна, который после командного чемпионата Европы в Англии должен был отправиться на межзональный турнир в Петрополисе, древней резиденции бразильских королей, и ехал с намерением победить. В гостинице «Россия» он почувствовал боль в сердце... Усилия врачей не помогли.

НАМ ТАНКОВ НЕ ДАВАЛИ

Бытует мнение, что евреи не воевали, в высшей степени несправедливое. Озорной ресторанный припев «Три танкиста, Хаим пулеметчик – экипаж машины боевой» подпольного баритонального тенора Аркадия Северного для меня ближе к правде, чем эта шутка. Два еврея в поезде громко обсуждают свои торговые дела. Их слушает русский, наконец не выдерживает: «перестаньте, сколько можно». Один из евреев: «Когда вы воевали, мы вам не мешали».

Слушая эти байки, я вспоминаю моего друга журналиста Семена Свердлина, любившего повторять, что получил престижное образование. До войны он окончил стекольный техникум в Ленинграде. Это ему не мешало писать лучшие в нашей газете очерки и фельетоны. За внешней строгостью и колкостью мастера скрывалась легкоранимая душа ребенка, благодарно отзываясь на малейшее проявление добра, на наш пароль из симоновской «Корреспондентской застольной»: «Там, где мы бывали, нам танков не давали, репортер погибнет – не беда».

В крутогрудой гостинице «Тбилиси», у знакомого буфетчика можно было взять бутылку – другую «Оджалешки». Неспешно потягивая терпкое вино, Семен вспоминал, как нес пшено матери в блокадный Ленинград, как проскочил по льду Ладоги в кузове попутной машины «ЗИС-5», устроившись на снаряжных ящиках. Волооча простреленную, плохо залеченную ногу, шел

темными, пустынными улицами вдоль заснеженные трамвайных путей – трамваи не ходили, – стараясь не замечать зыбкие тени, трудно волокущие непослушные салазки, и торопясь домой, где в ледяной кухне у стынущей буржуйки, ждала его мать. Редкие прохожие безошибочным взглядом голодного человека угадывали, что он несет съестное в заплечном мешке предлагали меняться или продать.

Не зря спешил домой солдат, разведав обстановку мигом слетал в соседний разбомбленный дом, разжился щепками. И пшено оказалось как нельзя кстати: в бедном хозяйстве, заалела крепкими боками печка-спасительница, поспело горячее варево, и смерть близкая как Пулковские высоты, отступила перед долгожданной встречей матери с сыном, поверив, что голыми руками нас не возьмешь.

Герой очаровательной повести Генрика Сенкевича – молодой художник и светский лев, никак не решив кому из трех юных кандидаток вручит свое сердце. Вечером он оказался на берегу Вислы и видит, как у самой его кромки опрокинулась еврейская лодка с яблоками. Все семейство в сборе. Взрослые и молодые девушки, дети растерянно метались на берегу, не в силах чем-либо помочь. Полноводная река, бераскаяния за содеянное, хладнокровно катила темные воды. Пунцовые в лучах заката яблоки кувыркались на легкой волне, и такое безысходное отчаяние было на лицах потерпевших кораблекрушение, что художник отчетливо увидел картину – Евреи на реках Вавилона. «Там сидели мы и плакали, когда вспоминали Сионе». Выставленная в варшавском салоне, картина обеспечила ему известность и успех, особенно у прекрасного пола.

Остряки уверяли, что из десяти заповедей он одоблюбовал одну: не желай себе жены ближнего твоего. Но это будет много позже, а пока, наскоро поговорив с евреями, он начал писать картину прямо на берегу, но скоро остановился, заметив перемену в настроении своих натурщиков: они улыбались сквозь слезы. «Е

реи, горюйте!», - крикнул он нетерпеливо. «А отчего нам горевать? - сказал живописный старик с библейской бородой. - Пусть горюют те, у кого нет работы, а пан художник обещал нам хорошо заплатить».

Увлеченные разговором, мы не сразу замечаем, как к нашему столу подошел гигант в просторной светлой дубленке и с интересом хмельного человека разглядывал бутылку с любимым вином Сталина. Он оказался польским кинорежиссером и пребывал в Тбилиси проездом из Армении. В городских кинотеатрах «Спартак», «Руставели» и «Люксембург» триумфально, как подобает шедевру, шел «Пепел и алмаз» - фильм о трагедии Варшавского восстания. Парень из предместья Мацека Хелмицкий, в темной рубашке и джинсах, в темных очках, со спортивной сумкой за спиной, поступает не по совести - в последний день войны выполняет нелепый приказ и убивает, а в финале картины бьется в предсмертной агонии на городской свалке. Лучшая актерская работа Збигнева Цибульского.

Мы поделились своими впечатлениями с поляком и услышали обескураживающее: «Анджей Вайда псих». Словно пытаясь сгладить резкий отзыв, гигант пояснил: только документальное кино вправе претендовать на истину.

Как-то расхотелось спрашивать о Ежи Кавалеровиче, кого Сергей Параджанов за «Фараон» одарил именной старинной брошью. Может быть, этому своеобразному ордену художника кино суждено стать легендарным емшаном - пучком степной травы из Галицко-Волынской летописи, которую майковский хан Сырчан послал брату хану Отроку - смерть в краю родном милей, чем на чужбине, и поможет Кавалеровичу, поляку по менталитету, культуре и образу жизни - его бабушка была немка, а в жилах матери текла французская кровь - продолжателем старинного галицийского рода Кавалерян по отцовской линии, обратиться к армянской тематике, к истории страны прапраправнука Ноя.

Следуя ходу этих мыслей, я спросил гостя, как он мнения о Ереване. В тот вечер варшавянин не вежливости: «А разве это город?» Какая-то крупная неудача угнетала его, заставляла страдальчески мять лоб. «У меня такое горе, - неожиданно сказал он. - На приеме в Кремле я вышел на середину и стал вот так, - незнакомец выпрямился во весь с богатырский рост, уперев руки в бока, - и спросил что бы вы делали без евреев и армян?»

Этот вечер был щедрым на сюрпризы. Мы начали, пораженные: решиться на такое в Кремле только безумец. Советские танки пока не вошли в хословакию, но не забыты постыдные послевоенные кампании - борьба с «безродными космополитами», дело кремлевских врачей, травля Зощенко, Ахматовой, Пастернака, Гроссмана, когда любой разговор о национальном объявлялся проявлением буржуазного национализма.

Наш поляк совсем сдал. Мы проводили его до тихичного номера, помогли стащить дубленку с плеча. В ту же минуту нас окружили молодые люди в одних черных костюмах и вежливо, но требовательно посоветовали доверить гостя их заботам. Утром интервью в нашей газете мы узнали имя вчерашнего незнакомца. Он в самом деле оказался выдающимся польским кинорежиссером-документалистом. В нашу страну его больше не пускали - помнили про него на правительственном приеме. Хрущев гневался только на художников в Манеже.

С годами разошлись наши с Семеном Владимировичем стежки-дорожки. Меня сманили в республиканскую газету «Заря Востока», он трудился этажом выше - в Грузинском информационном агентстве. Общались урывками на нейтральной площадке третьего этажа, больше занятые своими служебными делами.

«Мы солдаты», - вспомнилась оценка коллеги по каторжному газетному труду. Так оно и было. генеральских погон мы с моим старшим товарищем

не дослужились, хотя в окопах не отсиживались, верой и правдой служа Отечеству. Но начальство далеко и высоко – ему видней.

А он болен, неделями не ходил на работу. В нашу последнюю встречу меня не узнал, спросил отчужденно-растерянно: «Мы разве знакомы?» Будучи увезен семьей на историческую родину, тихо угас на руках дочери.

Остались мне от Семена Свердлина две его книги – «И смех и грех» и «Капитан не спускает флаг» с трогательным обращением: «Дорогому другу, близкому и сердечному, в знак глубокого уважения и благодарности за все что было. А счет будущего откроется надеждами на новые книги – Ваши и мои».

Ушел, оставив надежду – одну на двоих.

ГЛАДИАТОР ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Перед работами Александра Саакова хочется снять шляпу, даже когда ее у вас нет. И обрамить их, повесить на стенку в доме, каждый раз любясь остановленным мгновением, воскликнуть вслед за великим пианистом: «Совершенно замечательно. Bravo!» Все покоряет в этом отзыве: и личная оценка портретируемого, и чрезвычайно высокая аттестация автора знаменитой «Паузы». Я люблю этот шедевр сааковского портретного цикла. Рихтер запечатлен не на концерте, затянутый в строгий фрак, а в редкую минуту отдыха (Сааков сказал мне: «Есть ли другой фотограф, снявший Рихтера в домашней обстановке, в халате?»). И хотя стоит он спиной к роялю, но опирается сильными пальцами о клавиатуру, рассеянно-отрешенно слушая умолкший аккорд, весь в творческом порыве. Как выразительны в египетском повороте головы огромный сократовский лоб, упрямо вздернутый подбородок, стиснутые губы, и как ощу-

щается в кадре присутствие самого Саакова.

Как многие мастера художественной фотографии он пришел в искусство из журналистики. Перешагнул порог редакции молодежной газеты, скоро зарекомендовал себя натурой творческой, с собственным видением мира, находя изюминки даже на съемках в производственной сфере, у станков, за которыми трудились такие же, как он, неизвестные работники. Уже тогда его творчество не укладывалось в заданные стереотипы, в прокрустово ложе соцреализма. Приехавший в Тбилиси один из секретарей Союза журналистов СССР, глядя на созванных в кабинет фоторепортеров, спросил недобро: «Кто из вас Сааков?» – «Я буду», – ответил он, удивленный своей неожиданной популярностью. «За ваши «Лица» заслуживаете обращения не товарищ, а гражданин Сааков». К счастью, на дворе был не тридцатый, а сороковой мой год. А фотографии «Лица, или Ампутированная душа», заслужившей немилость журналистского начальства, выпала счастливая судьба. Лица этих ребят, увиденных на спортивном празднике, коротко остриженных, отученных думать и готовых выполнять любой приказ, продолжают вызывать шок. Снимок удостоен 14 премий различных фотовыставок и вошел в число ста лучших на вернисаже «Европа-70» в Бергамо, оставаясь в центре внимания и в 2000 году в Москве, в выставочном зале журнала «Наше наследие» Российского фонда культуры.

Сотни снимков, самых-самых, за три десятка с лишним лет этого поэта с камерой. Из Москвы выставка отправилась далее – в Литву и Германию. 120 призов – на счету мастера, а он вспоминал пору ученичества своих добрых наставников – выдающихся грузинских художников Елену Ахвледиани и Ладю Гудиашвили. Первая передала ему любовь к старому Тбилиси, вторая – раскрыл секреты композиции и цветового баланса. Судите сами, каким способным учеником оказался, «великих людей, которым всем обязан».

«Черный креп и черная кофта, – удивленно пер-

спросила, – хоронить меня собрался?» А потом, достав требуемое, очаровательно ворчала: «Не фотомодель я. Не понравится мне – отвечать будешь». На следующий день, положив красивую руку на стопку отпечатанных портретов, сказала удовлетворенно: «А ты, оказывается, художник!» Задумалась, а потом решительно подошла к телефону: «Это я, Эличка. Слушай, Жора, у тебя в редакции находка. Держи его крепко».

Так, три с половиной десятка лет назад, с заказанного редакцией газеты «Молодежь Грузии» портрета Елены Ахвледiani к ее персональной выставке, началось знакомство народного художника Грузии и Алика Саакова. Поистине судьбоносное. Наутро следующего дня, после обнародования портрета, в редакцию позвонила Нина Иосифовна, жена Ладос Гудиашвили: «Попросите Саакова зайти к нам».

К слову сказать, ахвледиаиновские и гудиашвилевские портреты, выполненные с особой любовью и трепетом, были представлены на персональной выставке Александра Саакова в Музее истории Тбилиси «Карвасла» в числе 125 экспонируемых работ, и позже – в Арт-галерее на улице Пурцеладзе. Хотя трудно выделить что-либо из сааковской фотолетописи, этого удивительного эксперимента. «Я всю жизнь экспериментирую», – признавался он. Этот дар экспериментатора-творца был подмечен Ладос Гудиашвили: «Наше совместное сотрудничество в деле развития художественной фотографии благодаря эксперименту достигло интересной фазы. В вашем фототворчестве, в черно-белых и цветных фото вижу огромное мастерство, высокий профессионализм и наличие высокохудожественного вкуса».

Этот безупречный вкус чувствуешь в известном портрете Гудиашвили, в котором с математической точностью, до миллиметра, прочувствована зыбкая граница от дурного вкуса до произведения искусства. А вот оценка самого Ладос: «Высоко одаренный редким художественным вкусом, блестящий знаток и чародей художественной фотографии, наш лю-

бимый друг, чудный и благородный человек, А. Сааков...»

Не менее впечатляет мнение Арама Хачатуряна: «Ваши работы – подлинные произведения искусства. Удивляют масштабность и амплитуда вашего огромного художественного дарования». «Это большая редкость, – отметила одна из основоположниц фоторепортажа Шарлотта Брукс, представлявшая в столице Грузии выставку «200 лет США», – что один человек мог так успешно работать в столь разнообразных жанрах. Фотографии А. Саакова живы и непосредственны, великолепны по цветовому композиционному решению, подкупают своей искренностью».

И это только малая толика признательности и любви к человеку, сказавшему свое слово в искусстве.

«Считай, что я отчитываюсь за тысячелетия» – сказал мне Сааков. А помогал ему Тбилиси, где многое несет отпечаток столетий. Ученик Ахвледи сохранил и показал околдовывающие черты удивительно фотогеничного Тбилиси, море обаяния и чар его домов, улочек, неповторимых типажей ставропольцев – шарманщиков, букинистов, гадалок.

Графика в стиле ретро. Любимый цикл, названный им «Мотивами старого Тбилиси», без которого невозможно представить фотомир Саакова. Как и цикл «Мои современники» – ставшие классикой жанра психологические портреты Святослава Рихтера, Ильи Глазунова, Нино Рамишвили, Андрея Бачиладзе, Элисо Вирсаладзе, Нино Ананишвили. В этих работах можно простаивать часами, потрясенный открытием художника, его излюбленным приемом – смотреть в глаза портретируемого, раскрыть что-то сокровенное, ему одному присущее, спрятанное за семью печатями души, не очень интересуясь, как это сделано оптикой, каким современным техническим приемом. Светографии сняты эти люди – символы XX века в Грузии – друзья Тбилиси и Александра Саакова. К этому ряду относится знаменитый сааковский портрет

Владимира Высоцкого – многократно увеличенный, он был выставлен в Театре на Таганке в траурные дни прощания с поэтом.

К какой бы теме ни обращался фотохудожник, у него на памяти было любимое изречение Сенеки: «Гладиатор принимает решение на арене». И для самого Александра – Алика, как знали его повсюду, каждый выход на натуру старого Тбилиси, каждая творческая командировка – был вечный бой, где на принятие решения порой отводится мгновение, прежде чем он нажмет на кнопку затвора узкоплечного фотоаппарата. Иные кадры он терпеливо караулил часами, потому они так впечатляют, как, к примеру, этот трогательный старый дворник, засмотревшийся на обнаженную красавицу, да так, что вот-вот свалится с его седой головы широкая кепка-аэродром. «Ты разрушил согласие в моем доме, – сокрушенно скажет он фотожурналисту, – после твоего снимка жена поломала метлу на моей спине». До полного крушения семейного очага не дошло. И снимок пользуется большим успехом.

Не менее выразителен сюжет «Перекур», с тремя тбилисскими банщиками. Завернувшись в простыни, как римские патриции, жадно затягиваются сигаретой, каждый наедине со своими думами. Вот отдохнут минуту-другую и пойдут работать, гулко стуча деревянными сандалиями по кафельным плиткам. Кстати, эта окаменевшая музыка легко узнаваема в работах Александра. Мало кому известно, что он музыкант-ударник из первого состава «Орэра». А как же музыка, спросите? У знакомого литератора и журналиста я прочитал, как возвращался Алик поздно вечером домой, увидел двух незнакомых парней, обижавших девушку, его соседку. Она оглянулась, взглядом моля о помощи. Он бросился выручать. И вот – сломанная кисть. Прощайте, мечты о музыке. Красиво. И очень по-тбилиски. «Но ничего этого не было», – говорил с улыбкой Алик, и в жизни, и в творчестве больше всего ценя правду. А правда – травма в результате

автоаварии. «Меня всегда тянуло туда, где звучат современные ритмы. Мне нравятся люди, вбирающие в себя динамизм современной жизни, неотделим от нее своим стремлением выразить движение. Я знал, как смогу делать это, и после долгих раздумий выбрал фотокамеру».

Стремление запечатлеть динамизм жизни привело его в спорт, в экстремальный спорт, ходить далеко не пришлось – динамовский стадион был рядом с домом. Он постигал секреты плавания брассом, попутно находя привлекательность каждого вида спорта: остроумие футбола, молниеносность бадминтона, прозрачность гимнастики, горячую борьбу, невидимый высочайший вольтаж шахматной партии, мужественность хоккея...

Когда руководство Фотохроники ТАСС доверило новичку съемку хоккейного чемпионата мира-73, вопреки мнению скептиков, вошел в первую пятерку отечественных репортеров, объяснив свои профессиональные успехи: «У нас на Кавказе сильный человек всегда в почете. Наверно, поэтому меня привлекла силовая борьба – противоборство мускулов, воля!»

Так говорил Александр Сааков, чьи снимки жили и пользуются успехом на выставках, как тысячи других его героев, шагнувших за пределы Грузии. Как девять сааковских шедевров, включенных в постоянную экспозицию Музея фотографии в Бьевре, под Париж – портреты Елены Ахвледиани, Ладоса Гудиаши, Нино Рамишвили, Святослава Рихтера, Арама Хачатуряна, Ноны Гаприндашвили, Элисо Вирсаладзе, гроссмейстеров (Тайманов, Таль, Полугаевский) и цветное фото старого Тбилиси.

Мы беседовали, сидя в крохотной квартирке Александра. Событие четвертьвековой давности было отражено в альбоме газетных публикаций об Александре Саакове, в творчестве которого прослеживался новый этап – натюрморты сюрреалистического цикла «Лоскутная», увлеченная работа с цветом, загадки которой

он решал, изучая Данте.

«Кто автор этой статьи?» – спросили мы одновременно и дружно рассмеялись. Оказалось, я сам.

В последнее время все меньше оставалось поводов для веселья, смеха. Он стойко, до поры до времени, переносил удары судьбы. Спокойно, без надрыва рассказывал, как во время съемки соскользнул с парапета смотровой площадки облюбованной им Метехской скалы отложенный дорогостоящий его «Никон», кувыркнулся в Куру вниз. Это был удар для Алика, которого жизнь не баловала подарками. Не мирясь с потерей, он даже нанял водолазов, которые, увы, возвращались с пустыми руками. Крушение устоев в неузнаваемо изменившемся обществе стало и его личной драмой. Его шедевры оказались ненужными на конкурсах журналистов, в редакциях газет и журналов, куда пришли новые люди со своими критериями и оценками. Гордый по натуре, он какое-то время занялся поденщиной – обучал ремеслу обладателей цифровых камер, открывал им глаза на мир. Радость встречи с прекрасным черпал у друзей, возле книжных полок, примостившись в уголке, уверенно находя любимые строки Данте, Блока, Гейне, Надсона, Апухтина, Мозма. А потом надолго исчезал, вел уединенный образ жизни, не отвечая на телефонные звонки, оставаясь наедине со своей грозной болезнью...

С его неожиданным уходом из жизни, как это, к сожалению, бывает не раз, появились наследники, претендующие на открытие его персональной выставки и даже студии, передачи архива в музей. Это запоздалое внимание к личности большого мастера напомнило мне заключительные строки из превосходной книги Эраста Кузнецова «Пиросмани», слова виноторговца Месхишвили: «Где вы были тогда? Если он был великий – почему на него не обратили внимания? Где были ваши глаза?!»

ЭТИ ДВАДЦАТЬ МИНУТ

Не вернуть время вспять и жертвы домой живы и невредимыми – с роковой отметки в русле главной улицы Тбилиси.

У этого лобного места страшная судьба, как у каинского села Архилоскало.

Почерк палачей с веками не меняется. Физически нравственный урод из четырнадцатого века Тимур-лех повелел своим всадникам потоптать конями и раздавить бревнами уцелевших от погрома детей и на чудовищном гумне поставил шатер, где пировал с верными ево военачальниками.

Построенная в память убиенных младенцев Кабаганская церковь Святого Георгия не избежала участи соседних церквей – была взорвана и растащена последним камнем. Власть безбожников подняла на месте помпезные дворцы послушных наместников недостойных правительств.

Слица земли были стерты находившиеся за оградой Военного собора могилы капитанов Зандукели и Тунишвили и их соратников – жертв февраля 1921 года.

Трагедия 9 апреля 1989 года – из этого ряда, неходящая наша боль.

Годы отделяют нас от черного утра расправы агонизирующей власти со своим народом, но не просыхают слез глаза матерей. Полыхают многоцветьем костров, печально колеблется пламя свечей, в упругом весеннем воздухе плывет поминальный звон несмолемых колоколов.

Центр города, его гордость и краса.

Вся наша жизнь связана с проспектом Руставели, раскрыта ему. Мы спасались от летнего зноя в прохладных аллеях, гуляя не такими парижакими, обыкновенными городскими ребятами, выгладив единственную ковбойку, шли на свидание с девушкой.

А потом гуляли с детьми и внуками мимо перешколы-гимназии, где впервые прочитали слово «родин

и поняли, что за нее отдают свободу и жизнь.

Здесь в День физкультурника проводились этапы эстафеты, и мы узнавали в лицо чемпионов и не подозревали, что на асфальтовой глади проспекта когда-либо состоятся поединки со смертью, в которых намеченная жертва бежит из последних сил, не надеясь на подмену и слыша за спиной топот солдатских ботинок преследователей с тяжелыми, как булыжник, пехотными лопатками в руках.

Но это было, было... 9 Апреля.

Днем раньше на многострадальном проспекте провели сатанинскую акцию устрашения. Перед участниками массовой многодневной голодовки прошли боевые машины пехоты. В воздухе, как вспугнутое воронье, носились боевые вертолеты, почуявшие знак беды. По замыслу командиров их грохот должен был заставить малодушных прижаться к земле, покориться злой воле кучки людей, присвоивших себе право принимать незаконные решения, в которых потом не найдут здравого смысла.

Административно-командная власть, как промотавшийся игрок, примется собирать силы, вооруженные силы по всей стране. И в считанные часы они тысячами начнут прибывать в Тбилиси, эти обученные усмирять омовцы и десантники, чья часть месяц назад вышла из Афганистана, куда их тоже не звали. Они тайно прибывали и размещались на окраинах, готовые к сшибке.

Генералы решали, как быстрее провести армейскую операцию против мирного митинга. Все, казалось, они предусмотрели: как перекрыть артерии ближних улиц, выхватить из толпы и захватить отдельные группы людей, как будто речь шла не о советском городе, а о захвате вражеской территории, но главного не учли – подобно звонким весенним ручьям, уже наполнилось, наливалось силой национально-освободительное движение. И эта широкая полноводная река была готова снести нечисть и ложь, фарисейство и произвол.

Узнав, что голодающей на проспекте молодежи угрожает опасность, тысячи людей, отказавшись от привыч-

ки повиновения и синдрома вечного страха, в единс порыве устремились на площадь со священными д грузин именами – Сакартвело, Руставели, Илья.

Теперь это была неодолимая сила.

За ней следили из окон своих огромных кабинет высшие чиновники власти, всем ходом истории оказ шейся банкротом. Не понимая, что происходит там, циклопическими бронзовыми телами рабочего и колх ницы, лживых символов эпохи, они всматривались бл зорукими глазами в темноту, но видели лишь отдельн лица, освещенные зыбким пламенем свечей...

Над площадью взорвалась песня – громкая, жизн утверждающая.

И в минуту смертельной опасности грузины остави верны своему характеру – за десять минут до кровоп литного побоища пела и танцевала вся площадь.

Первыми показались бронетранспортеры. За ним шли солдаты...

Разум отказывается понимать логику дальнейш событий, и только лихорадочно пульсирующие строч таймера документального фильма и шокирующие фо снимки свидетельствуют о преступной акции.

Армейская операция заняла двадцать минут.

На осиротелом проспекте остались убитые и ран ные. Перевернутые телефонные будки, разбитые вит ны, раздавленные женские туфельки и сумки – сле чудовищного парада смерти.

Можно пытаться фальсифицировать события, р бить камеру кинооператора, засветить пленку фотока респондента. Рискуя жизнью, эти смельчаки работа на проспекте. Солдаты гонялись за ними с особи остервенением.

Но невозможно скрыть правду, стереть народн память. И мы помним. И всегда будем помнить эт скорбный апрельский день – символ национально- вободительного движения, восстановления грузинск государственности.

День единения Грузии.

II СВЕТЛОЕ ИМЯ

«КРЕЙСЕР» СПУСТИЛСЯ С ГОР

Сентябрьским вечером сорок первого сидели в палатке курсанты-защитники Москвы Шалико Жоржоллиани, Бокучава, Шарашенидзе, Ираклий Цицишвили (тот самый, будущий Герой Советского Союза), Гиви Чачхиани... И негромко пели «Цицинателя», «Сулико». Шел мимо комбат Гончаров, замедлил шаг – очень пришлось по душе ему песня грузин. Через пару часов вызывает к себе одного из «артистов». Удивились курсанты и ничего хорошего не ожидали от этого вызова. Строг был майор, одно его имя вызывало трепет. Но делать нечего, пришел Леван к командиру и докладывает: «Курсант Гудушаури по вашему вызову прибыл». И узнал, что ему поручается подготовить грузинский хор к концерту художественной самодеятельности. Приказ в армии не обсуждается – стали выполнять. Собрали после занятий двадцать земляков, тех, у кого был голос и у кого его не было. Нашлись и хорошие танцоры Гугули Мгалоблишвили, Миша Натидзе. Леван составил программу. Из Москвы привезли грузинские национальные костюмы и приступили к репетициям.

Сам Леван в 1941 году закончил с отличием институт по специальности «инженер-архитектор» и с первых дней войны оказался в действующей армии,

в маскировочной роте – на подступах к Москве маскировали окопы и траншеи. Находил минуты для кратких записей в дневнике. Вот одна из них. «С ночи до пяти утра продолжали маскировку окопов. 5.30 – завтрак. Никогда прежде не испытывал такой сладости от сна». «24 августа. Впервые испытал такой мороз за время службы в армии. Всю ночь простоял в посту под проливным дождем. Сменил мокрую одежду и тотчас отправился в палатку спать. Вошел в палатку и что я вижу: и моя постель была мокрой. В конце концов пришлось лечь в мокрой одежде. В два часа ночи из-за невыносимого холода вынужден был встать. Вышел в поле и до утра провел время в беге быстрой ходьбе». «16 сентября. В семь утра проходили практические занятия по маскировке. Руководитель разбил слушателей на группы и фамилию каждого записал в книжечку. Когда подошла очередь Левана спросил: «Боксер Гудушаури не родственником в приходится?» Леван засмеялся и ответил: «Так точно родственник» – «Почему смеетесь?» – «Он самый есть», – вмешался в разговор Гиви Чачхиани. «Ну что ли? Вы ведь чемпион. Я видел ваш бой с Беляевым Молодец!»

Через три дня вечер-концерт. Принимали их горячо в зале немало грузин из числа курсантов и преподавателей Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева. Еще одно отделение отвели под выступления спортсменов, в том числе боксеров. Руководил боксерами чемпион Саратова Маслов. Объявили две пары, а Левана Маслова пары не нашли. Как узнали об этом земляки стали уговаривать Левана выступить. Подошел Маслов и спрашивает: «Ты знаком с боксом?» – «Нет, занимаюсь когда-то, а товарищи решили, что я боксер». Маслов говорит: «Не беда. Если хоть немного умеешь – выход. Обещаю сильно не бить». После этих слов Леван просто не мог не выступить. Гиви Чачхиани сбегал в палатку, взял спортивную форму и перевязочными бинтами, плотно бинтовать кисти рук. Через несколько минут боксеры были готовы к бою. Судья объявил: «На ринг!»

многократный чемпион Грузии и Закавказья, чемпион СССР 1940 года по второй группе Гудушаури и чемпион Саратова Маслов». Услышал объявление Маслов – смутился, но с ринга не сбежишь. Начался бой. Маслов бегаёт по рингу, на сближение не идет. Потом осмелел – провел несколько серий ударов по перчаткам и получил встречный прямой. Маслов на полу. Поднялся и пропустил новый сильный удар. Снова пол ушел из-под ног. В это время в зале раздался истошный женский крик: «Не бей его так сильно!» Зрители засмеялись, а судья вызвал боксеров на середину ринга и сказал: «Товарищи, вы видите преимущество Гудушаури, его опыт и мастерство, потому я останавливаю бой и объявляю его победу ввиду явного преимущества». Ребята бросились поздравлять Левана, со смехом вспоминают слова Маслова: «Обещаю сильно не бить».

Вот так, в прифронтовой полосе Москвы, довелось Левану снова надеть боевые боксерские перчатки, вспомнить этот вид спорта настоящих мужчин, что вошел в его плоть и кровь, определил место в жизни.

Родился он в 1912 году в селе Сно Казбегского района, в семье крестьянина-бедняка. У Эстате и Софьи Гудушаури было пять сыновей: Васо, Павле, Ираклий, Леван и Арчил. Отец в поисках заработка переехал во Владикавказ с детьми мал мала меньше, определил их в грузинскую пятилетнюю школу, сам трудился чернорабочим на нефтяных промыслах вместе со старшим сыном Васо. Своего дома у них не было, часто съезжали с квартиры, ютились в одной комнатенке. Трудное было время, голодное. Первая мировая война, революция в России, гражданская война...

Эстате с семьей перебрался на ближний хутор. Хозяин оценил его редкую физическую силу и трудолюбие – дал корову и хорошую комнату. Тяжело приходилось всем, не было хлеба, продуктов. К тому времени Павле работал на строительстве ЗАГЭСа, забрал к себе следующего по возрасту брата – Ираклия. Леван ухаживал за лошадьми, состоял кучером при младшем брате хозяина хутора Амирхане, который выращивал

породистых скакунов, принимая участие в бегскачках. Скоро, в двадцать седьмом году, Леван вместе со своими братьями перебрался в Тбилиси. Как и сверстники, молодые горцы, потянулся к знанию. Поступил в трудовую школу, а окончив семилетку электротехникум, откуда вышел с дипломом технрадиста, стал работать на радиостанции в Навтлу.

Еще в годы учебы юноша-моховец богатырскотелосложения, с богатым голосом, обратил на себя внимание Котэ Марджанишвили, который только-только переехал в столицу из Кутаиси и готовил постановку по пьесе Эрнста Толлера «Опля, мы живем». По постановке спектакля ему предстояло исполнить два танца – вальс и танго. Одели Левана в подобающий случаекостюм и привели к его кумиру. Руководитель постановки поставил его рядом с Цацой Мамулиа, посмотревобоих и сказал довольный: «Подходящая пара. Иступайте к репетиции». На генеральной КонстасАлександрович сидел в партере, и когда Леван обеими руками поднял в танце партнершу и, лежащую на вытянутой руке, понес в кулисы, сказал: «Молодой Гудушаури». Это его «молодец» было высшей похвалой в театре, и Леван почувствовал себя на седьмом небе. Вечером – премьера. Когда Леван закончил выступление, в зале раздались аплодисменты. Он понял, что они предназначались ему. Танцы он ставил на силовых, как сам их называл, гладиаторских боях. Потому ему и поручили их исполнение.

Театр все больше увлекал. Марджанишвили отлучил талантливого юношу, ввел в худсовет как представителя театральной молодежи. И уже поручал небольшие роли в спектаклях «Отелло», «Уриель Акоста», «Кварк Тутабери», «Иные нынче времена», в которых были заняты Ушанги Чхеидзе, Георгий Шавгулидзе, Шота Гамбашидзе, Васо Годзиашвили. Кинорежиссер Давид Рондели пригласил Левана на главную роль в фильме «Аршаула», состоялись кинопробы, но Марджанишвили на съемки не отпустил.

Леван брал уроки у Ольги Шульгиной, про

сора Тбилисской консерватории, обрабатывал голос – драматический тенор – и педагог предсказывала ему «большое будущее», советовала оставить театр и всецело заняться вокалом.

В 1933 году Марджанишвили пригласили для постановки спектакля в Москву, где он скоропостижно скончался. Марджановский театр в одночасье осиротел, и Леван с головой ушел в учебу.

Но что это мы все о его приобщении к миру искусства?

Уже в тридцатом посещавший секцию бокса товарищ привел Левана в спортзал на крыше Дома профсоюзов, что размещался в гостинице «Тбилиси». Увидев его, тренер велел немедленно одеть тренировочные перчатки и, как говорят боксеры, поработать с товарищем. Так состоялось знакомство с его первым наставником Гургеном Гаспаряном, ставшим другом на всю жизнь. Через два месяца Леван Гудушаури выиграл первенство Тбилиси. Видевший его в матче боксеров Грузия-Армения Георгий Эгнаташвили посоветовал поступить в Закавказский индустриальный институт имени Кирова. Леван – студент строительного факультета по специальности архитектура. И не последняя фигура в вузовской футбольной команде, сильнейшей в Закавказье. Играет вместе с Борисом Пайчадзе, Гайозом Джеджелава, Гвачи Джорбенадзе, Како Каличава, Арчилом Кикнадзе...

Но выбор сделан – в пользу бокса. Отменные физические данные, упорный труд в зале, шлифовка механики движения, доведенная до автоматизма, – поставленный нокаутирующий удар очень скоро выдвигают Левана Гудушаури в ряд самых популярных спортсменов Грузии. Его манера боя больше тяготеет к американскому стилю – атлетическому, атакующему, темповому. Грузинский Джек Дэмпси? К сравнению с абсолютным чемпионом мира 20-х годов, лестному для молодого боксера, все чаще прибегают специалисты.

В марте тридцать седьмого в Тбилиси состоялась матчевая встреча со сборной Ленинграда. Восемь часов

вечера. На улице Бесики, на подходах к клубу имени Дзержинского, море народа. Гудушаури с трудом пробивается к подъезду. Знакомые и незнакомые люди напутствуют его перед боем: «Смотри, не подкачай! Он в ответ плечами пожимает: бокс непредсказуем, один сильный удар может решить исход поединка. Он так обещает постараться. Ему последним выходить в ринг. С самого начала намечает тактический рисунок боя – ставку на сильный удар. Первый раунд выигрывает без труда, навязав Морозову быстрый темп и атаки сериями. Во втором – противник больше вязался, избегая боя. На последней минуте раунда бьет голову и рассекает Леванову бровь. В перерыве над бровью колдуют врачи и секунданты, но кровь по-прежнему бьет фонтаном. Хотели остановить соревнование, Леван не позволил, знал: обязательно выиграет. Вышел на последний третий раунд. Морозов все так же целился в голову, в поврежденную бровь. Но Леван хозяин ринга. Судья объявляет о его победе. Болельщики усаживают его в «эмку» и везут в больницу наложить швы на бровь. Кто-то говорит, что после такой победы его надо везти в «линкольне».

В первенстве страны 1938 года Леван выступил в новой для него категории «линокоров», в тяжелом весе. Вместе с другом Андром Навасардовым. И первая же встреча – серьезнейшее испытание. Недавний «крейсер» дерется с флагманом отечественного бокса Николаем Королевым. В первом раунде Левану удается провести сильнейший удар. Двукратный абсолютный чемпион страны в «грозги». Первый раунд за Гудушаури. Во втором раунде Королев идет в атаку. Особенно опасна его левая рука, которой обычно он, как кулак, бьет наповал. Леван все внимание сосредоточил на этой руке. Москвич разгадал его план и меняет тактику, заканчивая досрочно бой. Гудушаури проиграл, неудачником себя не считает. Ему удалось потрясти самого Королева и вызвать овацию зала. Просто сильный уступил более сильному. В итоге он третий призер в тяжелом весе, после Королева и Навасардова.

Второй бой с великим Королевым состоялся в сорок третьем, за звание абсолютного чемпиона страны. Старший лейтенант Гудушаури с самого начала перешел к атакующим действиям. Излишняя вера в собственные силы обернулась его поражением в первом раунде. Король дарит ему свою фотографию с памятной надписью: «Дважды пострадавшему и очень хорошему человеку и настойчивому спортсмену. 2 сентября 1943 года». Во втором бою Леван одержал важную победу над чемпионом страны в полутяжелом весе Виктором Степановым, показав большую силу своих ударов и решительность в атаке, как отмечал в «Красном спорте» заслуженный мастер спорта Константин Градополов, к слову сказать, первый тренер Николая Королева. Следующий бой – с многократным чемпионом СССР довоенных лет в полусреднем и среднем весе Иваном Ганыкиным. Два первых раунда Гудушаури убедительно выиграл, противник дважды побывал в нокдауне. В третьем раунде Ганыкин в ближнем бою повредил ему бровь, и грузинского боксера сняли с соревнования ввиду травмы. На всесоюзном первенстве 1944 года Гудушаури второй после Степанова. Спорное решение судей вызвало тогда протест спортивной общественности.

Сорок пятый, последний год войны, принес Гудушаури сразу два диплома чемпиона страны. В апреле, когда советские войска вели бои на подступах Берлина, в составе сборной Тбилиси (старший тренер – заслуженный мастер спорта Александр Гольдштейн) он победил в команде, за которую также выступали Борис Каладзе, Габриел Ханукашвили, Георгий Вартанов, Эдуард Аристакесян, Шалва Горгаслидзе, Борис Меладзе, Шалва Двали, Андро Навасардов – созвездие чемпионов, сплав опыта и молодости.

В личном первенстве Гудушаури стал первой перчаткой в полутяжелом весе, победив в финале эстонского чемпиона Салонга. В ноябре в Московском госцирке при огромном стечении зрителей звание абсолютного чемпиона страны оспаривали тяжеловесы Король,

Навасардов, чемпион Эстонии Мартин Линнамят полутяжеловес Гудушаури. Леван бьется с Королевым мужественно и активно встречает атаки мощного противника, но после шести раундов все же уступил победу. В очередном чемпионате страны Степанов – сразу три брата – боролись за первенство в полутяжелом весе. Заслуженный мастер спорта Виктор Степанов в полуфинале нокаутировал соперника, повредил руку и выбыл из соревнования. Младший брат Лев – Геннадий проиграл Гудушаури, работавшему энергично и тактически умело. Золотая медаль на этот раз досталась Анатолию Степанову.

В 1948 году 36-летний Гудушаури выиграл Спартакиаду республик Закавказья, блеснув неуязвимым мастерством.

В его боевом списке – 137 встреч на ринге и только девять поражений. Заслуженный мастер спорта судья всесоюзной категории возглавляет городскую республиканскую федерацию бокса, готовит сборную Грузии к ответственным соревнованиям, он директор созданной по его инициативе Глданской спортивной интерната.

Вклад Левана Гудушаури в воспитание молодого поколения отмечен званием заслуженного педагога.

Увлеченный работой, не сразу замечает, как боится точила могучий организм. Когда в июне 1979 года Левана Гудушаури не стало, друзья, приводя в порядок бумаги боксера, обнаружили запертый ящик шкафа. Какие же ценности накопил неутомимый труженик? В ящике были многие пары вышедших из моды боксерских перчаток, аккуратно сложенные. Чемпион мечтал открыть в родном селе Сно школу бокса. Эти перчатки передала землякам Лиана Пиранишвили-Гудушаури на вечере памяти отца.

«ГОМЕР ЖИЛ В НАШЕЙ КВАРТИРЕ»

Интерес к встрече подогревался рассказом коллеги о романтической любви. Чемпион Берлинской олимпиады-36 влюбился в молоденькую теннисистку из Грузии. Отца, понятно, не устраивала разлука с дочерью, ее переезд в фашистскую Германию, и он спешно выдал ее замуж за тбилисца, чемпиона по боксу, который, понятно, тоже вздыхал по юной красавице. Воображение рисовало мне олимпийский стадион и возможного грузинского зятя, четырехкратный золотой триумф американца Джесси Оуэнса, Гитлера, демонстративно покидающего правительственную ложу.

- Ничего этого не было, - разочаровала меня Татьяна Михайловна, - жениха из Германии. Но расскажу по порядку, если вас это заинтересовало. И о письме из Парижа.

Прадед ее, Афанасий Крупенников, служил на Кавказе, в Гори. В госпитале. Настолько усердно, что его, крепостного, со временем произвели в старшего унтер-офицера. Дед Иван Афанасьевич закончил с золотой медалью первую гимназию в Тифлисе, получив право преподавать математику. В Телави он познакомился с гимназисткой княжной Мартой Вахваховой, которая, вопреки воле родителей, вышла замуж за скромного учителя, будущего инспектора заведения Святой Нины - Института благородных девиц, - и действительного статского советника.

С Кахетией связана и служба отца Тани, Михаила Ивановича, агронома-технолога по виноделию. Жили по месту его работы. Напареули, Цинандали, Манави - от одного названия этих сел опьянеешь. Кстати, отец принял участие в выставке «Российская Ривьера» в 1913 году в Санкт-Петербурге, на которой победило его кахетинское вино, а сам он был премирован именными золотыми часами, которые спустя годы исчезли в скупке Торгсина.

Позже семья переехала в Тифлис, в дом на Плевновской, где были первые и единственные асфальтовые корты. В их коммунальной квартире две комнаты занимали Крупенниковы, а одну – Яни Гомер, родоначальник грузинской теннисной школы, бессменный чемпион Тифлиса и Грузии 20-х годов. Стоит удивляться, что близкое соседство с теннисной элитой сказалось на спортивных вкусах молодых Крупенниковых? Брат Тани – Борис Крупенников был мастером спорта и входил в десятку сильнейших теннисистов страны. И друзья были отменными спортсменами – ученики маэстро Яни Гомера – Мдивани, Эдуард и Роман Негребецкие, Волк и Борис Серебренниковы, Арам Хангулян...

Жить в одном дворе с кортами и не увлечься теннисом? Им поголовно все заболели. Первый всамделишную ракетку подарил Тане маэстро Яни, заметив рвение 12-летней девочки (к занятиям в группе допускались с 16-ти лет). Но Таня ждать не могла. В семнадцать она имела первый разряд и входила в кружок Госкинпрома – так тогда назывались команды. И сегодня рассказывает мне о своей игре с Навачнадзе. Кинозвезда смотрелась на спортивной площадке эффектно. И Таня не подкачала по части внешности. Она уже выезжала в составе грузинской команды на всесоюзные соревнования.

С этими поездками и связана романтическая история с письмом. Ситуация действительно интересная. В тбилисскую женскую теннисную школу «Спартак», а Таня выступала за это общество только потом перешла в «Динамо», пришло письмо из Парижа. Некий Ивар Бузен увидел в газете «Красный спорт» снимок Тани. Впрочем судите сами. Вот это письмо, которое я держал в руках: «Уважаемый товарищ Таня. Вы, конечно, очень удивитесь, прочитав письмо от совершенно незнакомого человека. Надеюсь, что на меня Вы не рассердитесь. Дело в том, что я в газете случайно увидел Ваш фотоснимок и страшно захотелось с Вами познакомиться, хотя

на расстоянии, и узнать все о Вас – сколько Вам лет? Какого Вы роста? Какого цвета Ваши глаза? Волосы? Как Вы живете и работаете?

Надеюсь, что простите мне мою смелость. Если у Вас есть фотоснимок более четкий, чем этот в газете – я был бы счастлив получить его. В обмен, конечно, вышлю свой. Сейчас я после экзаменов отдыхаю и увлекаюсь теннисом... Чтобы Вам не тратиться на марки посылаю два доллара. Надеюсь, что напишите хоть несколько слов. Не так ли?..»

И сейчас, по прошествии стольких лет, нетрудно установить диагноз Ивара – налицо все признаки влюбленности. Письмо позабавило Таниных друзей. Они нарисовали ее портрет со своими комментариями – ответ парижскому корреспонденту. А ей было не до смеха. На календаре – конец июля 37-го.

Таня, встревоженная не на шутку, идет в НКВД с парой долларов и письмом. Молодые незнакомые чекисты расспрашивают голубоглазую девушку. Нет-нет, она совершенно не желает вести какую-либо переписку и заводить знакомство. Ей возвращают на память письмо и доллары, и она возвращается домой на Плехановскую.

О том, что эта история могла тогда иметь далеко не столь счастливый конец, говорит судьба Яни Гомера, который в июне тридцать седьмого с сильнейшими грузинскими теннисистами выезжал на московские сборы с участием лучшего французского теннисиста Анри Коше, серебряного призера Олимпиады 1926 г. в одиночном разряде и мужском парном. Победитель Уимблдонского турнира 1926 – 1929 гг., участник знаменитой сборной Франции, победительницы Кубка Дэвиса в 1927-1932 гг. Общение с выдающимся спортсменом, его лекции и показательные игры были подарком свыше для советских мастеров. Яни в совершенстве владел французским и больше других усвоил неоценимые знания великого Коше, который подарил ему свою фотографию с автографом. Этого оказалось достаточно для компетентных, как тогда

говорили, органов.

«В конце 37-го Гомера арестовали, – рассказывает Татьяна Михайловна, – арестовали вместе с братьями Жоржем и Марселем и женой Асмик Арзуманов – она была теннисисткой и выступала вместе с Ян Его осудили по ложному обвинению в шпионской деятельности в пользу иностранного государства. Решением «тройки» вынесли приговор: десять лет лагерей и еще пять лет ссылки. По возвращении домой и реабилитации теннисный педагог Тани Крупенковой уехал к своей сестре Ивонне в США, но долго там не выдержал и вернулся в Грузию.

«Он жил в нашей квартире, вон за той стеной – говорит Татьяна Михайловна, – вплоть до 1981 года когда его не стало. Вышел из своей комнаты и упал в коридоре, умер на руках у моей матери».

И мы еще долго говорим о мастере, на которого выпало счастье общения с любимыми учениками, годы безработицы и долгое забвение неопределенных заслуг в истории отечественного тенниса. Только через много лет пришли к опальному ставнику запоздалые звания – заслуженного тренера Грузии, заслуженного деятеля физической культуры и спорта, судьи всесоюзной категории...

В том же тридцать седьмом в жизни Тани произошли значительные события: она поступила на филологический факультет Тбилисского государственного университета и скоро вышла замуж за Сашу Бакрадзе, мастера спорта по боксу. «Он был просто знакомым моего брата Бориса, – рассказывает хозяйка дома. – По мере моего взросления это знакомство перешло в дружбу – Саша зачастил к нам. Когда мне исполнилось 18 лет, мы поженились. Саша был единственным ребенком в семье и родился 18 сентября 1913 года в Киеве. О Михаиле Ивановиче (замечаете совпадение?), бухгалтер по образованию, с началом Первой мировой войны как военнообязанный переехал в Грузию, а мать с ребенком осталась в Украине. В 1921 году семья воссоединилась, а для этого матери с ребенком и

шлось пройти испытания новой волны эмиграции в Новороссийске, а потом добираться пароходом до Батуми.

Саша окончил гидромелиоративный техникум, а потом поступил в индустриальный институт, на химический факультет и учился с моим братом. Но мама болела, и он ушел из института. Начал работать, помогая семье...

После рождения первенца Миши Татьяна временно отошла от спорта, посвятила себя семье и учебе. Война внесла свои коррективы в жизнь. Александр Михайлович в числе тренеров-пятитысячников готовил бойцов-рукопашников – обучал боксу, самбо и стрельбе. В 43-м у супругов родился Алеша.

В боксерские залы Саша Бакрадзе вернулся в послевоенные годы. Многократный чемпион Грузии, призер всесоюзных соревнований, заслуженный тренер СССР, готовил юношеские команды республики, вписал свое имя в историю отечественного спорта. И супруга его десять лет входила в грузинскую сборную. Матерью двоих детей (оба впоследствии стали мастерами в велоспорте и теннисе. Михаил Александрович был кандидатом биологических наук, доцентом кафедры ТГУ; младший сын, Алексей Александрович – выпускник западноевропейского факультета, в прошлом партийный работник, дипломат, замминистра иностранных дел, консул в США, Египте) – вернулась на корт. И только в начале 50-х зачехлила ракетку. Узнав об этом, Ира Ермолова-Рязанова огорчилась: «Как же мы без вас, тетя Таня?»

А она ушла в тбилисскую 32-ю среднюю школу и проработала учителем русского языка и литературы 25 лет.

Смотрю на звезду грузинского тенниса и вижу ее давнюю компанию с Плехановской. Танина мама, Людмила Иосифовна Гайская, чешка по происхождению, в те годы работала аккомпаниатором в Гофилекте. Таню с подругой пропускали знакомые билетерши, а мальчики перелезали через забор. Они стояли на

садовой скамейке и слушали джаз-оркестры Эдди Нера и Леонида Утесова. А проголодавшись, соби в складчину мелочь, покупали буханку хлеба.

«У нас с Сашей денег было больше, – говорит собеседница, – мы были спортсменами-достижени».

Слово-то какое забытое.

А я вспоминаю 50-е годы, боксерский зал Западной трибуной динамовского стадиона. В тренировки один из спарринг-партнеров, обиженный за пропущенные удары, решил после занятий отнаться по-уличному. В этот момент из зала выдядя Саша, мигом оценил обстановку и сказал «женному»: «Больше здесь не смей появляться. Бс из тебя не получится».

У Саши Бакрадзе глаз на таланты был безбочный.

ТЯЖЕЛЫЕ ПЕРЧАТКИ

Волгу проходили на бреющем полете. За бо самолета угадывалась близкая вода: поведи рузачерпнешь полной пригоршней. Холодом тяну воды снизу, и пилот зябко повел плечами, вспокакая глубина под ними. А тут еще «Мессершувязался с Астрахани. Пилот покосился на пул на безмятежные лица ничего не подозревавших и жиров и сказал, как отрезал: «Маслопомпа дала Будем садиться в степи».

Потом они стояли на твердой земле, с наслнием слушая тишину. Четверо в бескрайней с по которой скользнула тень одураченного «Месс» Скоро тяжелый транспортный самолет поднял воздух и взял курс на Москву. На антифашист митинг советских спортсменов спешили лучшие лучших – Александр Джорджадзе, Вагаршак Млян, Андро Навасардов, Борис Пайчадзе...

Вечером он остался в гостиничном номере. Наедине со своими мыслями. Отогнув край шторы, смотрел на затемненную столицу, на исполосованное бледными руками прожекторов небо. Завтра бой с Королем. Не за чемпионский титул – показательный. Две тренировки – это очень мало. Но бой должен убедить, что жизнь продолжается. И спортивная тоже. Крепки наши люди, как гвозди. И врагу никогда не добиться, чтоб склонилась твоя голова, Москва. Всем гостям митинга нашлось занятие по душе. Джорджадзе поспорит с гимнастами, Мачкалян – с абсолютным чемпионом страны в классической борьбе Иоханнесом Коткасом. Пайчадзе встретится с друзьями у кромки футбольного поля, на этот раз без мяча.

Футбол и борьба – любимые народом виды спорта. Недаром их любят вожди, знают и привечают чемпионов капризной любовью, ждут, когда они оступятся. Навасардову это известно лучше других. В 1940-м приехал он в Москву оспаривать абсолютное первенство страны. Начал с победы, потом – вторая. Повержены Александровский и Линнамяги. В финале его ждал пятикратный чемпион в полусреднем и средней весах москвич Иван Ганыкин. К вечеру заполнился многолюдный овал цирка. Ждали выхода своих любимцев на залитый светом квадрат ринга. А его вторые сутки температурило от ангины. К вечеру – под сорок градусов. Андро вышел из гостиницы «Националь», попробовал прогуляться, не помогло, да и настроение не боевое. Звание чемпиона в том году осталось не разыгранным.

Ближе к полуночи телефонный звонок из НКВД. К десяти утра ждут Навасардова в доме на Лубянке. Это тебе не свидание под колоннами Большого театра. Попробуй послушаться. Пришел в урочный час. Не спеша поднимается из-за письменного стола всесильный начальник автотранспорта наркомата Семен Мильштейн, знакомый по Тбилиси. Начинает разговор издалека: «Ты, видно, живешь в плохих условиях». Говорит предположительно, зная наверняка. «Потому

и болееешь. Пиши заявление о переводе в Москву и дотацию. Лаврентий Павлович Берия мне сказал, ты должен стать абсолютным чемпионом». Говорю доверительно, как другу. А у друга от услышанного озноб усилился. Как тут не вспомнишь реплику Лизы из грибоедовской комедии: «Минуй нас пуще все печали и барский гнев, и барская любовь». Сам не зная почему, не дал себя уговорить Семену Рафаэловичу: «Постараюсь», – сказал коротко и аккуратно, прикрыв за собой тяжелую дверь, понимая, только что он оставил в нокаут всесильного наркомвнудела, никаких обиды не прощающего.

Короля ринга знали в бериевской семье. С началом войны, когда известных спортсменов мобилизовали в органы госбезопасности, Андро начал работать в спецгараже. Несколько раз писал рапорты с просьбой отправить его на фронт – отказали. Возил наркома, Марту Ивановну Джакели, сестру Анел, конечно же, хозяйку, Нину Теймуразовну Гегели. Впервые ее увидел, прибыв по вызову генерала Мичурина-Равера. По дороге начальник представил его: «Знаете, кто с нами? Известный Навасард Красивая спутница, спешащая в тифлисский клуб, сказала: «Мой сын тоже боксер, смотрите Навасардов, будьте осмотрительны. Ненадолго побейте его на ринге». И засмеялась этой шутке, сказав, я хочу, шофер, чтоб тебе повезло. Больше тому бедолаге, неосмотрительно пригласившему танец в Тбилисском Доме офицеров. Танец для Паша обернулся танго смерти – десятью годами лагеря на Колыме, куда его отправил ревнивый муж.

В 1953-м уже Нину Теймуразовну арестовали сыном Серго. Среди прочих обвинений услышана и то, что из Кутаиси в Тбилиси ездила на лошади с золотыми колокольчиками. Чего не было, того не было. Но быстрый автомобиль и шофер с пудовыми кулаками вполне реальны. Блюла свою честь хозяина равно как и мужнину. Когда 760 женщин подтвердили следователю свою любовную связь с шефом, он

задумываясь, признала их работниками разведки, ее агентами. Вот так и ничего больше. Лаврентий, дескать, день и ночь проводил на работе, когда же он целый легион женщин успел превратить в своих любовниц? А он успевал на всех фронтах, как тот Фигаро из оперы. Сумел ведь выкрасть атомную бомбу у американцев.

Память у него в самом деле была феноменальная. Все служебные тайны, включая связанные с женщинами, хранил в голове. И про Навасардова знал досконально.

Андро поздно, в двадцать лет пришел в свой супермужской вид спорта. До этого три года занимался борьбой, пробуя в ней свою недюжинную силу, унаследованную от деда, Егора Навасардова, известного кулачного бойца в Сигнахи. Вошел даже в сборную команду Грузии, прежде чем убедился, что природой предназначен для бокса. Его вечный соперник Николай Королев в восемнадцать лет стал чемпионом страны, через год – абсолютным. Андро стал тенью москвича на ринге. Их многолетнее соперничество подарило поединки с захватывающим сюжетом. Особенно запомнился финал чемпионата страны 1946 года. Стадион «Динамо» в Петровском парке. Прямо против ринга – правительственная ложа. Андро два раунда атаковал абсолютного чемпиона страны. «Лаврентий, – спрашивает удивленный Сталин, – кто такой Навасардов?» Берия ответил: «Это наш тбилисский армянин с Авлабара». Этот разговор слышал находившийся в ложе генерал-полковник авиации Василий Сталин и рассказал старшему тренеру футбольной команды ВВС Гайозу Джеджеલાва, а он через двадцать лет – Андро.

В тот день на северной трибуне стадиона находился малоизвестный студент из Каунаса Альгирдас Шоцикас, будущий чемпион и гроза чемпионов. В квадрате ринга он скоро убедился: бокс учит мужчину по паспорту стать мужчиной по факту. Для Шоцикаса Навасардов был не просто противником, а человеком,

которым он с той минуты не переставал восхищаться, которому хотел подражать и с которым в глубине души мечтал когда-нибудь встретиться.

Такая возможность представилась через год на чемпионате страны в Риге. И оба боя проиграл – Навасардову и Королеву, получив жестокий урок и убедившись в необходимости учиться в первую очередь у своих учителей.

В бою с Королевым шесть раз брезентовый ремень вздыбился под ногами Шоцикаса и вставал погрозой после страшных встречных ударов москвича. – Это искусство. Бой должен быть продуман, продуман, продуман. Не драка, а тактически умный бой на ринге, столь любимый Навасардовым. Это умение подчинить своей воле волю противника. Самое важное в боксе – голова. Не кулаки с пивную кружку, а голова. Нужно искать слабые места, отыскать трещину в цельнометаллической тренировке противника и потом уже в бою, по точному слову слесаря Королева, студента тренерского факультета ордена Ленина Института физической культуры имени Сталина, эту трещину расклепывать и расширять.

Вот в чем заключался секрет мастерства учителя, за чьим поединком Шоцикас следил с трибуны московского стадиона.

Парень с Авлабара с первых шагов на ринге вызывал уважение. Уже второй его бой с Королем (первый был остановлен во втором раунде из-за рассечения брови в Тбилиси) в матчевой встрече командой Москвы в марте 1937 года показал, что времени он зря не теряет. Андро боксировал с темпераментом, легко, с удивительной для тяжеловеса подвижностью передвигался по рингу. Но отдал победу Королеву. Бывшие во Дворце спорта «Крылья Советов» Маршал Советского Союза Михаил Тухачевский и Александр Косарев разделили недовольство зрителей. Генеральный секретарь

комсомола вызвал председателя Всесоюзного совета по физической культуре и спорту Харченко и потребовал пересмотра несправедливого решения судейской коллегии. Об этом Андро узнал в поезде, по пути домой, из купленной на бакинском вокзале газеты «Красный спорт». Здесь же было помещено письмо в редакцию Королева, отказывающегося от победы в пользу действительного победителя Навасардова.

Десять поединков провели они с Королевым. И все прошли в упорной борьбе. Три из них выиграл тяжеловес из Грузии. Смело неся свой подбородок, широкий, как сцена Большого театра, шутил его друг Георгий Вартанов, трехкратный чемпион страны конца 30-х годов. И противостоял ему великий боксер, одаренный всеми качествами чемпиона мира. Самая большая победа над Королевым добыта Андро в первенстве страны 1944 года, когда, непрерывно наступая, действуя уверенно, технически разнообразно, он взял верх над своим извечным соперником. Все решилось в матче четверки сильнейших. Корольев победил эстонца Мартина Линнамяги и Николая Юрченко. На ринге последняя пара Навасардов-Юрченко. В случае успеха москвича чемпионом оказывался Корольев. Андро выиграл этот бой и завоевал золотую медаль чемпиона в наипрестижней тяжелой весовой категории.

В следующем, 1945 году грузинский бокс праздновал новый выдающийся успех. Сборная команда Тбилиси на ринге Московского цирка выиграла командное первенство страны, опередив лидеров Москвы, Ленинграда, Таллина. Успех обеспечили подготовка (старший тренер – заслуженный мастер спорта Александр Гольдштейн) и спаянность коллектива. Заключительную, победную точку поставил Навасардов. На поединок с ленинградцем Пичугиным капитан вышел с поврежденным локтем. Боксировал фактически одной рукой, но решающее очко обеспечил.

В 1951 году он в шестнадцатый раз подряд (с 1936-го!) удостоивается звания чемпиона Грузии.

Ветерана бокса увидели среди участников очного первенства страны в городе Сталино. Кор вспоминал, как крепко пожал руку своему товарищу и давнему сопернику. Подумал о том, что вот сейчас когда раздастся гонг, они начнут бой. Вероятно будет суровым. Но то, что бой будет абсолютно паритетным, что даже в самый напряженный момент встречи, взглянув в глаза Андро, он не увидит тени злобы, неприязни – в этом не было никакого сомнения. По отзывам специалистов, все в этой встрече восхищало: разнообразие атак, быстрые серии ударов, рациональная защита, продуманные тактические замыслы.

В Сталино Андро победил пятерых соперников. Это последние бои выдающегося боксера. Боевой список закрыт. Сто двадцать восемь боев на ринге, два десятка поражений, в остальных – победы. Служенный мастер спорта, многократный чемпион Закавказья и ЦС «Динамо», в чемпионатах страны дважды побеждал, шесть раз занимал второе место, три раза – третье. Трижды выходил в финалы международного первенства. Почетному судье всесоюзной категории доверяли судейство самых важных боксерских поединков. В 1952 году он ушел на тренерскую работу и оставался на ней сорок лет!

Когда десять лет назад я спросил 83-летнего триарха отечественного бокса, смог бы он выступить против абсолютного чемпиона мира Джо Луиса, ответил: «Выступил бы, не моргнув глазом, перед этим настоящим королем ринга, но победа, думаю, досталась бы Джо Луису. В те годы техника американских боксеров была очень высокой».

В этом ответе весь Андро Георгиевич, бесстрашный и скромный. С портретом «коричневого бойца» он не расставался до последних дней. Милых все-таки роднило – и удивительные природные данные, и легендарная слава.

Эта статья была уже написана, когда мне позвонил из Лос-Анджелеса Николай Айрапетян, мой друг.

бывший тбилисец, известный арбитр, судья всесоюзной, европейской и международной категорий. Он очень кинематографичен, этот Николай Айрапетян. Высокий, косая сажень в плечах, мужественное волевое лицо. Удивительно, как выпал из поля зрения кинорежиссеров. Впрочем, один шанс ему представился в начале 70-х годов. В Ленинграде. На традиционный международный боксерский турнир приехали работники Шведского телевидения, задумавшие снять фильм о своем земляке, легендарном боксере XVIII века. Его роль гости поручили чемпиону страны в весе 75 кг Олегу Каратаеву, а в соперники ему выбрали Александра Метелева. Гости попросили боксеров держаться на ринге как можно естественнее, не позировать перед камерой. Айрапетяна выбрали на привычную для него роль судьи. В первом раунде Метелев сильнейшим боковым ударом справа отправил своего грозного соперника в нокдаун, кажется, первый в его карьере. Николай открыл счет. При команде «восемь!» расвирепевший чемпион поднялся с пола и одним ударом завершил бой – глубокий нокаут. Шведы собрали чемоданы и уехали домой.

К слову сказать, участвуя в армейских соревнованиях, Николай тренировался у Навасардова. Узнав, что я решил рассказать о его наставнике, обрадовался: «Это был великий боксер!» А я и не спорил.

ОБРЕЧЕННЫЙ НА ЛИДЕРСТВО

На улице за ним ходили толпами – низкорослых камбоджийцев поражал этот сероглазый гигант, тренер мужской и женской сборных страны. Но так было в Китае и Женеве, Париже и Будапеште – всюду, куда его приводил баскетбольный мяч. Живейший интерес и почитание. В большой игре Отар Коркия был изначально обречен на успех, капитанство и лидерство. При своем довольно скромном для современного баскетбола росте – 190 см, оставался гигантом, самой

приметной фигурой в виде спорта, где ты весь – виду – твоя игра, накопленное годами умение и даброшенная в запальчивости реплика. Мог на спдостать в прыжке кольцо головой. При всем своенужии и взрывном характере оставался справедливым очень добрым, как большинство сильных людей.

Этими чертами, не последними в спорте, он оужан родителям – Михаилу Дмитриевичу, известнокутаисскому врачу, и Софье Николаевне, красавицу педагогу русского языка. Жили они в начале 30 годов в Абхазии (отец был основателем знаменито обезьяньего питомника), когда перегибы в сельскхозяйстве привели к страшному голоду. Но уже тоужапомнился десятилетнему мальчику нравственнуу урок родителей, которые, сами недоедая (а в сембыло шестеро детей) приютили в своем доме и вынчили полуживых десять сирот, поставили их крегна ноги, помогли получить высшее образование.

Но это много позже, а пока над родительскдомом был занесен палаческий топор: по ложнсдоносу в январе тридцать восьмого арестовали отсослали в Казахстан. Обнять отца сын смог толькпятьдесят седьмом году и купить ему на собственнсбережения шерстяной костюм.

И тогда, в далеком 1947 году, на сборах, когда сготовились, имея в перспективе чемпионат Европникогда не забывал, что его могут не взять в сборнкак сына «врага народа».

Сборы в то голодное время были едва ли не едственным средством хоть как-то подкормить сптсменов. Был Отар в ту пору тонкий, как виноградветвь, веса едва-едва восемьдесят килограммовбиралось. В Кутаиси закрепилось за ним прозви – Иван Грозный. А он не обижался на друзей. Ивспоминал, в воздухе с прыжком у него особых гблем не было – ноги от природы сильно выручали. на земле тоже толком действовать нужно было, более под щитом – правила «трех секунд» в те гоне существовало, и народу, караулившего свой шв непосредственной близости от кольца, набирал

тьма. Чтобы выбраться из этой толчеи и всех опередить, сила нужна была немалая. И всем им, кандидатам в сборную, приходилось не раз задумываться, как вернуть себе силу. Войной отнятую. Разместили их в подмосковной Фирсановке, на базе Московского авиационного института. Собрали, что называется, с миру по нитке. Компания и в самом деле получилась разношерстная – москвичи Конев, Мойсеев, Алексеев и Колпаков, каунасцы Бутаутас, Кулакаускас, Лагинавичюс и Петкявичус, таллинцы Куллам и Лысов. И он с Нодаром Джорджикия, делегированные Грузией в сборную первого созыва. Перед руководством команды стояла нелегкая задача получить в составе хладнокровие прибалтийских «академиков», силовую выносливость москвичей и безудержный темперамент грузин. Постепенно костяк команды вырисовывался, и по игре он вроде подходил. Каждое утро начиналось с пробежки – с порога домика, где жили, и бегом на электричку.

Однажды на тренировку пришел незнакомый человек и несколько минут поговорил о чем-то со Спандарьяном, изредка поглядывая в сторону Отара. После тренировки Степан Суренович сказал ему, что Михаил Коркия реабилитирован и завтра вечером с военным эшелоном прибывает на Курский вокзал... Сын считал часы перед долгожданной встречей, продрогнув до костей на вокзале, напрасно ждал поезда. Не состоялась встреча ни в тот вечер, ни в последующие... Неспешный график помилований отодвинул ее на многие годы. И состоялась она много позже – в Тбилиси.

В Прагу, полуразрушенную войной, его все-таки взяли. Зрители принимали их как полпредов страны-освободительницы. И горячо поддерживали, хотя на пути к золотым медалям в финале они как раз команду хозяев обыграли. И каждый на площадке был горд, что игрой своей возвращал жизнь.

По итогам чемпионата обозреватель французской спортивной газеты «Экип» провел опрос старших

тренеров команд-участниц и опубликовал сосимволической сборной континента. Из советских баскетболистов в нее вошли Отар Коркия, Но Джорджикия, Евгений Алексеев, Иван Лысов.

Есть большой соблазн вернуться памятью в далекие годы, когда физически щедро одаренный природой Отар искал свое место в спорте: ме диск и толкал ядро, был чемпионом и рекордсменом страны среди юношей. Было это в 39-м, когда С изменил баскетболу и переметнулся на время в легкую атлетику. А до этого, казалось, весь Кутаиси помещался на огневой игре. На стенах во дворах, на деревьях укреплялись металлические или деревянные круги старых стульев, бочек. Отар не без успеха обстреливал эти мишени, когда старшие ребята Гиви Кила Алеко и Шота Месхи взялись тренировать младших. Об измене баскетболу он не помышлял, а поступил так в интересах родного Кутаиси – некому было, выяснилось, защищать честь города на юношеском первенстве. А новый талант Коркия раскрылся неожиданно, когда вблизи их баскетбольной площадки брошенный кем-то диск с соседнего сектора летел в атлетику. Но, видно, очень разозлился – так недолго и покалечить можно! – взял диск и швырнул образ Бросок получился сильнее, чем нужно. Взяли замечание – 44 метра, всесоюзный рекорд для мальчишек этого возраста. Уходить из баскетбола Отар не собирался, но пару месяцев согласился уделить метаниям – в будущем пригодится. В Киеве он преодолел своим диском метровый рубеж и стал чемпионом.

Но все перевесила любовь к коллективному и где побеждает великий принцип: один за всех и все за одного. Отар Коркия нашел свою судьбу в баскетболе в тот памятный день, когда с товарищами пришел в только открытую детскую спортивную школу Гиви Киладзе, своему первому наставнику. И он скоро стал среди сверстников лидером, признанным вожаком. Оставался им в тбилисском «Динамо» сборной Советского Союза. Лучшие игроки ст

признали верховенство Коркия. Вспоминаю слова Нодара Джорджикия: «Лидером нашего поколения был Отар Коркия, самой природой наделенный необыкновенными физическими данными и удивительным талантом, врожденными качествами вожака и бесстрашием».

Олимпийский дебют советских баскетболистов состоялся в Хельсинки в 1952 году. Тогда команда уступила только многократным олимпийским чемпионам – американцам. В финальном матче решающей оказалась 30-я минута, когда за четыре фолы площадку покинул Коркия. Американцы, а в их составе были гиганты Роберт Курланд (2,13 м), Маркус Фрайбергер (2,10), Клайд Ловелетт (2,09), восхищенные игрой лидера советской команды, проводили его аплодисментами. К тому времени счет был ничейный – 23:23. В оставшиеся минуты встречи наша команда не сумела удержать достигнутое. И кто знает, не покинь преждевременно площадку Коркия, кому бы досталось олимпийское золото.

Отвечая на вопрос корреспондента газеты «Спорт-экспресс»: «Кто из героев прошлого мог бы попасть в НБА, имей он вдруг такую возможность?», выдающийся тренер Владимир Кондрашин дал исчерпывающий ответ: «Отар Коркия – еще одна легенда послевоенных лет. При росте 190 см Коркия был одним из сильнейших центровых Европы, лидером и капитаном сборной СССР. По физическим данным он, пожалуй, мог закрепиться в НБА».

Но и это еще не все. Вернемся в олимпийский Хельсинки, где разворачивались главные события финала. Коркия играл с напрочь вывихнутым пальцем. Травму получил в полуфинальном матче с теми же американцами, после умышленной грубости Ловелетта. Пытаясь завладеть мячом после неточной передачи товарища по команде, он совершил поистине вратарский прыжок и, избегая страшного удара в лицо, защитился рукой. Врачу, перевязывающему палец, сказал, стоя лицом к площадке, на которой мысленно продолжал

пребывать: «Крепче, дорогой, затяни». И снова рину в бой, преодолевая адскую боль, играл как нико! Фактически однорукий. И только после игры по! лил увезти себя в больницу, где ему наложили ш! Но поступить иначе Коркия себе не позволил, игр в полсилы было не в его характере. Не случайно ег не американца Ловелетта, который был на 19 см вы признали лучшим центровым олимпийского турне! Так думал я, ссылаясь на авторитетные источни! «Нам обоим на равных присудили этот приз», - ска мне Отар Михайлович, изумив своим бескорыстие неистребимым стремлением к истине. Обладая ред силой, являл собой блестящее сочетание – был от! ным баскетболистом и великим спортсменом. В ма! когда решалась судьба золотых медалей чемпио! страны, динамовцы Тбилиси проигрывали одно о! и никто иной, а Коркия, получив мяч под чужим! том, поднялся с двумя опекунами на плечах и поло! решающий мяч в корзину. «А что тут удивительно! – говорил он, – часто так бывало. Бросаешь по кол! а сам увешан защитниками, как гирлянда».

Оглядываясь на те далекие годы, понимаешь в! чие Отара Коркия, лучшего центрального послевоен! лет, который на целые десятилетия опередил с! время. Резкость, быстрота, прыгучесть, умение то! разбираться в самых сложных игровых ситуац! позволяли ему, знаменитой «десятке», оказывать! нужное время в нужном месте, без промаха обстр! вая корзину. Перейдя на тренерскую работу, возгла! динамовский клуб, приведя его к победе в розыгр! Кубка европейских чемпионов 1962 года – верш! достижений грузинского баскетбола. И здесь с наиб! шей полнотой раскрылся талант педагога и воспит! ля, основателя баскетбольной династии Коркия.

В конце 70-х годов прошлого столетия газета «С! ский спорт» провела анкету-опрос: «Кто сильней! советский баскетболист всех времен?» Ведущие тр! ры и специалисты назвали Отара Коркия.

СВЕТЛОЕ ИМЯ

Он шел к помосту спокойный и сосредоточенный, не глядя в темноту парижского Паласа де Шайо, – не то театра, не то спортивного зала. В те мгновения весь мир для него сузился, оставив наедине со стальным снарядом, с одной единственной мыслью: «Вес должен быть наверху!»

Владимир Светилко помнил слова друга, Георгия Попова: «Ну что, Кириллыч, дадим бой союзничку?» Попов – заслуженный мастер спорта, некоронованный чемпион мира довоенной поры, из его же, Светилко, поколения, за которым страшная война, голод, холод, тяжелые ранения и даже концлагерь. В Париже Попов выступал в легком весе, и главный их соперник на помосте Стэнли Станчик, американец польского происхождения, из команды тренера и мецената Боба Гоффмана, которая для многих была темной лошадкой, до выхода на сцену. Куда выше расценивались шансы ниспровергателей мировых рекордов египтян и первого из них – Кадара эль-Туни, олимпийского чемпиона в Берлине 1936 года, которого на родине встречали артиллерийским салютом.

Американцы, как и египтяне, прибыли в Париж неделей раньше и вели себя как дома, успели войти в лучшую спортивную форму и не скрывали своих планов выиграть все золото мира. А перелет наших от Москвы до Парижа занял двенадцать часов, потеряны дни из-за волокиты с визами, а потом нервозность, часы ожидания и сомнения в отеле: примут ли их страну в Международную федерацию тяжелой атлетики? В три часа руководители сборной отправились на заседание конгресса. Наконец, в половине седьмого вечера звонок: «Мы приняты, танцуйте, ребята...» Как выяснилось, решающим оказался голос египтянина Саида Носсеира, чемпиона Олимпиады в Амстердаме 1928 года, который в послевоенном Париже выступал в составе судейского корпуса и, в частности, судил

выход Григория Новака.

Нашу дружину кое-кто из официальных лиц конгрессе обвинил в профессионализме и «красной пропаганде». Таинственную команду из России, писали французские газеты, состоящую из грузин и бурлаков, которые на себе таскают мешки и пе носят пианино. И как бы подводя черту под заочным спором штангистов, приходили к заключению: «Советский килограмм равен семистам французским граммам».

Благожелательнее высказался мэр Парижа на приеме, данном в честь открытия чемпионата мира: «Мы заждались! Вы действуете в духе вашей победоносной армии: советский десант высадился, когда его у почти не ждали».

Через полчаса после завершения работы конгресса все десять «десантников» стояли на огромной сцене дворца Шайо – в красной спортивной форме с гербом Советского Союза на груди. Против них, в самом деле, немало факторов – незнание сил противника, непривычная организация соревнований, новая специализация, а главное – позади каждого война, которая выкосила немало чемпионов. Предстояло растопить лед настороженности, и лучше всех сумел это сделать Григорий Новак, которого действительно белорукой не назовешь. Сын извозчика из села Чернобыль, недалеко от Киева (печальную известность приобрел после страшной аварии на АЭС), Новак ботал грабарем – возил многопудовые тачки с песком, щебнем, цементом на стройках Белоруссии, Кавказа, Сибири, накапливая богатырскую силу и готовясь к схваткам с металлом, которые на берегах Сены приносили ему титул первого советского чемпиона мира. Под стать ему сражались товарищи.

... Светилко легко поднял штангу: принимай, Париж, подарок «бурлака». Долго держал тяжелый снаряд над головой, не замечая, как судья второй раз дал команду опустить. И только когда покоренный чемпион зал заплотировал, позволил себе отдых. Он вы

сто килограммов, а во втором подходе прибавил еще пять. Большого не смог сделать американец Станчик, которому лучше удалось рывок и толчок.

На пьедестале победителей Светилко стоял на второй ступеньке, на третьей – Георгий Попов, для ветерана парижский выход в свет оказался лебединой песней.

Дебют Светилко, ставшего чемпионом Европы, распенили как блестящий. «На вес золота была серебряная медаль Владимира Светилко», – вспоминал Новак. Из Парижа Григорий уезжал в ранге рекордсмена мира в троеборье для атлетов полутяжелого веса, как и его товарищи – тяжеловесы киевлянин Яков Купенко (в толчке) и ереванец Серго Амбарцумян (в рывке левой), доказав, как вынуждены были признать газеты, что «русский килограмм весит ровно тысячу французских граммов». Светилко вернулся в Тбилиси, в маленький тяжелоатлетический динамовский зал на улице Бесики, 4 – в знаменитый «Павлес дарбази», из которого, кроме него, вышли в чемпионы и другие воспитанники Павла Александровича Гумашяна, заслуженного мастера спорта и заслуженного тренера СССР. По словам Светилко, любимейшего для него человека и тренера; этот мудрый человек не позволял ему расслабляться и постоянно держал в форме. Дядя Павлик, каким он оставался даже для учеников-фронтовиков, сам изувеченный войной (в бою под Харьковом в 1943-м был тяжело ранен, пуля перебила сустав левой руки), он продлил свое спортивное долголетие чемпиона и рекордсмена предвоенных лет, соревнуясь одной рукой, установил рекорды Грузии в толчке правой; остался в спорте, продолжаясь в своих учениках.

Слабым духом и телом вход к дяде Павлику был заказан. Заглянул сюда земмельский паренек Рафик Чимишкян и, зачарованный, замер на пороге, видя как играючи справляются с большим весом эти крепыши, слушая грохот сбрасываемой на единственный помост штанги, лязг ее стальных блинов. «Я, семнад-

цатилетний, смотрел на них с восторгом, как на ч богатырей, – рассказывает мне олимпийский чемп. Хельсинки-52, – не зная, что через четыре года вм со Светилко отправлюсь в Париж, на чемпионат м Владимир Кириллович на Хельсинкской олимп был дублером Евгения Лопатина. Травма плеч позволила ему сразиться с Томми Коно, но он ост для нас непререкаемым авторитетом, единоду избранный старостой сборной. Неизменно подт тый, дисциплинированный, всегда аккуратно оде в военной форме, с начищенными до блеска боев орденами и медалями, со спортивным чемоданчи в руках. Мы, молодые, ловили каждое слово стари терпеливо дожидались, когда освободится помо

Владимир Светилко ко второму для себя чем нату мира подошел в идеальной форме, имея лич рекорд в троеборье 360 кг. Но уже в Париже травм вался, по недосмотру врачей заболел воспалением ких, но на помосте его все же увидели. Он стал на раз бронзовым призером. Увлекся единоборств обладателем большой серебряной медали Лондон олимпиады-48 Аттия Хамидой из Египта. Оба упт ли рывок в чемпионы американца Джорджа Питт который в сумме троеборья набрал 352,5 кг.

В Париже Владимир Кириллович во второй стал чемпионом Европы. А также в командном за как и вся наша сборная – Рафаэл Чимишкян, Евг Лопатин, Владимир Пушкарев, Аркадий Воро Яков Куценко.

Любопытно, что Светилко впервые выиграл венство Европы, не будучи чемпионом страны. Ч два года, в сорок восьмом, ликвидировал этот пр Всего же четырежды удостаивался золотой ме чемпиона СССР по штанге. Впервые им стал в , ком тридцать восьмом, соревнуясь в многоборье] «Ну и диапазон у Светилко, – шутили друзья, знаешь, где его искать: то ли в десятке пловцо ли в пятерке штангистов». К тому времени Влади был разносторонним спортсменом, мастером сп

по плаванию, стрельбе и гимнастике. Его, родившегося в Батуми, плавать и нырять научил отец, матрос Кирилл Светилко, - и учил по-флотски: плавать там, где глубоко. И еще побеждать там, где трудно. Этот отцовский наказ он пронес через всю жизнь. В сороковом впервые выполнил мастерскую норму в тяжелой атлетике, вошел в десятку сильнейших штангистов страны, но война заставила надолго забыть о рекордах в железной игре, этом спорте настоящих мужчин. Добровольцем записался в отряд торпедных катеров. Не раз участвовал в высадке десантов. Боевой путь лейтенанта Светилко пролегал через Керчь, Новороссийск, Одессу, Констанцу, Бургас.

Вот один, на первый взгляд, рядовой фронтовой случай лета сорок третьего.

...Проведя инструктаж, командир с официального, лаконичного языка перешел на «домашний» тон, вспоминал Светилко, а это означало, что задача поставлена важная. Командир: «Справишься? Пойми, задание нужно выполнить во что бы то ни стало. Торпедные катера должны сковать крупные силы противника, и от того как скоро вы будете действовать, зависит успех крупной операции... Ну, вперед, сынок!» И он обнял Владимира по-отечески на прощание.

Всю ночь в боксах кипела работа. Водители, хотя им полагалось отдыхать перед рейсом, не отходили от машин. Утром заправленные «под пробку» бензовозы развернулись в походную колонну. Светилко еще раз проинструктировал воинов и только после этого дал команду «по машинам». Головная плавно взяла с места, за ней ушли в путь еще одиннадцать тяжелых бензовозов. Тень от увязавшегося за колонной «мессера» первым заметил водитель головной машины. «Выследил, гад, - проговорил сквозь зубы водитель. - Теперь жди гостей - бомбардировщиков». Пилот самолета-разведчика не отказал себе в удовольствии полоснуть очередью, другой по беззащитным машинам. Пули застучали по дороге, подымая столбики пыли. На их счастье, дорога дальше шла через горный

участок, и немец не имел возможности спикировать над колонной и вести прицельный огонь. Но было очевидно – разведчик сообщил на базу район продвижения колонны, и самое страшное их ждало вперед – бомбардировщики.

Колонна подошла к цели. Маленькая бухта «фешивого Геленджика», место их встречи с торпедными катерами. Понтонный мост уходил в море на несколько десятков метров. Задача колонны – подогнать шину к подошедшему катеру и за считанные минуты заправить его топливом. Укрыв бензовозы в л. Светилко дал сигнал о начале операции торпедным катерам, рассредоточенным в открытом море вблизи бухты. И вот пошел к пирсу первый катер. Водитель бензовоза бросил шланг на борт катера и начал подавать топливо. Уже были заправлены несколько катеров, когда послышался гул тяжелых бомбардировщиков. Заговорила наша береговая зенитная артиллерия. Свист летящих бомб, грохот взрывов, и глушенных морскими волнами, рев двигателей свалились в кромешный ад, но операция продолжалась. Один-единственный осколок мог поднять в воздух бензовоз, а с ним и катер с торпедами на борту. Но и действовали краснофлотцы на волосок от смерти. Очередная машина, объезжая воронки, въехала на понтон. И вновь налетели воздушные разбойники в очередной раз отсекали их наши зенитчики. Бомбы упали в море и разорвались совсем рядом. Взрыв волной опрокинуло бензовоз. Секундное замешательство, но к машине бросился боец, схватил шланг, которого хлестало топливо, перекрыл кран и перебежал на катер, сам прыгнул на помощь товарищу, который из последних сил держался на плаву...

Свой первый боевой орден Красной Звезды Илья Кириллович получил в керченском аду.

Вышел из военного лихолетья с незаживающей раной в душе, после того, как в сорок четвертом дворе севастопольского дома погиб от взрыва его пятилетний сын Борька вместе с двумя соседями.

ми ребятами. Эта трагедия во многом определила биографию подполковника пограничных войск, который до 1960 года не снимал военную форму, считая своим долгом защиту границы, охрану ее тишины.

Поженились они с Валентиной Гурской, красавицей гимнасткой из Кутаиси, в 1938-м и жили дружно и счастливо, когда бы не война...

В пятьдесят восьмом тревожный случай заставил поднять заставу в ружье и забыть спортивные подвиги Владимира Светилко. Двенадцать суток продолжался поиск по обнаружению и задержанию двух агентов иностранных разведок. «Зеленые фуражки» двигались по сильно пересеченной местности, днем и ночью, но никто не жаловался на усталость и голод, на изнурительную жару. Начальник заставы Светилко возглавил одну из поисковых групп и первый шагнул к матерому врагу...

В 1960 году подполковник в отставке ушел на пенсию, еще двумя годами раньше закончил выступать на тяжелоатлетическом помосте, но остался в спорте, передавая молодежи свой огромный опыт и обучая умению побеждать. Сложив с себя полномочия начальника физподготовки и спорта Краснознаменного Закавказского пограничного округа, был директором Республиканской школы совершенствования мастерства тяжелой атлетики и фехтования. С 1980 года Светилко – главный тренер Спорткомитета Грузии по тяжелой атлетике...

Двенадцать лет назад ушел из жизни Владимир Кириллович Светилко – заслуженный мастер спорта, экс-рекордсмен мира, судья международной и всесоюзной категорий, заслуженный деятель физкультуры и спорта Грузии, бессменный ее чемпион и рекордсмен.

Свет жизни этого сильного и красивого человека еще долго будет светить людям.

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Его в бассейн за руку никто не приводил. С умер еще перед войной. Како с сестрой растила м которая о спорте имела представление весьма отда ное. Жили они тогда в Тбилиси, на тихой улице Ка Рядом с домом был пивоваренный заводик, во де его громоздился глубокий чан с ледяной водой. нажды Како, поживаясь, влез в воду. На другой д с еще большим ужасом оттолкнулся от стенки ч – сам себе тренер и ученик. Трудно представить через две недели после ледяной купели он впер переплыл Куру, вылез на противоположный берег, находился единственный в ту пору в городе откры бассейн, с мутной водой, которую закачивали пр из реки. Залез на забор и замер на месте, услы окрик: «Эй, мальчик, ну-ка слезай и иди сюда».

Так Петр Мшвениерадзе вспоминал судьбонос встречу с Лукой Александровичем Иоакимиди, к рый стал для их сверстников не просто тренеро человеком, старавшимся заменить им отцов-ф товиков. Шла война, и эти дети, рано стано самостоятельными, нуждались в особом вниман заботе. Они шумной ватагой уходили вверх по К редко пользуясь услугами трамвая, знаменитой сятки». Добирались до окраинного Дигоми. Иг в футбол и пекли картошку, обжигающую пал восхитительно вкусную. А потом бросались в и, перебрасывая друг другу мяч, плыли обрат город, до самого бассейна, где ставили ворота и рали дотемна. Мальчишки постигали навыки и в которой каждый мечтал стать королем, но уда это единицам, и он, Како, был в числе первых главное испытание – становление личности – вы жали Ихтиандры Куры военных лет.

Один из них – заслуженный работник сп Грузии, судья всесоюзной категории, кавалер с на Чести Слава (Георгий) Каландадзе рассказы

мне: «Сам я плехановский, жил по соседству с Како. Тбилиси был далеко от места боевых действий, но ужасы войны коснулись многих семейств. Старший брат Мшвениерадзе, Борис погиб на фронте в сорок втором, и все мы, мальчишки, спешили повзрослеть, чтобы поскорее встать в строй. Како жил с матерью Надеждой Семеновной и сестрой Дареджан. По дороге в бассейн-купальню, как все ее называли, я забегал за ним. Денег на паром у нас не было. И паромщик встречал нас неприветливо, гнал обратно в воду. Тогда мы придумали хитрость: ныряли под паром, хватались за весло. Паром ни с места. Пришлось паромщику сменить гнев на милость. После этого мы добирались до бассейна с комфортом».

Лука Александрович первый разглядел в Како задатки brassиста, оказавшие ему верную службу на протяжении всей его спортивной карьеры. Первая победа пришла к Мшвениерадзе в юношеском первенстве Грузии по плаванию. И вот они, питомцы тбилисской купальни Како Мшвениерадзе, Петья Дадиянидзе, Валико Чедия и Слава Каландадзе, отправились в Горький на всесоюзные юношеские соревнования. В эти последние дни июля 1944 года в сводках Совинформбюро сообщалось, что, перейдя в наступление, войска 1-го Украинского фронта прорвали оборону немцев на Львовском направлении. Войска 3-го Прибалтийского фронта взяли город Остров, овладели Псковом. Войска 1-го Белорусского фронта освободили Паневежис и Люблин. Упорные бои шли под Брестом. Но в стране возрождалось физкультурное и спортивное движение, и наши ребята добирались до места своих первых серьезных соревнований восемь дней – мимо сожженных зданий вокзалов (Слава Каландадзе: «Запомнилась надпись «Из пепла руин и пожарищ тебя восстановим, любимый Воронеж»), в нестерпимую жару. Липнувшие к телу рубашки, пустота в желудке. Они наблюдали со страхом, как таяли скудные запасы выданных команде «дорожных» – мешка сухарей, кулька сахара и пачки

маргарина. Како на вокзале в Баку купил два меш соли, в пути продавал понемногу, на вырученные деньги покупал банку простокваши, кормил во команду – такие были времена.

И условия, в которых они соревновались, были не стать той военной поре на водноспортивной станции «Водник». «Бассейн», где проводились соревнования образовали два плота с натянутыми между ними ревяками-дорожками. Дистанции преодолевались течению Волги и обратно. На великой русской реке 15-летний Мшвениерадзе стал чемпионом страны среди юношей на 100 и 200 метров брассом. Слава была вторым. В плавании вольным стилем Валико и Пезаняжи первое и второе места. На следующий год – Львова Како и Валико снова были первыми.

Остановились они в гостинице «Бристоль», условия, в которых жили, были близкими к фронтовым. В городе стреляли, ребят без охраны никому не отпускали, даже в столовую. И добирались домой они с большими приключениями, после пересадки в Пятигорске, в вагоне с уголовниками – теми, кто освободился из заключения. Места в нем нашлись благодаря Како. Был он уже тогда необыкновенно сильным, выглядел старше своих лет, но никогда не дрался, только посмотрит – и этого было достаточно. И еще был очень добрым. В Горьком отдал нищему свою дневную норму хлеба. Тот от такого щедрого дара бросился обнимать его колени...

Главные успехи пришли к Мшвениерадзе в водное поло, которым он «заболел» на всю жизнь, летом 1936 года седьмым на всесоюзных соревнованиях сильнейших команд страны. По совету Луки Александровича Како переехал в Москву, причина была проста: в Тбилиси не было зимнего плавательного бассейна, пятимесячным перерывом в тренировках нечего было думать о дальнейшем росте мастерства. Он без колебаний вошел в коллектив московского «Динамо». На долгие годы став его капитаном и лидером.

Связи с домом, друзьями не терял, оставаясь с

дентом-заочником Тбилисского государственного университета. Диплом юриста получил перед самым началом Хельсинкской олимпиады. А годом раньше в Советский Союз для проведения товарищеских матчей прибыла сборная Венгрии по водному поло, лидер которой Иштван Сивош-старший вместе с Петром Мшвениерадзе делил лавры лучшего игрока всех поколений. Венгры, будущие олимпийские чемпионы 1952 и 1956 годов, проиграли две встречи и одну свели вничью. Старший тренер гостей Бела Райки перед расставанием сказал советским ватерполистам: «Играете вы уже хорошо, а иногда превосходно. Приятно, что появляется еще одна команда международного класса. Подчеркиваю, друзья: появляется, а не появилась. Я не сомневаюсь в том, что вы станете большими мастерами и многого добьетесь... Возможно, вы завоеуете сердца и симпатии болельщиков... Но важнее завоевать... судей, а это – долгая история. Судей и в нашем виде спорта завоевывают годами». Слова Бела Райки оправдались очень скоро – на Олимпиаде. Они заняли всего лишь седьмое место, хотя сам Мшвениерадзе считал: могли по классу игры рассчитывать на третье. Но класс – не всегда фактор решающий, мало еще было у них опыта. К тому же их авторитет у судей был еще не высок, что в водном поло, как и в фигурном катании, решает многое.

Так рассуждал Петр Яковлевич, который в Мельбурн приехал опытным мастером, с острейшим чувством голевой позиции. Ожидания тренеров оправдал сполна, будучи выдвинутым на главное направление – завершать атаки неотразимыми бросками. В паре с Нодаром Гвахария они составили тандем, грозный для лучших вратарей мира. До последнего дня соревнований тренеры команд соперников не могли разгадать, откуда грозила опасность их воротам: стоило защитникам сосредоточить внимание на Мшвениерадзе, как развязывались руки и становился неуправляемым Гвахария. 11 мячей было на счету капитана и дирижера команды, еще семь провел

Нодар. На счету грузинского тандема было 18 мячей из двадцати одного, забитого советской командой Мельбурне. И будь она чуть опытнее и везучей, пострадала бы от судейской необъективности (в матче с победителями олимпийского турнира – венгров – шведский арбитр уже на первых минутах назначил два спорных 4-метровых штрафных – ватерпольный пенальти – и удалил нашего игрока), бронзовые медали могли быть другого достоинства. Но без этого успех был налицо – советская команда утвердилась в «большой четверке» ватерпольных грандов, капитан Мшвениерадзе стал заслуженным мастером спорта.

Бронзовую медаль Мельбурна Мшвениерадзе получил на серебро Римской олимпиады, а могла бы быть золотая. Он многие годы не мог простить себе эту завоеванную олимпийскую победу.

Петр Яковлевич вспоминал: «Мы ехали в Рим с твердой и обоснованной верой в наивысший успех. И игроки, и тренеры считали, что собралась лучшая за все времена национальная команда. В расцвете был Вячеслав Куренной, универсальный игрок, блестяще владевший техникой, импровизатор, изобретатель, выдумщик... Окрепши, набрали опыта, отлично выглядели в команду молодые Юрий Григоровский и Илья Чикваная. Четвертый год играл в сборной Анатолий Карташов... Прочно утвердились в коллективе нападающий Владимир Семенов и защитник Виталий Агеев. Функциональные тесты говорили о том, что физические кондиции команды – самые высокие. Все же подтвердили контрольные игры».

Но проиграли они хозяевам Игр, с которыми до этого встречались трижды и побеждали каждый раз с разницей в 6-7 мячей. Класс уступил место благодушию, которое незаметно вползло в их души – не увидели они, что перед ними совсем иная команда, которая к тому же из «большой четверки» никто не исключена. Да и голкипер России в тот день творил чудеса, чем скажешь о нашем многоопытном Борисе Гойхмане.

Жаль... Счастье было так близко. И как тут не вспомнить события в римском «Бассейне роз», за которыми с трибуны наблюдал Лери Гоголадзе, блистательно прошедший финальную игру с венграми. Перед игрой с итальянцами на тренерском совете спор, кого ставить в ворота: 41-летнего Гойхмана или Гоголадзе, который на двадцать лет его моложе, решил в пользу старшего. Так наши тренеры фактически открыли итальянцам путь к золотым медалям.

В 35 лет Петр Яковлевич ушел из спорта в зените славы – заслуженным мастером спорта, десятикратным чемпионом страны, утешая себя тем, что мы продолжаемся в сыновьях. Нугзар родился в 52-м, в год Хельсинкской олимпиады, Георгий – в 60-м, когда отец играл матчи олимпийского турнира в Риме. «Олимпийские у тебя дети», – шутили друзья, догадываясь об отцовском желании вырастить их большими спортсменами. Нугзар уже в 1972-м мог стать олимпийским чемпионом, но места для него в команде не нашли. Однако уже в следующем году он стал вице-чемпионом мира. Но кто удивлял в семье больше, так это младший сын Георгий, родившийся, по словам Мшвениерадзе-старшего, буквально в ватерпольной шапочке. Стоило кому-то из взрослых отлучиться, как он превращал комнаты в спортивный зал и начинал колотить мячом о стены, оставляя на них вмятины. «Как ты, мама, не понимаешь, что я должен научиться играть лучше отца, лучше Нугзара. Увидишь, у меня будет очень сильный удар».

Это было сказано будущим олимпийским чемпионом, заслуженным мастером спорта, который вырос в нападающего, совершенно не похожего на других, с удивительно загадочным ударом, каждый раз заставлявшим голкиперов врасплох.

«Георгий унаследовал от меня и старшего брата, – отмечал глава знаменитой ватерпольной династии Мшвениерадзе, – все лучшее, оставив нетронутыми наши недостатки».

«Я знаю иных отцов, – продолжал он, – в прошлом

известных спортсменов, так и не пожелавших уви-
в детях свое продолжение: «Слишком велики были
держки сил и времени». Я этих отцов не осуждаю
каждого своя жизнь, свои взгляды. И свои издержки.
Знаю только, что спорт помог мне познать себя.
могает и детям. Они выросли мужчинами. Верю,
их ждет интересная, полнокровная жизнь».

Он работал в Академии МВД СССР, преподавал
уголовное право вплоть до 1992 года. Раз или
в неделю по пути на работу доцент Мшвениер
заезжал поплавать в динамовский бассейн, по
кресеньям обязательно играл в футбол, со све-
давно сложившимся коллективом. Так продолжал
годами, и все это время он был на виду и, глядя
сыновей, чувствовал себя молодым. И оставался
них примером, эталоном мужества и силы. Как в
далеком случае, о котором когда-то рассказал.

«В каком же это году было? Ну да, Нугзар еще
ходил в школу. Стало быть, в 57-58-м. Мы тогда е-
на сборах, на Черноморском побережье Кавказа.
Время летнее, многие из нас приехали с семьями.
И вот в один из редких свободных дней вместе с
женой Нателой, сыном Нугзаром и моим товарищем
по сборной Валентином Прокоповым выбра-
ли на озеро Рица. Был жаркий день, и яркое сол-
нце и ослепительные снега гор, и сказочно прозрач-
ная вода. На берегу гуляло много людей. Однако ни-
кто и в голову не приходило искупаться, все-таки че-
ловек или пять градусов. Нам с Валентином тем более.
Мы были спортсменами, для нас простудиться озна-
чало нанести вред команде... И вдруг мой Нугзар прои-
т: «Папа, а неужели ты не сможешь здесь искупаться?»
- «Папа такой же человек, как и все, - одернула
Натела. - Ему тоже сведет ноги судорогой и...»
стань, Нугзар!» - «Не-ет, папа может все, - воз-
радовался сын. - Ты же всегда говорила, что папа самый сил-
ный и самый смелый».

И тогда я понял, что отступать некуда. Будь э-
тот сын, а кто угодно другой, не придал бы этим сл

значения – не люблю ухарства. Я начал раздеваться. «Подожди, я с тобой», – сказал вдруг Валентин. Мы вошли в воду. Обожгло щиколотки, колени, бедра. Поплыли. Ни словом не обмолвились о том, далеко ли, долго ли, где повернем обратно. Мы плыли. Молча, потому что раскаленные иглы вонзились в грудь и едва позволяли дышать. Мы плыли, а противоположный берег будто и вовсе не приближался. На середине озера я не остановился, а продолжал так же энергично работать. Прокопов не отставал. Мы плыли...»

Вот и берег. Они вышли из воды, обернулись. Петр Яковлевич заставил себя улыбнуться. И тут увидел, что с противоположного берега к ним несется катер, а в нем смертельно бледная Натела и довольный Нугзар. «Петр, – сказала жена, – только об одном прошу тебя: не нужно обратно вплавь. Ведь ты уже все доказал Нугзару, правда, сынок?» – «Конечно, доказал, – засмеялся сын. – Ты самый сильный и самый смелый. И дядя Валя тоже».

Этот удивительный рассказ сам заключает удивительными же словами: «Никому не посоветую следовать моему примеру. И для меня это был исключительный случай. Та победа далась мне не менее дорогой ценой, чем любая другая, в теплой воде бассейна».

Именно этот случай вспомнился мне, ярко высивтив характер этого великого спортсмена и человека, когда 3 июня 2003 года пришла в Тбилиси трагическая весть: в Московском институте гематологии скончался на 75-м году жизни от острого лейкоза Петр Мшвениерадзе, заставившая сжаться сердца его друзей и знакомых. Вспомнил я, как годом раньше осенью приехал он в родной город, когда Нугзару исполнилось пятьдесят; и рассказ его друга на протяжении всей жизни Владимира Гоиашвили, президента Федерации водных видов спорта Грузии, как приезжал Петр Яковлевич в Тбилиси каждый год, шел поклониться могиле матери, а потом к месту бывлой купальни, к водноспортивному комплексу «Лагуна Вера», и как

бы ни спешил, всегда входил в воду и долго возил с малышкой, терпеливо раскрывая ей секреты и известные ему одному. Как выкроил время и посетил гостеприимный дом Нины Дроновой, увидел у нее мою еще пахнущую типографской краской книгу о выдающихся спортсменах Грузии «Гром побед», украшением которой сам являлся, и увез с собой Москву.

Похоронили Петра Яковлевича на Троекуровском кладбище. Друзья из Тбилиси привезли землю с могилы мамы – Надежды Семеновны – и еще с того места на правом берегу Куры, где была купальня, откуда они шагнули в большой спорт. «Теперь эта земля всегда с нами» – эта горькая фраза прозвучала за поминальным столом, в кругу самых близких людей, которых Петр одалжил дружбой, и достойных ее.

Его называли Петром Великим и еще Пеле водного поло. А он был Петром Мшвениерадзе – великим в спорте и по жизни. Из поколения тбилисских мальчиков, опаленного войной.

ВРАТАРЬ СТАЛИНА

«Нашли себе занятие – двадцать дураков гоняет за одним мячом, – отводил душу отец, придя с работы – Ты только скажи, каждому куплю по мячу». И Яков по улице Маяковского, мимо сада Муштаидзе увидел через ограду тренировочного поля динамовского стадиона футболистов и в воротах сына, Миши Якова можно понять, сам он известный альфрейши, сыну того желал – получить профессию, приносящую достаток в семье и уважение соседей. Однако особого открытия в тот день не сделал, знал, почему родители не заживают ссдины на коленях сына – нелегко встать на дворовом асфальте прыжки по дорожкам Шура Дорохов, страж динамовских ворот и куратор тбилисских мальчишек 30-х годов, часто захажи

к другу, футболисту Сергею Кузьмину в их дом N73 на Николаевской-Калинина улице. Это сегодня, лишенная трамвайных путей и деревьев, она безголосая и обнаженная, как фабричная номинантка. А тогда звенела тревожной трелью знаменитая десятка – строченный трамвай, на котором ехали на стадион в дни футбола. Во дворах подрастала смена футболистов и баскетболистов, мальчишки довоенного поколения были универсалами, имели разряды по нескольким видам спорта, осваивали кодекс честности. В силу его дворовые команды составлялись примерно равными. Именно тогда будущие чемпионы впервые начинали задумываться, чего они стоят, кого в первую очередь выбирают капитаны, как через несколько лет отбирали в разведку. Мишу, самого младшего и худого, ставили в ворота, хотя ему больше по душе самому забивать.

Пройдут года, и легендарный вратарь Михаил Пираев на мой вопрос, кого из своих коллег он особо выделял – Хомича, Леонида Иванова, Маргания, Яшина, Серго Котрикадзе – после долгой паузы говорит: «Все же Дорохова. Его превосходил, пожалуй, московский спартаковец Жмельков, он потом еще играл за тбилисский «Спартак» и ТОДО».

Я сижу в доме Михаила Яковлевича, и наша беседа за рюмкой золотистого коньяка, как мяч катится вдоль кромки футбольного поля, то убыстряется на крутых горках, на которые так была щедра жизнь его поколения. От дворовых команд и матчей, сыгранных на пустырях и ипподроме, до стадионов Англии, Венгрии, Бельгии, Болгарии, Польши, Турции, где его мастерство заставляло подниматься в едином порыве трибуны.

Семь городов Древней Греции спорили за честь считаться родиной Гомера. За Михаилом Пираевым в Тбилиси приезжали «сваты» из футбольных команд Москвы, Ленинграда, Ростова, Минска, Баку, Риги, Еревана... Всего числом более десяти. Его выбор остановился на Москве. Но это особая история, тра-

гическая в его биографии.

В конце 37-го арестовали его сводного брата рама (мать вышла замуж за вдовца с малолетним сыном). Выпускник партшколы Аврам быстро пошел на повышение: заворг райкома партии, председатель райсовета имени 26 Бакинских комиссаров... Миша вспоминал, как пришли они с братом на улицу, а в доме у брата непрошенные гости в синих фуражках простукивали стены, разгребали печную золу, откладывали в сторону книги, конспекты, записки. Наконец, закончили обыск – позвонили тому, кто их прислал. «Пусть сдаст партбилет... потом разберемся». Так Лаврентий Берия сдал своего выдвиженца без которого не обходился ни на охоте, ни на рыбалке. Отец многие годы обращался во все инстанции, и везде получал один ответ: десять лет без права переписки. Тогда Мише сказали: «Поезжай в Москву, к Василию Сталину, командующему ВВС Московского военного округа, он шеф футбольной команды летчиков и может узнать о судьбе брата».

Миша к тому времени в составе тбилисской «Спартак» завоевал право играть в первой лиге союзного первенства и звание мастера спорта. Повезло – выступая за команду 31-го завода, попал на глаза Андро Жордания, гению селекции, которому удалось создать молодежный коллектив, со своим неповторимым почерком игры. Первый сезон принеся второе место в закавказской зоне класса «Б», а во втором – они закончили победителями зоны и финалы турнира в Ростове за единственную путевку в высший футбольный свет.

Однако, в 1950 году играть за родной «Спартак» Мише не пришлось. В Тбилиси командировали министра команды ВВС, бывшего футболиста Юрия Канунникова. Приехали в правительственный особняк на Гоголевском бульваре, в резиденции Сталина-младшего. Василий Иосифович испытательно смотрит на гостя: «Хочешь играть в ВВС? При каких условиях». Тогда новобранцы просили у всемогущего

хозяина квартиру на улице Горького. Пираев: «Мне ничего не надо». Василий Иосифович обращается к находящемуся в кабинете старшему тренеру Гайозу Джеджелаву: «Кого это вы привезли?» Миша объяснил великую просьбу семьи. Сталин: «Я знаю. Сейчас позвоню, и тебе сообщат, а пока иди в финчасть, получи аванс». Скоро Миша узнал, что брата расстреляли через семь дней после ареста. Время идет, а Мише тянут с оформлением. В команде без него четыре вратаря: заслуженный мастер спорта Акимов, Пучков, Архаров, Корсаков. И Тбилиси открепления не дает – их «Спартак» играет в первой лиге. Приехал в Москву брат Володя, огорошил с порога: «Нашу семью выселяют в Казахстан». Пираев рвется на прием к шефу, он деньги получил, а тот занят.

Миша решает вернуться в Тбилиси. Во Мцхета на станции в его вагон поднимается Борис Пайчадзе, вместе едут в министерство госбезопасности. Николай Рухадзе предлагает: «Или играешь за тбилисское «Динамо» или за алма-атинское. Выбирай». Можно сказать, приставил к стенке. Дали Мише заполнить анкету, из министерства – в аэропорт. В Адлере тбилисские динамовцы тренируются. А в семье Пираевых новая трагедия – Володя застрелился. До этого его исключили из института, не сообщил перед поступлением, что брат «враг народа».

В Адлер Миша приехал утром, самолет их улетел. Смотрит: догоняют его на мотоцикле. Готовят самолет. Взлетели, самолет трофейный, грузовой, в его нутре бочки железные катаются. Адъютанты ругаются, а у Миши одна мысль: только бы живым долететь. На аэродроме ждала машина. Адрес знакомый – Гоголевский бульвар, 7. Адъютанты не хотят подставляться, шеф злой, волейболисты ВВС провалили первый круг первенства страны. Тянут жребий со спичками кому ехать – не повезло Капелькину. Приехали. На столе графин с водкой, огурцы. Сам разговаривает по телефону с Романовым. «Заходи, беглец, садись». Пираев: «Не хочу играть. Дома родители еле живые, высылки

дожидаются». Василий Иосифович: «Соедините меня с Рухадзе».

На дворе ночь. Минут сорок искали министра. Василий Иосифович командует: «Капитолина, подай гостю чистый стакан» - «Я не пью, спортсменам нельзя» - «Возьми, тебе говорят». Граммов сто заставил выпить. Наконец, в трубке слышно: «У аппарата Рухадзе» - «Говорит генерал-лейтенант Сталин. У тебя там в Грузии советской власти нет?» - «Это все болельщики, товарищ генерал».

Начальники ни о чем не договорились в этом нервном разговоре. Тбилиси так просто Пираева уступать не собирался. Как-то приехал в Москву Борис Пайчадзе. Сталину-сыну доложили о его приезде. Устроил он банкет, на котором сказал: «Я большой поклонник тбилисского «Динамо», но дважды в сезоне желаю ему поражения - во встречах с ВВС. А Пираева не отпущу. Вот Акимова хоть сегодня забирайте».

Пайчадзе вернулся домой с невыполненной миссией, а Миша остался в ВВС. Ошибаются те, кто считают ее командой-середнячком, вряд ли середнячку удалось занять 4-е место в чемпионате 1950 года. А летчики сумели, лишь два очка отделяли их от бронзового призера тбилисского «Динамо». Гайоз Иванович Джеджелава помог многим игрокам раскрыть свои возможности. И набор игроков был звездный: Бобров, Башашкин, Крижевский, Шувалов. Первые двое выступали в драматичном матче олимпийского турнира-52 со сборной Югославии; проигрывая 1:5 за четверть часа до истечения основного времени, сумели с товарищами сравнять счет в поединке, названном потом матчем Сталин-Тито. Во втором, решающем матче с югославами чуда не произошло. Проигравших на ленинградском вокзале ждал пустынный перрон. И совсем уж страшным было решение о расформировании ЦДСА, базовой команды сборной СССР.

Гнев вождя народов был страшным. Мише запомнилось совещание команды, когда зазвонил телефон хозяина кабинета. Василий Иосифович поднял трубку

и стоя выслушал разнос отца – нет, не имели права «сталинские соколы» проигрывать московским динамовцам и так бездарно. Первым осторожно, бочком вышел из комнаты Коршунов, за ним – другие, избегая встретиться глазами с шефом, который сейчас мало походил на командующего, поднявшего во время парада, вопреки запрету, свой авиаполк над Красной площадью.

После смерти Сталина Пираев пригласил в московский «Спартак» его тренер Абрам Дангулов.

Вспоминает Никита Симонян: «В начале пятидесятых годов, после расформирования команды ВВС, к нам пришло несколько игроков, которые оставили заметный след в истории «Спартака». Среди них был Михаил Пираев, вратарь. Худой, тоненький, как тростинка, мощи – кожа да кости. Ему довольно сложно было играть на выходах, но зато в воротах мгновенно взлетал за мячом в верхний угол, мгновенно доставал его в нижнем... В команде Мишу любили. И за чувство юмора, никогда не изменявшее, и за кристальную честность, порядочность».

Патриарх отечественного футбола, олимпийский чемпион Никита Симонян пишет в книге «Футбол – только ли игра?» о своем старшем друге: «В Тарасовке прямо за стадионом начиналась сосновая роща. Иногда мы делали в ней зарядку под аккомпанемент крикливых галок. Однажды, едва несколько галок слетело на землю, Миша совершил молниеносный бросок и выпрямился с птицей в руках. Повертел ее, показал нам и выпустил. А однажды, к нашему изумлению, схватил сразу двух петухов – такая поразительная реакция».

Это важнейшее для вратаря качество у Миши тоже от Дорохова.

Другой знаменитый спартаковский голкипер Владимир Маслаченко, поздравляя Мишу с 80-летием в 2001 году, назвал его одним из лучших вратарей советского футбола 50-х годов. Достаточно вспомнить триумфальные для «Спартака» 1953-54 годы, которые

принесли Пираеву золотую и серебряную медали чемпионата страны.

О спортивной доблести Пираева говорят поездки «Спартак» в 1954 году в Бельгию и Англию, где москвичам противостояли мастера англо-саксонской школы. Бельгийцев-профессионалов из «Андерлехта» и команды Льежа ожидал разгром: гости выиграли 7:0 и 5:2.

Теперь предстояли матчи с более сильными англичанами. 9 ноября – со знаменитым «Арсеналом». Место центрфорварда Томми Лаутона, который в 1945 году противостоял Хомичу, занял молодой Холтон. Уже в первые четверть часа Пираеву пришлось взять трудные мячи от Холтона, вышедшего с ним один на один, от Мильтона, Лоджа. И все же спартаковцы одержали победу – 2:1 (мячи забили Парамонов, Симонян, Лодж). После игры английские газеты назвали Пираева «русским чудом».

Через неделю их ждал лидер чемпионата Англии «Вулверхемптон Уондерерс» с капитаном сборной Билли Райтом. Клуб, который никогда не проигрывал иностранцам на своем поле. Если в первой половине москвичи отстояли свои ворота, то после перерыва игрок сборной Англии Уилшоу поразил цель. В последние пятнадцать минут спартаковская защита еще трижды наказывалась за свои ошибки. Англичане поместили в газете обидный шарж: «Спартак» всей командой удирает в сани, за кучера – Пираев, а за ними гонятся волки. Тем не менее англичане дали высокую оценку игре москвичей. Газета «Стар»: «Ни одна из приезжавших в Англию иностранных команд не производила столь хорошего впечатления, как московский «Спартак».

Через год в Москве спартаковцы взяли реванш – «волки» проиграли 0:3. Повторилась история с карикатурой, только на этот раз уже волки бежали от них, на облучке саней – все тот же Пираев. «Волки забрели в русский лес и безнадежно растеряли всю стаю», – писала лондонская «Дейли миррор».

Еще одна памятная встреча сборной Москвы с футболистами Венгрии. В воротах – молодой Яшин, запасной вратарь – Пираев. Увидев его, Пушкаш поспешил навстречу: «Мишка!» Оба вспомнили недавний товарищеский матч при открытии «Непштадиона» 20 августа 53-го года. За будапештский «Гонвед» выступали почти все игроки сборной Венгрии, шесть олимпийских чемпионов Грошич, Лорант, Божик, Кочиш, Пушкаш, Цибор. И «Спартак» был великолепен: вратарь – Пираев; защитники – Тищенко, Башашкин, Седов; полузащита – Паршин, Нетто; нападение – Парамонов, Бобров, Симонян, Дементьев, А. Ильин. Им противостояли футболисты, в то время сильнее в мире, которые в незабываемых двух матчах Англия-Венгрия победили родоначальников футбола с общим счетом 13:4.

«Тогда в Будапеште мы проиграли, – вспоминал Михаил Яковлевич, – на голы Седова и Симоняна венгры ответили тремя. И очень досадно, что радиокomentатор Вадим Синявский обратил свою критику против меня. Надо было ему как-то объяснить неудачу советских футболистов. Целый год потом от меня бегал.

Не могу не сказать добрых слов о Симоняне. Это был исключительно корректный, я бы даже сказал, вежливый игрок. Но как только возникал голевой момент, он моментально преображался, делал мощный рывок и неотразимо бил по воротам. Бывало, подойдет и спрашивает: «Деньги тебе не нужны?» Я уже знал: как-то он одолжил мне – и забил сборной Чехословакии два мяча. «Андерлехту» – четыре в одном матче, правда, без моей помощи.

В конце сезона 1954-го мы с Симоняном отдыхали с семьями в Кисловодске. Приехала за мной делегация из Грузии, приглашают играть за тбилисское «Динамо». У вас Маргания, говорю. Все же уговорили. Три года поиграл в команде, переживавшей кризис после естественной смены состава. Кроме Маргания, были еще вратари: Кития, молодые Анзор Кавазашвили и

Серго Котрикадзе уже заявляли о себе. Успел сыграть за сборную Грузии на I Спартакиаде народов СССР в 1956 году, выиграл в ее составе серебряную медаль. Из большого футбола ушел в 1957 году – на тренерскую работу».

Расстался он с футболом довольно неожиданно. 4 июля «Динамо» принимало «Галатасарай» из Стамбула. Перед игрой динамовскую базу посетил руководитель республики Василий Павлович Мжаванадзе и говорит: «Когда приезжаю в Москву, в ЦК спрашивают не про чай и виноград, а про футбол – что происходит с вашим «Динамо»? Мжаванадзе поспешили заверить: «Непременно выиграем». Но проиграли 2:3. И «виновники» нашлись – Маргания, Зазроев, Пираев. Дескать, оказались недостаточно подготовлены. Правда, потом решение отменили, но Михаил Яковлевич посчитал, что пора закрывать свой лицевой счет: ВВС – 1950-52 гг., 32 игры; «Спартак» (Москва) – 1953-54 гг., 28 игр; «Динамо» (Тбилиси) – 1955-57 гг., 22 игры.

Этот человек, разменяв девятый десяток лет, член совета старейшин Ассирийского национального конгресса Грузии, остался скромным и обаятельным, каким его все знали и любили. Никогда не забывал, что его номер первый, что выходил он на игру, становясь рядом с капитаном. Я представил его молодого в воротах, которые никогда не казались ему большими. На него накатываются волны атак самых знаменитых бомбардиров, а он чувствует себя в родной стихии, часовым у ворот. Право же, неплохо звучит. И напоследок, спрашиваю, кто создавал для него наибольшую опасность на поле. «Конечно, Бобров», – отвечал уверенно. Трижды Бобров перенес операции коленных суставов, получил тяжелое повреждение грудной клетки, ходил весь перебинтованный, но никогда не жаловался, не таил зла на обидчиков. Был велик на футбольном поле и хоккейной площадке. Обладая поразительной реакцией, мог угадать наивыгоднейшую позицию для взятия ворот. «Помню, в трениро-

вочной игре выходит он против меня. я уже заранее предупрежден – осторожно играть против Боброва на выходах, недолго нанести ему травму. Выхожу из ворот и забираю мяч в его ногах. Он только начинал свой знаменитый прорыв и все потом допытывался, как я разгадал его движение».

Слушая рассказ Михаила Пираева, я, может быть, впервые прочувствовал справедливость слов «часовой у ворот», как бы банально они ни звучали.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ТБИЛИСЕЦ

«Напишите о Рафаэле Чимишкяне, – сказала мне Нана Мchedlishvili, супруга Левана Тедиашвили. – Почему вы этого до сих пор не сделали?» «В самом деле, почему?» – думаю я растерянно. Чимишкян не прост, при малом своем росте в спорте великан, человек-гора. И иду я к нему долгие годы, как к заветной вершине, к которой без основательной подготовки не подступишься. Я иду к горе, и гора – ко мне, как к тому пророку. Чимишкяна с Тедиашвили водой не разольешь, благо живут по соседству. Когда встречаются и идут вместе, кажется улица тесной для двух олимпийских чемпионов. Заслуженных мастеров спорта и заслуженных людей, Почетных граждан города Тбилиси.

Сказать, что Рафаэл родился в Тбилиси, значит ничего не сказать. Родился он в историческом его центре, на Земмеле, на тихой улочке Габашвили, вобравшей в себя его тепло и свет. Родители – Аркадий Чимишкян и Нина Беридзе – в своих мечтах видели Рафика сильным, честным, не чурающимся труда, исполненным собственного достоинства – настоящим карачохели, цветом города. Но до признания его таковым еще как далеко!

Черноглазый мальчишка с упоением гоняет мяч на улице, завидуя славе Бориса Пайчадзе, бегают к цирку,

в парк, еще не поредевший под натиском закусовых и ресторанов, борется с ровесниками по правилам, когда побежденного одетым купали в бассейне, именуемом купальней, лазит по тутовым деревьям, набивая рот иссиня-черными ягодами, весомой витаминной добавкой к несытому военному детству. И уже близок день, когда он присел в своем дворе над штангой, о которой сегодня вспоминает с улыбкой, играючи вскинул над сильными руками и, победно бросив наземь, увидел изумленные глаза соседа, актера киностудии «Грузия-фильм» Ваню Туришвили, который все это время отгонял его от самодельного своего спортивного снаряда, – не надорвался бы парнишка!

Выбор был сделан. 17-летний Рафик идет в динамовский тяжелоатлетический зал на улице Бесики, к дяде Павлику, который пока не заслуженный тренер СССР Павел Гумашян. Прощайте детские игры! Рафаэл включается в железную игру настоящих мужчин, которая через пять лет приведет его к триумфу в Хельсинки.

За два дня до отъезда из Выборга, где советские штангисты проходили акклиматизацию перед Олимпийскими играми, случилось то, что не мог бы придумать самый изобретательный сценарист. Чимишкян заболел воспалением легких. И оказался в санитарном вагоне, в хвосте поезда, увозившем спортсменов в Хельсинки. Его соседом по купе был Арсен Мекокишвили, неожиданно подвергшийся атаке аллергии. Весь разрисованный зеленкой, 40-летний богатырь стеснялся выходить в коридор. «Не переживай, дядя Арсен, – говорил ему Рафаэл. – До Хельсинки все пройдет» - «А я не переживаю, – отвечал он. – В таком виде больше внушаю страх соперникам. И запомни, едем мы с тобой в последнем вагоне, а возвращаться будем в первом».

Мекокишвили еще в дороге всерьез подумывал об олимпийском золоте. А Рафаэл температурил. В самый неподходящий момент и месте – в Отаниеми, на берегу моря, в восьми километрах от финской

столицы, переживал за товарищей, которые уже начали борьбу. За неделю до выхода на помост тренеры разрешили ему тренировки с малым весом. Главврач советской спортивной делегации уроженец Тбилиси Жора Куколевский распорядился, и Чимишкяну выдают в пищеблоке все самое вкусное. Постепенно возвращается сила. А он беспокоится, выпустят ли на помост его тренеры, не повторится ли парижская история двухлетней давности.

О ней вспоминал другой выдающийся советский тяжелоатлет – олимпийский чемпион в Мельбурне (1956) и Риме (1960), заслуженный мастер спорта и доктор медицинских наук Аркадий Воробьев.

Ночью Аркадия Воробьева разбудил какой-то странный звук. Он открыл глаза и увидел: Чимишкян, с которым они жили в одном номере гостиницы, поднялся с постели, походкой лунатика пересек комнату и остановился возле стола. Пошарил рукой по скатерти. Потом забулькала вода – откинув голову и не открывая глаз, Рафаэл прямо из графина пил воду. Воробьев бросился к нему. «Стой! Что ты делаешь?! – закричал он, тормоша друга за плечо. – Тебе же через несколько часов взвешиваться».

Рафаэл вздрогнул от окрика, открыл глаза. Пальцы его разжались, графин, ударившись об пол, разлетелся на мелкие кусочки. Рафаэл молча стоял и смотрел невидящим взглядом на Воробьева.

Потом он рассказывал: «Полночи мучился. Где-то шумит вода, а я слушаю и не могу уснуть. Наконец, задремал. Вижу – вокруг лес, журчит ручей. Прозрачный, холодный... А мне хочется до смерти пить... Пошел к ручью и стал пить».

Сейчас самое время объяснить природу этой великой жажды. В 1950 году на чемпионат мира в Париже не заявили нашего штангиста легчайшего веса ростовчанина Ивана Удодова, который в войну ребенком оказался на оккупированной территории.

Вес «оголился». Тренеры, ходившие мрачнее тучи, думали, как произвести срочную перегруппировку

сил. Решили просить полудегковеса Чимишкяна экстренно согнать семь килограммов и перейти в легчайший вес. Задание, прямо скажем, архисложное даже для тяжеловеса. Чимишкян согласился. За сутки до выхода на мировой помост отправился в парную, просидел там несколько часов, но вес до требуемого предела не согнал. Нечего ему было сгонять. Наутро, после ночного происшествия в гостинице, он все еще весил на полтора килограмма больше нужного. А времени до взвешивания уже не остается. Тренеры повторно отправляют штангиста в преисподнюю жаркой парной... За несколько минут до взвешивания Рафаэла под руки привели в судейскую комнату. Стрелка весов закачалась и показала норму!

Воробьев вспоминал: «Не Чимишкян, а мощи его вышли в тот день на помост. Но в нем жил неукротимый дух бойца. Рафаэл отчаянно сражался с феноменальным иранцем Махмудом Намдью, проиграл, но, право, чистым золотом отливала в наших глазах его серебряная медаль».

Добавим от себя, что, готовя Рафаэла к решающей схватке, тренеры забыли в гостинице его вещи, выступать пришлось в чужих ботинках, великоватых для него, и в чужом костюме. Его выступление назвал героическим Яков Куценко – еще один легендарный штангист, с именем которого связана целая эпоха в развитии отечественной тяжелой атлетики. Рафаэл, хотя и был вторым, но мировой рекорд в рывке все же установил.

Оно стало предподией славы железного тбилисца, к звездному часу в олимпийском зале «Мессухали-2», где соревновались штангисты.

«В Хельсинки лояльность Удодова к советской власти подозрений не вызывала, – рассказывает Рафаэл Аркадьевич. – Он выиграл золотую медаль в легчайшем весе, до того, как мы с Николаем Саксоновым, армейцем из Свердловска, вышли на помост. Реальную угрозу представлял чернокожий атлет Уилкс, единственный представитель Тринидада на

Играх, серебряный призер Лондонской олимпиады. Кроме нас, в полулегком весе заявлены 19 атлетов. Наставники сборной хлопочут вокруг Саксонова, дают советы: старший тренер Николай Шатов, личный тренер армейца Яков Куценко, врачи, массажисты. Я остаюсь в разминочном зале один, как сирота. Я и мой тренер в сборной Израиль Механик.

Надо сказать, что первое соревнование у Саксонова уже выиграл – на взвешивании, я легче, и это определяет тактику борьбы. Первое упражнение – жим – проходит нормально. Уилкс выжимает 100 кг, я – 97,5 и опережаю на 2,5 кг Саксонова.

Время позднее – далеко за полночь. Уходит последний автобус в олимпийскую деревню. Ко мне приходят из зала Гиви Картозия и Вахтанг Балавадзе, желают победы. Картозия подходит первым, прикладывает руку к моей: «Мою силу – тебе».

В третьем подходе вырываю 105. Саксонов фиксирует тот же вес. Но за счет рывка выхожу вперед в сумме: у меня 202,5. У Саксонова, догнавшего Уилкса, – 200.

Все решит заключительное упражнение. Толчок – фаворитное для Саксонова упражнение. Он – мировой рекордсмен.

Готовлюсь к борьбе. И тут начинаются неожиданности. Тренеры заявляют для меня 130 кг. На тренировках я толкал 140. И сейчас энергично возражаю. Израиль Механик просит Шатова сообщить судейской бригаде, что мы пропускаем заявленный вес. Но на штанге по-прежнему 130. Меня вторично вызывают на помост. Мой подход удачен, штанга на вытянутых руках. Саксонов толкает 132,5. Мой тренер заказывает 135 – привычный для нас вес, но я так переволновался, что беру штангу на грудь и роняю. Сгоряча прошу Изю Механика пустить меня на 137,5. Но тренер убеждает остаться на прежнем весе. Подхожу к снаряду и, разгоряченный, как пушинку, взметаю его над головой. Теперь у меня в сумме 337,5 кг – новый мировой и олимпийский рекорды, что на

пять килограммов превышает высшее достижение египтянина Махмуда Фаяда, чемпиона Лондонской олимпиады.

Для победы Саксонову нужно толкнуть 140, и он поднимает штангу, но только на грудь. Остается у него последняя попытка. Я затаил дыхание. Но нет – предыдущая борьба измотала Николая, он весь выложился на предыдущих подходах.

Вот он сладкий миг победы. Ликующие и радостные, мы с Механиком выходим на награждение. Но меня не оставляет досада, результат в сумме троеборья мог быть выше, не будь наши тренеры так осторожны и рассудительны.

Теперь домой, в олимпийскую деревню. Сбросить груз огромной усталости, физической и нервной. Увидеться с друзьями, которые не спят, волнуются за меня. Возвращаюсь домой, как и подобает истинному тбилисцу, – с автомобильными гудками, насилию уговорив шофера автобуса нарушить покой уснувшей олимпийской деревни. У порога нашего дома вижу Гиви и Вахтанга. Они без слов понимают, что произошло. Картозия сажает меня себе на спину и кричит: «Наш малыш всех победил!» Мы совершаем круг почета вокруг здания. Я чувствую безграничную радость. Сияет улыбкой Картозия: «Видишь, помогла тебе моя сила». Утром на всеобщем построении советской спортивной делегации руководитель Спорткомитета СССР Николай Романов зачитал приказ о присвоении Рафаэлу Чимишкяну звания заслуженного мастера спорта. Одновременно звание заслуженного тренера СССР присвоили Павлу Гумашяну, к которому позже пришло новое признание – он стал заслуженным мастером спорта.

Спустя 45 лет Чимишкян попытался вернуть старый долг – пришел к обреченному другу Гиви Картозия в больницу, повторил эту удивительную фразу: «Мою силу – тебе». Не получилось. Не смог помочь.

Вспоминает сутолоку на железнодорожном вокзале перед отъездом из Хельсинки. Ищет в толпе

спортсменов знакомую фигуру Арсена Мекокишвили. А вот и он сам – спешит навстречу. «Можешь, Рафаэл, ничего не говорить. Мы с тобой возвращаемся в первом вагоне. Заслуженными мастерами спорта». И засмеялся, вспомнив свой прогноз.

Самым необычным соревнованием в своей спортивной карьере Рафаэл считает чемпионат мира 1958 года, когда его (чемпиона мира 1954 и 1955 гг.!) в очередной раз не включили в основной состав сборной команды страны. Исходя из каких-то своих, неведомых ему целей, руководство Федерации тяжелой атлетики и Спорткомитета СССР, как и два года назад на Олимпийских играх в Мельбурне, вместо Чимишкяна поставили в «основу» Евгения Минаева из Московской области, который снова проиграл Исааку Бергеру, полулегковесу из США. Самым обидным было то, что на родине, в Грузии, по радио его неучастие в чемпионате мира объяснили болезнью. Но это было ложью. Чимишкян был абсолютно здоров. И с блеском доказал это на следующий день после чемпионата, когда шах Ирана Реза Пехлеви, большой поклонник тяжелой атлетики, распорядился устроить вечер рекордов. Во дворце спорта, специально построенном для этого чемпионата. В том соревновании Рафаэл установил два мировых рекорда – в рывке и толчке. Особенно впечатляющим был его рекорд в толчке – 145 килограммов, что на два килограмма превышало прежнее высшее мировое достижение. Сам шах стоя аплодировал успеху выдающегося спортсмена.

За восемь лет в большом спорте Чимишкян истер ладони о сопротивляющийся металл. За одну тренировку поднимал 20-25 тонн. Попробуем представить на штанге такой гигантский вес. Попробовал я вместе с олимпийским чемпионом и долго мы проверяем друг друга. Получилось что-то за три тысячи тонн. Вспомнились увиденные по телевизору чемпионаты самых сильных людей планеты: могучих светловолосых великанов – шведов, финнов, американцев, канад-

цев, передвигающих, напрягая жилы, автобус. А тут не автобус – товарный железнодорожный состав.

Такова дорогая цена побед Рафаэла Чимишкяна – олимпийского чемпиона, двукратного чемпиона мира, шестикратного – Европы, десятикратного – Советского Союза, победителя третьего Всемирного фестиваля молодежи и студентов (Берлин, 1951), судьи международной категории, четырнадцатикратного рекордсмена мира, признанного лучшим штангистом Грузии XX века.

«Вы остаетесь моей путеводной звездой», – написал ему из Греции Кахи Кахиашвили, трехкратный олимпийский чемпион.

Свет этой звезды с годами не меркнет. Заслуженный работник физической культуры и спорта Грузии, кавалер орденов Знак Почета, Вахтанга Горгасала 2-й степени, Чести, Национального олимпийского комитета Грузии остается скромным и отзывчивым человеком.

И что удивляет – он не устал от железной игры, по-прежнему не расстается со штангой, она под рукой, рядом, и ей, как и хозяину, не тесно в трехкомнатной квартире, где Рафаэл Аркадьевич и Мария Суреновна вырастили четырех дочерей и внуков. Правда, некоторые живут не близко – в Москве и даже в Будапеште, но помнят завещанное Гиппократом и любимое штангистом-чемпионом: «Принимай чужую боль, как собственную». Эти золотые слова не грех помнить не только врачам. А их много. Только в семье Чимишкяна пятеро: три дочери и два зятя.

Живет чемпион скромно (хотя бы одна из этих медалей действительно была золотой!). А он не расстается с улыбкой и не всегда поймешь, когда говорит всерьез или шутит. «Лучше быть здоровым нищим, чем больным царем», – говорит мне и легонько толкает седой головой в плечо. Я держу удар и думаю, действительно ли это сказано Сократом и были ли нищие в древних Афинах.

Все-таки удивительный он человек, состоящий в

родстве с основателем армянского театра в Тбилиси Геворком Чимишкяном и в более дальнем – с византийским императором Иоанном Цимисхом, прозванным так за небольшой рост, с тувельку. Именно так это слово переводится с армянского. И долго мы оба вспоминаем свои армянские и грузинские корни, тесно сплетенные. И думаю я, как поднять на руки этот материал, удержать на узком помосте журнальной страницы. Наконец, толкаю на грудь, как стакан доброго грузинского вина, и говорю хозяину дома: «Мравалжамиер, Рафаэл Чимишкян!»

У КАЖДОГО В МЕЧТАХ ЭВЕРЕСТ

«О'кей! Мы его нокаутировали!» – сказал Эдмунд Хиллари вышедшему их встречать, и Джордж Лоу понял. Высшая точка Эвереста была достигнута штурмовой группой, и удалось это Хиллари и Тенцингу Норгею, которые сейчас, опираясь на ледорубы, с трудом переводили дыхание.

Несколькими часами раньше их отделяли от вершины всего 350 шагов. Отвесная скальная стенка перед целью. Подняться по ней можно по узкой расщелине. Хиллари, страшущий Тенцингом, сантиметр за сантиметром идет вверх, а потом протискивается и напарник. Еще несколько ударов ледорубов по твердому фирну – и двойка на вершине.

Великий миг. Первое чувство – огромное облегчение: не нужно больше рубить ступени, траверсировать гребни, словом, выполнять тяжелую работу, ради которой они пришли в Гималаи. Хиллари смотрит на Тенцинга, чье лицо закрывают капюшон, очки-консервы и кислородная маска со свисающими ледяными сосульками. Он оглядывает эту обитель богов, потом обнимает товарища, и оба долго хлопают друг друга по спине, пока не начинают задыхаться. На вершине нет ничего, что говорило бы о каких-либо следах Георга Лея

Меллори и Эндрю Ирвина, которых 8 июня 1924 года видели в последний раз в тумане на высоте 8600 метров, возможно, уже на обратном пути с вершины.

Было 11 часов 30 минут. Подъем по гребню занял два с половиной часа, но они показались вечностью. Хиллари выключил подачу кислорода и снял аппарат. Достал свою фотокамеру с цветной пленкой, которую нес под штурмовкой, сохраняя в тепле. Он заснял Тенцинга на вершине с поднятым вверх ледорубом, к рукоятке которого прикреплены на шнурке четыре флажка: Объединенных Наций, английский, непальский и индийский.

Под ними расстилалась горная страна: на востоке высилась громада Макалу, никем еще не обследованного и не покоренного, инстинкт опытного альпиниста заставил Хиллари потратить несколько секунд, размышляя о возможном пути на его вершину. Вдали, сквозь облака, угадывались контуры красавца Канченджанги, а вот и старый знакомый, с прошлого года, Чо Ойю. За ним грозной чередой уходили неизведанные хребты Непала. Он еще снял один кадр, и посчитал его большой удачей – вид с вершины вниз, вдоль северного гребня. Чувствуя, как постепенно становятся замедленными движения, а пальцы плохо подчиняются, торопливо надел маску. Тем временем Тенцинг вырыл небольшую ямку и положил немного продуктов: плитку шоколада, пачку печенья и горсть леденцов – скромный символический дар богам. И Хиллари последовал примеру напарника, вырыл углубление в снегу и поместил в нем небольшое распятие, которое двумя днями раньше передал ему Хант, попросив доставить до вершины.

Теперь следовало спешить вниз, к спасительным запасным баллонам под Южным пиком, поднятым сюда Чарлзом Эвансом и Томом Бурдиллоном из их экспедиции во время предыдущей попытки штурма вершины. Последняя проверка аппаратуры, а теперь вниз, к их ступеням, занесенным снегом и уже невидимым, к товарищам по команде экспедиции, которая

после тридцати лет неудачных попыток целого поколения альпинистов сумела взойти на Третий полюс планеты, крышу Гималаев 29 мая 1953 года.

И вот 11 марта 1963 года, через десять лет после первого восхождения, он стоял перед нами в редакционном кабинете «Вечернего Тбилиси», Тенцинг Норгей, знаменитый сирдар шерпов, сияя белозубой улыбкой, с жесткими непокорными волосами, очень скромно одетый; на первый взгляд, нет ничего в нем от великого альпиниста, который смотрел на снега Джомолунгмы (она же Сагарматха, Джумулангфенг) из окон своего дома в Дарджилинге. Именно так. Богиня – мать Земли – просто пик-15, больше известна среди европейцев эта гигантская пирамида горы, как Эверест – в честь полковника Джорджа Эвереста, начальника британской геодезической службы в Индии.

И все-таки это он в компании с Хиллари шел, выражаясь альпинистским языком, «как бомба», и выбран был сэром Джоном Хантом – руководителем и душой счастливой британской экспедиции, по гораздо более важной причине – как шерп, сын сильного и неустрашимого народа, который десятилетиями работал с альпинистами всего мира и погибал на Горе. Задолго до его приезда в Грузию и редакционной встречи мы знали о нашем госте, участнике почти всех экспедиций на Эверест, начиная с 1935 года, по книге «Тигр снегов» Д. Ульмана, как о человеке с четырьмя легкими и двумя сердцами.

Мы не задали Тенцингу традиционного вопроса журналистов, кто же первым из них вступил на вершину. Хиллари в таких случаях признавался: «Я не хочу говорить газетчикам, что это был я, это звучит бахвальством». Вот уж поистине, по секрету – всему свету. Простим эту маленькую слабость великому альпинисту, удостоенному английской королевой дворянского звания. Но вспомним, что писал сэр Хиллари в своем дневнике, описывая последние метры ледового штурма, когда они преодолевали предвершинную расщелину: «Укрепившись на уступе, я подал знак Тенцингу, чтобы

он поднимался. Я стал изо всех сил тянуть веревку, а Тенцинг, извиваясь, полз по трещине, пока, наконец, не очутился наверху. Он лежал задыхаясь, обессиленный, подобно гигантской рыбе, только что вытащенной из моря после ожесточенной борьбы».

Конечно же, Хиллари, лучший альпинист в экспедиции Ханта, имел право выбора напарника. Охотнее всего он пошел бы наверх с новозеландцем Джорджем Лоу, своим земляком и другом. Но Тенцинг, успевший поработать на Эвересте семь раз, показал себя самым выносливым в команде. От склада Ханта на высоте 8 300 метров он нес вверх запасные баллоны с кислородом, палатку и продовольствие – общим весом более 30 килограммов!

Мы спросили у Тенцинга напоследок: «Почему люди ходят в горы? Ведь иногда они не возвращаются». Он ответил: «Люди ходят в горы, потому что горы стоят». В этих словах мы услышали силу и уверенность первовосходителя, гордого за свои горы и уверенного в том, что их нельзя покорить. Лишь самые смельчаки могут испытать в них свои силы, но не любить их, не уважать их нельзя, горы не возвращают самоуверенных и с недобрый сердцем.

Тенцинг в то памятное лето приехал погостить в Грузию, где десятилетиями вырабатывалась своя альпинистская школа и отличный от других стиль, который позволяет ее представителям не просто подниматься в горы, а шагать по вершинам пружинистой походкой, с проворством «тигров скал».

И лучший среди них, Михаил Хергиани, удостоенный этого звания на суровых скалах Уэльса, добродушный крепыш с бесстрашным сердцем, утащил гостя к себе домой – в Сванетию к Ушбе, в царство снегов и обители повелительницы зверей и гор златокудрой Дали. И еще – на Эльбрус. Снежная буря не пустила их на вершину, но Хергиани все же поднялся до отметки «4800», вывел метровыми буквами по свежему снегу: «Добро пожаловать Тенцинг!» – с щедростью горца, дарящего другому горцу и гостю то, что похвалили в

его доме.

И лорд Джон Хант, руководитель Эверестской экспедиции, скажет после трагической гибели Хергиани на стене Су-Альто в Доломитах 4 июля 1969 года: «В 1962 году у нас была радостная встреча в базовом лагере британо-советской экспедиции у ледника Гармо, на Западном Памире. Миша приехал с новыми лаврами после первопрохождения стены пика Шуровского... Те, кто знали его, встретили здесь того же простого сельского парня, хотя он уже был знаменитостью... В те дни мы расстались опечаленные гибелью при спуске с пика Гармо Уилфрида Нойса и Робина Смита. А через семь лет погиб и Миша. Это большая потеря для всех. Он был не только каждым дюймом мужчина; он был «Тенцингом» среди людей».

Ничто в тот день не предвещало трагедии. Связка Михаил Хергиани – Вячеслав Онищенко почти сделала дело: оставалось пройти полверевки трудных скал. Путь скалолазам преграждала огромная плита. Вячеслав, работавший на страховке, внимательно следил за партнером – Миша вошел в камин и начал подъем. Он шел и пел, скрылся из вида. Веревка, которую травил Вячеслав, медленно ползла вверх. Потом послышался камнепад, и из каминя вывалился Миша. Он падал, сохраняя спокойствие, надеясь до конца на спасительный рывок веревки. Но рывок так и не последовал – упавший камень, как бритва, перерезал крепкую австрийскую веревку. Миша летел на первый скальный уступ с чудовищной высоты, расставив руки и ноги...

Потом было море людей в Тбилисском аэропорту. Гражданская панихида в Альпийском клубе Грузии. Поседевший на глазах Бесарион Хергиани, сам известный альпинист, с черной повязкой на голове, молчаливый в великом горе. Отец приехал за Мишей, за своим Минаном, которого ждали в Лагами, ждала вся Сванетия...

Самолет с телом Хергиани на борту облетел вокруг Ушбы – Тигр скал прощался с горами, с красавицей вершиной, с покоренными им стенами.

ЧЕМПИОН НА ВСЕ ВРЕМЕНА

Турнир борцов классического стиля в Мельбурне начался с сенсации, да еще с какой! Закончив соревнования, наши «вольники» дружно болели за своих товарищей и, как вспоминал Вахтанг Балавадзе, отдали бы половину программы Олимпиады-56 за одно выступление Гиви Картозия, безусловного фаворита у средневесов. Соперники грузинского атлета могли рассчитывать разве что на счастливый случай. И его им предоставил иранский арбитр на ковре Латифи, закрыв глаза на несколько полноценных приемов олимпийца из Тбилиси, которому противостоял Карл Янссон, наследник славы Акселя Гренберга, двукратно олимпийского чемпиона. А молодой швед и впрямь заслуживал похвалы – стойко держался в схватке с чемпионом мира и не собирался уступать.

После досадной осечки в первом круге Картозия оставалось только класть соперников на лопатки, и он принялся за дело. Победил на третьей минуте представителя Австралии Петерсона. К схватке следующего круга у Картозия три штрафных очка, бронзовый призер Хельсинкской олимпиады венгр Дьердь Гурич имел на очко меньше. Обоих устраивает только победа. Первая половина встречи прошла в обоюдных атаках, и когда судья на ковре предложил продолжить схватку, Гиви, раздосадованный необъективностью судейской бригады в первом круге, решил доказать, что остается сильнейшим в своем весе, и для него все равно – бороться в стойке или партере. Он, неожиданно для всех, выбрал стойку. И выиграл с разницей в семь баллов. Среди претендентов на чемпионское звание специалисты называли болгарина Дмитра Добрева, будущего олимпийского чемпиона в Риме, физически очень сильного борца. Но «рассвирепевший тигр», а именно так газеты прозвали грузинского атлета, быстро разобрался с ним. Проигрывая пять очков, Добрев фактически сложил оружие, приберегая силы для

встречи за серебряную медаль, которая в итоге стала его добычей.

Чемпионом Олимпиады стал Гиви Картозия. Пресса не прошла мимо его нового выдающегося успеха, отметив, что Гиви Картозия вместе с турком Мустафой Дагистанлы и японцем Шодзо Сасахара вошел в тройку борцов, имеющих все три высших достижения, – Кубок мира, золотые медали олимпийского чемпиона и чемпиона мира.

Этот успех мог прийти к нему раньше. Заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер Арам Ялтырян вспоминал, что в 1952 году Картозия был подготовлен лучше, чем в 1953-м, когда он первый среди грузинских спортсменов стал в Неаполе чемпионом мира. И, несомненно, победил бы в Хельсинки будучи включен в сборную страны. Но судьба жестоко обошлась с Гиви. Он стал чемпионом СССР в олимпийском году, победив могучего соперника – чемпиона Европы 1947 года и четырехкратного победителя всесоюзных первенств московского динамовца Сергея Белова, но тренерский совет не спешил называть его первым кандидатом на поездку в Хельсинки. Назначили три контрольные встречи с Беловым, и все закончились победой Картозия. Но в состав олимпийской сборной включили Белова, который к тому же был десятью годами старше. И в Хельсинки выше третьего места не поднялся.

Картозия уже через семь месяцев доказал, что нет ему равных в среднем весе. На чемпионате мира в Неаполе победил двух призеров Олимпиады – чемпиона шведа Акселя Гренберга и на туше финна Калерво Раухалу.

Этот успех он повторил на чемпионате мира-55 в Карлсруэ, ФРГ, о котором вспоминал, как о кошмарном сне. Организаторы оказались не на высоте, и на заключительный день у средневесов пришлось немало решающих поединков. Пять раз выходил на ковер Картозия и боролся, не щадя сил. За 5 минут доказал свое полное превосходство над немцем Отмаром Зонхалтером,

сильным, но недостаточно техничным борцом, и, как это бывает, повредил руку. Знал, что вечером предстоят еще одна-другая схватка, и отправился отдыхать. Подумал: посплю, и боль в руке пройдет. Но по соседству с гостиницей была шумная стройка и отдыхать не пришлось. Рука дико ныла. Вечером он боролся с сильным и техничным югославом Бранко Симичем, будущим олимпийским чемпионом в Токио, и победил его по очкам. Направился в раздевалку, вошел в душевую и слышит из репродуктора: «Картозия-Янссон». Снова арена и борьба. Бронзового призера Мельбурнской олимпиады Янссона он победил по очкам. Подумал: «Сейчас завалюсь спать в раздевалке – никто меня не разбудит». Разбудили – через 15 минут предупредительный судья встал над головой: «Герр Картозия!» Венгр Дьердь Гурич – старый знакомый, опытный борец, но уставший Картозия его победил. Думаете, на этом все закончилось? Через 35 минут его снова вызвали бороться с хозяином ковра Хорстом Хейссом. Победил и его. Улегся потом в раздевалке и заснул как убитый. Еле его разбудили, вызывая для награждения.

Вспоминаешь эти события не без содрогания. В течение двух часов Картозия, борясь по существу одной рукой, победил четырех борцов экстра-класса. Рекорд из ряда фантастических!

Вспомнили как-то мы со знакомой случай с этим спортсменом, который был олимпийским чемпионом по борьбе и чемпионом среди людей. Возвращалась она с подругой в автомашине из Зедазени. На узкой дороге «Жигули» неожиданно заскользили и завили колесами над обочиной. Вышли подруги с двумя детьми из автомашины. Окружили их проезжающие мимо мужчины, наперебой дают советы, никак не помогающие делу. И тут со стороны монастырского комплекса спускается «Волга» старой модели. Выходит из нее высокий мужчина, мигом оценивает обстановку. «Кто водитель?» – «Я», – ответила моя знакомая. Незнакомец смотрит на молодую женщину с сочувствием: «Переключите заднюю скорость!» Берется за машину

и, как пушинку, переносит вместе с пассажиркой на проезжую часть дороги.

Это был Гиви Картозия – рыцарь на ковре и за его пределами, обладатель всех высших титулов в классической борьбе. Теперь чаще ее называют греко-римской, но будем придерживаться старого наименования. Гиви Картозия был классиком классической борьбы и остается им на все времена. В те годы чемпионаты мира проводились не ежегодно, а через раз – «классики» и «вольники» по одному году дожидались своего черед. Только в 1970 году олимпийскому чемпиону Роману Руруа удалось превзойти рекорд своего именитого земляка, трехкратного чемпиона мира, – в канадском городе Эдмонтоне он выиграл свою четвертую золотую медаль. Но послушаем самого Романа Владимировича: «Если бы чемпионаты мира тогда проводились ежегодно, у Гиви Картозия было бы шесть, а возможно, и семь золотых медалей. Десять лет ему не было равных».

«Считай, все двенадцать, – сказал мне вице-чемпион мира-62 Омар Эгадзе. – Гиви был и останется легендой. Когда у руководителей советской сборной возникали проблемы с комплектованием состава, он всегда выручал и делал это с блеском».

Перед Римской олимпиадой тренеры сборной решили ввести в состав Гиви Картозия, два года назад оставившего борьбу. Выступать ему пришлось в полутяжелом весе. Полностью восстановить боевые качества он не успел, но пять схваток подряд выиграл по баллам. В финале, отягощенный грузом пяти штрафных очков, уступил по баллам молодому турку Тевфику Кишу и внес бронзовую олимпийскую медаль в копилку команды.

А вот мнение человека, обязанного Картозия жизнью, – заслуженного мастера спорта и заслуженного тренера ереванца Норика Мушегяна. Уроженец Батуми Гиви был отменным пловцом. На тренировочном сборе в Алуште в мае 1958 года не было ему равных на суше и на море. Норик только год назад дебютировал на чемпионате мира по вольной борьбе в Стамбуле и

выиграл бронзу. И часто составлял компанию своему кумиру в борьбе. Заплывали они дальше допустимого, и спасатели смотрели на это сквозь пальцы. Но один дальний заплыв едва не закончился трагически. Гиви в очередной раз нырнул, а когда показался на поверхности, что-то загадав, принялся считать поднятые с морского дна камушки. Его младший товарищ тоже загадал: «Если достану со дна камушки, стану, как Гиви, знаменит». Сделав глубокий вдох, он начал медленно погружаться, забыв, что пониже ростом сантиметров на двадцать, а когда понял, казалось, остановится сердце и разорвутся легкие. Все же ему удалось захватить со дна горсть песка. Очнувшись уже на берегу, на руках Гиви, услышав его баритон. Гиви шептал на армянском языке: «Спаси его Бог...»

Через двадцать дней Норик Мушегян в Софии стал победителем Кубка мира, опередив самого Мустафу Дагистанлы. В последующие годы армянский борец в качестве почетного гостя Федерации борьбы Грузии приезжал в Тбилиси, на традиционный международный турнир, подолгу беседуя со своим другом. Когда Гиви неизлечимо заболел и не мог долго оставаться в зале, приглашал Норика к себе домой.

Заслуженный мастер спорта, четырехкратный чемпион СССР, победитель Всемирных студенческих игр (1951), директор школы высшего спортивного мастерства, кавалер орденов Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Чести, Вахтанга Горгасала 2-й и 3-й степени, Международной любительской федерации борьбы (ФИЛА), он оставался самым демократичным лидером, совестью грузинской борьбы.

Весть о кончине Гиви обожгла болью всех его знавших.

В Красноярске, на международном борцовском турнире, объявили, что умер Картозия, и весь зал поднялся в скорбном молчании. Тогда он еще был жив. Ушел из жизни другой чемпион – гандболист Лери Картозия.

А потом, 3 апреля 1998 года, не стало и Гиви Александровича.

ДОГОНЯЮЩИЙ СЕБЯ

Умер Михаил Таль...

Эта потеря болью отозвалась в сердцах миллионов. Сейчас, когда десятки горячих точек планеты полыхают ненасытным огнем, смерть перешла в область статистики. Дикторы последних новостей сообщают о десятках и сотнях потерь в терактах и военных конфликтах, и, похоже, к этому начали привыкать. На кровавом фоне сегодняшних вакханалий потеря Талья для шахматного мира не перестала быть трагедией, для людей, знакомых с партиями рижского волшебника и состоянием его здоровья.

В давней анкете Тургенев на вопрос, как он понимает счастье, ответил просто и мудро: «Счастье – это крепкое здоровье». В этом плане знаменитый романист, двухметровый богатырь с синими глазами, выгодно отличался от Талья, который всю свою сознательную жизнь сражался с неприятельским воинством на шахматной доске и собственными недугами. Кто-то тонко подметил: «В здоровом Тале – здоровый дух». Кривая результатов выдающегося гроссмейстера позволяет судить о состоянии его здоровья, а точнее, лояльности почек. И самое удивительное: считалось, что счастье – его стиль. Обжегшись на Тале, неудачники прозвали его Счастливым Счастливичем Счастливым. Сам он лучше других поставил себе диагноз: «Когда любой из нас впервые играет в шахматы, он уподобляется человеку, который уже принял порцию микробов, скажем, какого-нибудь импортного, гонконгского гриппа. Идет такой человек по улице и еще не знает, что болен – вроде здоров, прекрасно себя чувствует, но микробы делают свое дело. Нечто подобное происходит в шахматах... Идут дни, и вдруг исподволь начинаешь чувствовать, что тебе без шахмат чего-то недостает. Можешь радоваться: ты оказался в числе людей, у которых нет врожденного иммунитета к шахматной лихорадке».

Итак, главная болезнь известна - шахматная лихорадка. Большой друг шахматистов и прежде всего Талья, драматург Леонид Зорин, говоря о самых привлекательных чертах шахмат, отмечал первым делом борьбу характеров. Под внешней тишиной шахматной встречи таится подлинный драматизм, бушует напряженная схватка двух интеллектов, двух волевых натур, и то душевное напряжение, которое многим выпадает, быть может, в особые «звездные» часы биографии, для них является нормой бытия. Так писатель объясняет высочайший вольтаж шахматного поединка, к которому добровольно приговаривают себя служители богини Каиссы, не желающие замечать, что отныне их жизнь уподобляется шагреновой коже, которую можно читать, как книгу. Вспомним, что матч на первенство мира отнимает несколько лет жизни. Эта мысль, впервые высказанная Ботвинником, позже варьировалась другими чемпионами, в зависимости от их шахматных вкусов и темперамента, но суть ее оставалась неизменной. Похоже, Таль не очень задумывался над невеселым признанием человека, которому суждено было занять особое место в его творческой судьбе.

Болельщики со стажем расскажут, как летом 1948 года 12-летний Миша Таль пошел на квартиру Ботвинника сразиться с ним в шахматы. Легенда эта известная, и Таль добродушно посмеивался, читая газеты, и не пытался ее опровергать. Ботвинник, став чемпионом мира, действительно отдыхал на Рижском взморье, и Таль захотел сыграть с ним, но родные отговаривали. А позже журналисты, прослушав об этом, вложили ему под мышку шахматную доску и отправили к Михаилу Моисеевичу, попутно введя в действие для интриги женщину (супруга гроссмейстера Гаянэ Ананова?), которая, если верить легенде, преградила мальчику путь к чемпиону. Через одиннадцать-двенадцать лет, растолкав всех, он все же пробился на аудиенцию к Михаилу-старшему, и эти встречи доставили ему величайшую радость и разочарование.

Вспоминается Таль более раннего периода, в мастерском звании, но льва уже узнавали по когтю. Тбилиси, ноябрь 1956 года, полуфинал XXIV чемпионата СССР на сцене театра имени Руставели. Несколькими месяцами раньше в своем первом финале Таль разделил 5-е место и в Грузию приехал в качестве фаворита, готового добиться большего, прежде всего в творческом плане. И едва не стал виновником сенсации. После 12 туров он имел всего одну победу и девять ничьих, шансы на выход в финал сохранял его тренер Александр Кобленц. За 7 туров до финиша «лев проснулся» и вместе с Гургенидзе сумел зацепиться за «выходящие» 5-6 места. А ведь прояви кто-то из участников большую неуступчивость, не добери Таль пол-очка, как знать, возможно, его вхождение в верхние слои шахматной атмосферы не было бы столь стремительным и феерическим. В финале чемпионата страны из восьми партий с гроссмейстерами (четверо из них являлись претендентами на мировое первенство) Таль выиграл пять, еще две завершил вничью и только одну проиграл – Болеславскому. В последнем туре жертвой Талья пал один из лидеров, признанный мастер атаки Толуш.

Золотая медаль побудила отечественную федерацию шахмат ходатайствовать перед ФИДЕ о присвоении Михаилу Талю звания международного гроссмейстера. В порядке исключения, поскольку он был лишь национальным мастером. Таль доверие оправдал сполна, став чемпионом страны второй год подряд. В последнем туре рижского финала Спасский, имея с ним выигрышный эндшпиль и ночь для анализа отложенной позиции, проиграл эту, едва ли не самую драматичную партию за всю свою карьеру, выключив себя из борьбы в претендентском цикле и дав повод говорить об очередном везении Талья.

Сам счастливец не скрывал, что считает делом чести каждого мужчины-шахматиста заслужить улыбку фортуны. Таль взял себе в союзники стиль искрометный и головоломно смелый, молниеносный расчет

вариантов, когда получаемое для атаки время дороже пожертвованных фигур. Это подлинное новаторство, артистизм, возвращение к романтизму, когда риск возводился в принцип игры, могли нравиться, могли и нет, но уважения, безусловно, заслуживали. Мало кто до Талья и после него (за исключением, возможно, Фишера) вызывал столько ожесточенных споров и восторгов.

У Давида Кугультинова есть поэма «Шахматист», посвященная Талю. В ней, в частности, рассказывает, как пришел к Талю друг детства, бывший шахматист, известный психиатр, и попросил гроссмейстера помочь ему в излечении одного больного, возмнившего себя сверхчемпионом по шахматам. «Но почему ты сам его не обыграешь?» - удивился Таль. «Увы, - смутился врач. - Я играл с ним, но всякий раз проигрывал». Заинтригованный Таль приходит в лечебницу, играет с сумасшедшим и проигрывает. Помня данное другу обещание и желая помочь больному, а главное, из понятного спортивного чувства он продолжал с ним играть, пока наконец с большим трудом не выиграл, что привело к исцелению больного, который выписался из лечебницы и через некоторое время сел играть против Талья в сеансе одновременной игры. Гроссмейстер узнал его и приготовился к тяжелой борьбе, но, к его удивлению, партнер на этот раз не оказал никакого сопротивления.

Удивительная история, не правда ли? Еще удивительнее то, что на самом деле Михаил ее попросту сочинил. И поэт ему поверил - уж очень она самобытна. Выдумать такое мог только незаурядный человек. Кугультинов поэтому не обиделся на Талья за эту мистификацию. Вымысел, если он остроумен, не противопоказан поэту.

Доказав жизнеспособность своего «некорректного» стиля на турнире претендентов в Югославии в 1959 году, опередив шахматных колоссов Смыслова, Кереса, Петросяна, Михаил Таль с первой попытки взял штурмом крепость Ботвинника и в двадцать три

года с небольшим стал восьмым чемпионом мира по шахматам.

Как свежо и смело он играл!

Помню огромное скопление людей по вечерам на проспекте Руставели, перед большой доской на фасаде старого шахматного клуба, куда передавались ходы из московского театра имени Пушкина, и едва ли не каждый из них встречался аплодисментами. В Грузии Таля любили, как в Латвии, горячо и беззаветно, разве что юная Нона Гаприндашвили могла похвалиться более многочисленной армией своих почитателей. И Таль отвечал взаимностью на эту любовь, в числе его крупных успехов первые призы на турнирах в Тбилиси, Сухуми, Гори.

Но случилось непредвиденное: через год Таль был наголову разбит в матче-реванше Ботвинником. Считалось, не выдержал испытание медными трубами. Сам гроссмейстер уверял, что ко второму матчу готовился ничуть не хуже и не меньше, и в пикку журналистам нашел две причины поражения. В манере, напомнившей, что темой его дипломной работы на филфаке была «Сатира в романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Первую причину он видел в том, что во время матча 1960 года Ботвинник жил по соседству в гостинице «Москва». Перед партиями Кобленц услаждал слух своего подопечного исполнением неаполитанских песен. Таля это вдохновляло, а Ботвинника, по всей вероятности, размагничивало. Вторая причина: к 8-й партии удалось подобрать «счастливый» карандаш, позже забытый им на столике, достойной замены ему не нашлось. Ну, а если серьезно, то виноват один Ботвинник. Многие годы он работал над созданием искусственного интеллекта и сумел запрограммировать себя на игру с Талем – держал его в партере, не позволял получать любимые талевские позиции, в которых рижанин всласть импровизировал и комбинировал. Стоит ли удивляться, что чувство неотвратимости, испытанное Бронштейном и Смысловым в предыдущих матчах с патриархом шахмат,

посетило Талья в самое неподходящее время. И хотя он отмечал, что утрата короны не вызвала кризиса в творчестве, о чем ему напоминали в неделикатной форме, досада не раз покусывала сердце, как тот лисенок, спрятанный на груди юного спартанца.

Таль и без короны, как старый Лир, оставался королем с головы до ног. Он не отчаялся, не ожесточился, не сошел с ума, напротив, убедился в необходимости переучиваться. С годами его игра стала более позиционной и универсальной, обогатилась новыми дебютными идеями и техническим мастерством, но незаметно утрачивалось лица необщее выражение, принесшее ему славу одного из самых ярких и оригинальных шахматистов современности. Таль привычно выигрывал крупные турниры, включая чемпионаты страны, в составе ее сборной становился олимпийским чемпионом (восемь золотых олимпийских медалей) и чемпионом Европы, вместе с Карповым победил на «Турнире звезд» в Монреале, через несколько месяцев – на межзональном турнире в Риге 1979 года, и, оценивая свои выступления, твердо верил, что стиль остался прежним. Может быть, он просто стал постарше, чуть больше видит за соперников, чуть меньше за себя. Чувствуя себя защищенным всей этой броней, Таль утверждал, что того претендента 60-го года он просто бы растерзал! Ботвинник, которого ознакомили с этим заявлением его давнего соперника, недоверчиво покачал головой: «Таль здесь дезинформирует любителей шахмат или заблуждается». Петросян также считал, что игра его друга наиболее гармоничной была в 1957 году, когда он включился в борьбу за мировое первенство.

Такова загадка Талья, которая три десятка лет не давала покоя поклонникам шахматного искусства. О знаменитом бостонце Гарри Нельсоне Пильсбери говорили, что после Гастингса 1895 года он догонял себя, вернее, пытался догнать того Пильсбери, который в том турнире опередил чемпионов мира Ласкера и Стейница, претендентов на этот титул Чигорина и

Тарраша. Так же в наше время повзрослевший Таль догонял Талья образца 1960 года.

В 1965 году он играл со Спасским финальный матч претендентов в Тбилиси. До поединка с Петросьяном оставалось сделать один шаг, но какой! Внешне все было, как в лучшие времена: уютный концертный зал для игры, восторженные почитатели и друзья, но уже первые партии показали, что Спасскому удастся навязать ему тягучую позиционную борьбу без какого-либо намека на тактическое оружие, столь любимое сердцу Талья.

Счет в матче был равным, когда я по своим редакционным делам пришел поздно вечером в гостиницу «Тбилиси». Узнал у администратора, что Таль пока не возвращался с игры. «Вы его брат?» - спросила она. И после моего ответа сказала убежденно: «Очень похожи!» Скоро пришел Таль в сопровождении верного друга, спортивного журналиста Якова Дамского. Таль выглядел усталым и немного грустным, говорил неторопливо, доброжелательно глядя на собеседника, еще не отошедший от борьбы за шахматной доской и весь во власти неосуществленных идей. Я знал, что он приехал на матч из Ялты, где врачи подозревали у него что-то нехорошее с легкими и старался поменьше мучить вопросами, ведя беседу в ритме его любимого блица. Он тогда верил в окончательный матчевый успех, не зная, что проиграет три оставшиеся партии, что Спасский, уже начавший штурм шахматного Олимпа, через четыре года увенчает свой труд чемпионским титулом.

В жизни каждого большого шахматиста есть турнирные и матчевые катастрофы, они делают его человечней, восприимчивей к своей и чужой боли. Вероятность эта с классической точностью сформулирована в афористичной талевской сентенции: «Каждый шахматист - кузнец собственного турнирного счастья». Таль счастье знал. Несмотря на разочарования, болезни, он был счастлив, как может быть счастлив художник, задумавший и сотворивший красоту, над которой не властно время.

ТАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

Трудно, наверное, придумать ситуацию, когда финалист олимпийского турнира по вольной борьбе не наблюдает за поединком своих главных соперников. Но так было в Токио-64. Когда на ковер вышли Гурам Сагарадзе и иранец Мохаммед Али Санаткаран бороться за золотую медаль, турок Исмаил Оган сгонял вес в сауне. Все рассчитал хитроумный Оган: что схватка чемпиона мира-63 Сагарадзе и чемпиона мира-61 Санаткарана, скорее всего, закончится вничью и показатели всех трех финалистов в полусреднем весе будут равными. И тогда вступит в силу фактор собственного веса борцов.

Оган постарался быть легче соперников, и это действительно решило после личных встреч тройки призеров, в которых оба соперника грузинского атлета уклонялись от активной борьбы. Знали его силу. В предолимпийском году на чемпионате мира в Софии Сагарадзе был первым, турок – третьим, пропустив вперед еще и болгарина Петко Дерменджиева. Санаткаран – только пятый.

Оган – выдающийся мастер национальной «масляной» борьбы, в которой решают не сила и вес, а ловкость, быстрота, смелость и выносливость. Вот и в Токио он натерся оливковым маслом. Гурам, как ни старался, не смог зажать в захвате скользкого соперника – каждый раз тот выскальзывал. У обоих одинаковые результаты: равное количество проведенных схваток и побед – по очкам и на туше, и штрафных очков – по два. После их поединка, закончившегося вничью, турок оказался на 300 граммов легче Сагарадзе. Оган – олимпийский чемпион, Сагарадзе – второй, Санаткаран – третий.

Обидно? Конечно! Единственное утешение – растрогавшая до слез телеграмма из дома от дорогих людей, представителей старшего поколения Эроси Манджгаладзе и Додо Абашидзе: «Твое серебро нам

золота дороже, возвращайся спокойно!»

Гурама упрекали, что с его мастерством он просто обязан был подойти к финалу с меньшим грузом штрафных. Иными словами, класть на лопатки всех подряд. И тогда соперникам пришлось бы выигрывать у него личные встречи. А они и ничьей с трудом добились. Почему-то вспоминали упущенную возможность выиграть чисто у индийского борца Мадхо Сингха. Но олимпийский ковер коварен, по заказу здесь не выиграешь. И давайте вспомним неуступчивого борца с берегов Ганга, который на ковре был несокрушимым, как скала – гнулся, но не ломался. На двух Олимпиадах Сингх проиграл по две схватки, но какие! В Риме – Георгию Схиртладзе (второе место) и шведу Хансу Антонссону (третье место). В Токио – Исмаилу Огану (чемпиону Игр) и Гураму Сагарадзе (второе место). И все по баллам. В Токио он был шестым. Другое дело, что во встрече с Сагарадзе ему помогли судьи. Гурам добился огромного преимущества – более двадцати баллов. Арбитр на ковре даже остановил схватку, посчитав туше. Но решением судейской коллегии схватка была продолжена.

Разгадка тут в другом. Сагарадзе всегда думал о борьбе и очень редко о результате. С годами понял, что был не прав. Наверное, нужно было искать золотую середину. Его стихия – неожиданная атака, взрывная сила, умение вложиться в прием, перед которыми пасовали сильнейшие полусредневесы мира, становясь беспомощными, как дети. Его, выросшего в борцовской семье (отец Реваз был известным мастером по классической борьбе, брат отца Иорам даже входил в сборную Советского Союза), поначалу больше привлекала спортивная гимнастика, около года посещал секцию по соседству, в Кировском парке, прежде чем сделал спортивный выбор – пришел на занятия к выдающемуся тренеру и чемпиону страны Шалве Ивановичу Нозадзе.

Сегодня трудно представить большую борцовскую семью Грузии без Гурама Сагарадзе, двукратного

чемпиона мира, трехкратного – Советского Союза, обладателя олимпийского серебра.

Рос в Тбилиси, в Верийском квартале, здесь же закончил на серебряную медаль 8-ю среднюю школу, был одним из лучших студентов Политехнического института. Книголюб и любитель песни, всеобщий любимец. Уже в ранге победителя юношеского первенства Грузии пришел в борцовский зал на Орджоникидзевской улице – в помещение бывшей церкви, знаменитый «Петрес дарбази», где божьей милостью мужали, набирались мастерства великие грузинские чемпионы Гиви Картозия, Вахтанг Балавадзе, Давид Цимакуридзе, Мириан Цалкаламанидзе, Георгий Схиртладзе, Ростом Абашидзе, Автандил Коридзе, Владимир Рубашвили...

Незабываемая для него, гармоничная семья образцовой борьбы с ее уроками морали и мужества, абсолютным порядком, почитанием старших и младших, в которой доминировали справедливость и воспитание.

Об этом счастливом периоде борцовской юности, когда сборные команды СССР по всем видам борьбы на семьдесят процентов были укомплектованы грузинскими борцами, и о многом другом взволнованно и талантливо Сагарадзе рассказал в своей недавно вышедшей книге «Наследие», очень оригинальной по форме и содержанию. Читателю близок и понятен ее пафос, обращенный к нынешнему и будущему поколениям, – без знания откуда мы родом, кто из предшественников прославил родную Грузию на мировой арене, невозможны и новые великие победы и прогресс в спорте. И, в первую очередь, важны воля, трудолюбие, мужество и постоянная нацеленность на победу.

В жизни каждого большого спортсмена есть звездный час. Для Гурама таковым стал матч сборной СССР с иранскими борцами в 1961 году. Гости на последнем чемпионате мира в Йокогаме завоевали пять золотых медалей из восьми. Когда Сагарадзе вы-

шел на ковер в Тбилисском цирке, против него стоял Эмамали Хабиби, чемпион Мельбурнской олимпиады и победитель трех мировых первенств. Именно иранец на чемпионате мира в Тегеране (1959) опередил Вахтанга Балавадзе. И теперь 22-летнему юноше предстояло заменить своего земляка, двукратного чемпиона мира, вышедшего из строя из-за травмы. Зал поначалу сдержанно встретил Гурама, к тому времени он еще ни разу не был чемпионом Союза. Старший тренер сборной по вольной борьбе Александр Дякин был краток перед поединком: «Победишь Хабиби – тебе гарантировано место в сборной».

Первая же минута принесла сенсацию – Сагарадзе проходом в ноги провел любимый прием иранца «мельницу» и повел в счете 2:0. Не комплексуя перед громкими титулами соперника, ни в чем не уступал великому Хабиби, который еще известен как исполнитель главной роли в кинофильме «Мазандаранский тигр». Гурам победил «тигра» в стиле, который восхитил и руководителей иранской команды.

Во второй половине встречи он несколько раз сбивал иранца в партер и повел со счетом 6:2. Зал бушевал. Земляки, словно извиняясь за прохладный прием, не скупились на аплодисменты. Но Гурам устал, отражая непрерывные атаки. Трудно дышать, слишком выложился вначале (он выступал с сильнейшей ангиной, и первый его визит наутро был известному врачу-отоларингологу Вахтангу Хурцидзе. «Ты, молодец, с таким горлом поборолся», – сказал ему свидетель вчерашнего триумфа).

Но пока надо выстоять. «Выдержи, Гурам», – слышит он призыв Владимира Рубашвили. А сам думает об одном, когда истекут эти последние минуты. Все расплывается перед глазами, маячит черный силуэт, непрерывно его преследующий. Приходится защищаться. Тает преимущество – 6:3, 6:4, 6:5... В грохоте аплодисментов гонга не услышал. И вот уже хлопочет над ним врач сборной Геннадий Бакушев. Его подхватывают сильные руки друзей, подбрасывают

в воздух.

Тренер иранской команды признался: «Это одна из лучших схваток, виденных мною. Не ожидал, что у непобедимого Хабиби окажется такой соперник в лице малоизвестного в борцовском мире Сагарадзе».

Говоря так, гость грешил против истины. Сагарадзе к тому времени триумфально прошел турниры борцов-«вольников» в США, Венгрии и был введен в советскую сборную. Победы на коврах Турции и Японии утвердили за ним репутацию «рыжей советской стали». Кумир Страны Восходящего Солнца Шодзо Сасахара, чемпион Олимпиады в Мельбурне, предсказал победу Сагарадзе на ближайшем чемпионате мира. И он надежды оправдал уже в Софии. Победы на международном турнире в Иране и чемпионате страны дали ему право на участие в Токийской олимпиаде.

Через год, на чемпионате мира в Манчестере, Сагарадзе снова вне конкуренции. Санаткаран только второй. Гурам победил по баллам Дерменджиева, который был четвертым в олимпийском Токио, и других мастеров ковра. Надо иметь большое сердце и светлую голову, чтобы так сказать о побежденном сопернике: «Петко ничем не уступал ни мне, ни Огану. Просто ему не везло».

Эти слова можно адресовать самому Гураму Сагарадзе, хотя не в чем упрекнуть победителя и призера чемпионатов Европы и других престижных турниров, бессменного члена сборной страны в 1961-1969 гг., удостоенного после Манчестера звания заслуженного мастера спорта. Только досадное недоразумение помешало ему через год выиграть в Толедо (США) третью золотую медаль чемпиона мира, которая досталась земляку Огана - могучему Махмуду Аталяю, будущему победителю Олимпиады в Мехико (1968). С Аталаем у Гурама счет равный - 1:1.

Завершив на самой высокой ноте свои выступления, Сагарадзе из большого спорта не ушел, остался работать тренером в главной сборной страны, стар-

шим тренером сборной Грузии, директором школы борьбы. Вице-президент Национальной федерации борьбы. Кавалер орденов Чести, Вахтанга Горгасала 2-й степени, Международной любительской федерации борьбы (ФИЛА), Почетный гражданин Тбилиси. Ему, заслуженному тренеру СССР, во многом обязаны своими высокими достижениями чемпион Олимпиады-88 в Сеуле в тяжелом весе Давид Гобеджишвили, победитель Всемирной Универсиады Георгий Макасарашвили...

«Хорошо знаю силу и возможности Гурама Сагарадзе, – говорит чемпион мира и заслуженный мастер спорта Зарбег Бериашвили, – нас почти одновременно ввели в сборную СССР и многие годы пришлось обоим идти этим тяжелейшим путем. Он щедро был одарен качествами гениального борца – физически сильный, выносливый, быстрый, с блестящей техникой. Об этом говорят его турниры. Кто не мечтает достичь таких успехов и славы, и все же исходя из возможностей Гурама, он мог достичь значительно большего. А почему это не произошло – «виноваты» его добродушие и добросердечность».

С Зарбегом Бериашвили связан случай на чемпионате мира 1969 года в Мар-дель-Плата, одинаково комичный и трагичный.

Решили три друга – Гурам Сагарадзе, Зарбег Бериашвили и Таризэл Алибегашвили искупаться в океане. Плавают, заплыли за какие-то проволочные сетки, а по берегу бежит аргентинец, служащий отеля, и почему-то кричит на них. Вылезли они из воды, спрашивают по-грузински: «Ты что это разоряешься? Купил этот океан?» А он пальцем у виска крутит, дескать, чокнутые вы, что ли.

Утром на пляже увидели двух пойманных акул – каждая почти с тонну весом. Оказывается, там, где они купались, крючки на акул стояли. Аргентинца того чуть не задушили, так целовали. Бериашвили вспоминал: «Я ночью кричал. Шота Ломидзе утром потрогал мой лоб, спросил, помню ли как его зовут, и

повел меня к доктору. Диагноз – акулий синдром».

Гурам Сагарадзе расследование вел: кто из них первый предложил купаться среди акул. Никто не признался. Может, сам и предложил – у него, как ни у кого другого, в характере бесстрашие и богатырская удаль, которым и океан тесен.

СМЫСЛ ВСЕЙ ЕГО ЖИЗНИ

«Песня – составная часть моей жизни, однако это дело не стало моей профессией и претензий на то не имею», – говорит почетный президент Национального олимпийского комитета Грузии Джано Багратиони, а я вспоминаю события восьмилетней давности. Грузия чествует свою великую дочь – пятикратную чемпионку мира по шахматам Нону Гаприндашвили. В Тбилисском оперном театре звучат поздравления и приветствия. Самым оригинальным и впечатляющим было выступление Джано Багратиони: приняв микрофон от ведущей юбилейного вечера Нино Шубладзе, он из «семейной» ложи приветствовал чемпионку славного рода Багратиони-Давитишвили.

«Я пел и вспоминал отца, который выступал вот в этом великолепном театре», – говорит мне Джано Багратиони-младший.

Так последуем за его рассказом о событиях, от которых нас разделяют десятки лет.

«Было это в 1938-м в Тбилиси. На сцене оперного участники всегрузинского конкурса грузинских танцев. И мой отец среди них. Но прежде чем рассказать об этом творческом состязании, нелишне будет вспомнить, как отец, обладатель редкого по красоте тенора, оказался среди танцоров. Он учился в Тбилисской консерватории, как и мама Кетеван Мгалоблишвили, студентка по классу вокала. Кстати, она пела тогда вместе с Надеждой Харадзе и Мери Накашидзе, и

танцевала с папой в ансамбле. А потом я появился на свет, и она оставила сцену и артистическую карьеру, всецело посвятив себя воспитанию двух сыновей – меня и Георгия, который на восемь лет младше. События, с которых я начал свой рассказ, относятся к далекой поре, когда мне было всего несколько месяцев. Итак, почему мой родитель отказался от карьеры оперного певца, о которой мечтал с консерваторских занятий. Он еще больше укрепился в своем решении, услышав лестный отзыв о себе композитора Дмитрия Аракишвили после исполнения песни «Урмули». Но на третьем курсе у отца пропал голос. Он все же поступил на работу в оперный театр, но уже в другом качестве – в труппу грузинских танцев, которой руководил Давид Джавришвили.

Это было уже после концерта. А происходили на нем удивительные события. Отцу для исполнения обязательного танца «Картули» требовалась партнерша. Обратился к киноактрисе Александре Тоидзе, которая по неизвестной причине отказалась составить ему пару. Оставалась еще одна кандидатура – Тамара Цицишвили. Очень популярная в то время, она только что исполнила героическую роль крестьянской девушки, возглавившей народное восстание, в фильме «Дарико» (1937) кинорежиссера Сико Долидзе.

Пришел отец к красавице и говорит: «Выручай, Тамара» – «Но я не умею танцевать!» – «Предоставь это мне», – говорит Джано-старший. За две недели танец был готов. Задумал он вот что: вопреки традиции, партнерша выходит на сцену, пересекает ее и останавливается, стоя спиной к правительственной ложе. А потом выходит он. Зал встретил артистов аплодисментами. Оба молодые, красивые, представители княжеских родов. Шум в зале стоял такой, что поднялся со своего кресла Лаврентий Берия. Недовольно посмотрел в зал, блеснув зло стеклами пенсне. Но аплодисменты не смолкали.

По итогам конкурса отца называли в числе победителей конкурса и включили в состав делегации,

выезжавшей на международный фольклорный фестиваль в Англию. Это была большая победа, и остаток вечера отец с друзьями провели в ресторане гостиницы «Ориант». Наутро, приехав в аэропорт, он не обнаружил свою фамилию среди 16-ти артистов, проходящих регистрацию рейса на Одессу. Позже он узнал, что уже в Одессе отказали в поездке на фестиваль Шуре Тоидзе, сняв с парохода. И тоже не объясняя причину.

Не будем забывать, что на дворе – 1938 год. Над семьей Багратиони продолжали стучаться тучи, от больших неприятностей отца спас родственник-генерал. Но пресс продолжался еще долго. И после того, как в послевоенные годы отец создал первый в Грузии джаз-оркестр и был его художественным руководителем, который, несмотря на большую популярность, так и не выпустили за ее пределы. Семья всю жизнь ждала получения квартиры. В конце концов, нас ошастливили ею в Сабуртало, в конце улицы Павлова. За нашим домом уже начиналось поле, и потому отец шутил, что фактически живем в Хашури.

Кстати, в джаз-оркестре отца пела и его сестра, певица Манана Багратиони, мать Бубы Кикабидзе, прекрасная исполнительница грузинских романсов.

Почему я об этом вспомнил? Чтобы сказать, какие мы, Багратиони, способные в пении. Про своих родителей сказал. Бабушка, мать моего отца, Ольга Амирэджиби, очень хорошо пела. Дядя, Гогина Багратиони был исполнителем грузинских танцев. И моя племянница, дочь Георгия, Лиза Багратиони стала известной эстрадной певицей... Вот в какой творческой атмосфере я рос и воспитывался, и если бы даже был глухим, то все же что-то должен был вынести от постоянного общения с этими удивительными людьми. И я вынес. Но это произошло не раньше, чем я, окончив тбилисскую мужскую первую гимназию, стал студентом ГПИ.

Здесь самое время предоставить передышку моему собеседнику и объяснить, почему Джано-младший в

1956 году поступил в Политехнический, на факультет легкой промышленности, будучи уверенным, что со специальностью инженера-технолога принесет наибольшую пользу. Как оказалось впоследствии, сам того не ведая, он принял судьбоносное решение. Он учился на первом курсе, постигал науку, одновременно был обладателем приятного баритона. И все же удивился, когда ему предложили испытать силы на студенческой олимпиаде. Гурам Бзванели написал к олимпиаде песню «Страх», и Джано с Цисаной Хугашвили бесстрашно ее исполнили. Получилось вроде неплохо, потому что скоро его пригласили солистом в эстрадный оркестр ГПИ, очень популярный в 50-е годы, которым руководил Иосиф Тугуши. Последовали концерты в Тбилиси и Кутаиси, Москве и Ленинграде, Киеве и Ереване, Алма-Ате и Баку, Целинограде... Они стали лауреатами VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов 1957 года в Москве.

Джано сказал их руководителю и первому трубачу Иосифу Тугуши, что исполнит песню отца - его любимую «Квавилебис квекана» (Страна цветов). Автор неизвестен, а услышал ее отец в Кутаиси, в исполнении Гоги Васадзе, сына прославленного грузинского артиста Акакия Васадзе. Гоги пел, сопровождая пение игрой на гитаре. Отцу очень понравилась песня. После оркестровки Михаила Чиринашвили он ее прекрасно исполнял. Джано-младший, десятилетний, часто сопровождал отца в гастрольных поездках. С этой песней связана любопытная история. Был у них в джазе солист Темо Хелашвили. Великолепная внешность, стройная фигура, бархатный баритон - очень тепло его принимали на сцене. Снялся в кинофильме «Счастливая встреча» с Додо Чичинадзе. На концерте в Кутаиси Темо девять раз заставили спеть на бис песню о букете цветов, собранных в горах. Джано-старший обнял его, поздравил и сказал, что споет свою «Квавилебис квекана» десять раз. И спел по вызовам зала 11 раз!

Но не одними песнями был популярен отцовский

джаз-оркестр. Особый успех имели танцы, которые он, народный артист, ставил, следуя народной традиции, не изменяя их национального характера. Особо отличались «Свадебный танец», танец с мечами «Парикаоба» и румба. А еще солисты – победительница конкурсов Нона Гуния и Вахтанг Гунашвили, впоследствии известный артист балета.

В оркестре ГПИ Джано пел лет десять. Именно на этих концертах познакомился со своей будущей женой Мананой Мгалоблишвили, студенткой биологического факультета ТГУ. Когда отмечали 50-летие оркестра, собрали всех солистов, пели все их песни, многие из них и сегодня на слуху.

Сейчас самое время рассказать еще об одной ипостаси Джано-младшего – о спорте, ставшем для него смыслом всей жизни.

Со спортом он познакомился рано, с пятого класса. Начал заниматься в секции баскетбола Республиканского Дворца пионеров и школьников у мастера спорта Тамары Гегелашвили. Казалось, баскетбол – это надолго. Продолжил тренировки у лучшего специалиста и замечательного человека Михаила Кекелидзе, который сыграл главную роль в становлении Джансуга-спортсмена и спортивного руководителя высшего ранга, будучи тренером юношеской сборной Грузии, и позже, когда занимал должность заведующего кафедрой спорта и физвоспитания ГПИ. После ухода из жизни Кекелидзе по конкурсу на замещение вакансии в 1973 году прошел Джано Багратиони и проработал доцентом на кафедре 11 лет. Отныне его спортивная деятельность выходит на другую орбиту – он заочно закончил Грузинский институт физкультуры, многие годы был председателем Тбилисского спорткомитета, зампреда Спорткомитета Грузии, замминистра спорта и туризма, заместителем начальника Департамента спорта, парламентарием.

Сам особенно охотно вспоминает счастливую пору молодости, первое поколение грузинских гандболистов. Кое-кто считал их несостоявшимися баскетбо-

листами, но как они ошибались, эти лжепророки! Его самого это никогда не задевало. Талантом они не были обделены, кто-то не вышел ростом, для других места не нашлось в «основе». А они молоды и верят, что победы к ним придут. К слову сказать, их бомбардир Джемал Церцвадзе перешел из тбилисского «Динамо» и скоро и в гандболе не имел себе равных в «Буревестнике» и Советском Союзе. Уже в 1957 году сформировалась у них первая команда, фактически сборная Грузии. И тренер у них был свой, из баскетбола – Георгий Шарашидзе, которого с детских лет близкие и друзья ласково называли Крошкой. Джано с ним очень дружил, несмотря на разницу в возрасте в десять лет.

Георгий Германович привел их тбилисский «Буревестник» к победе в первом чемпионате СССР в 1962 году. Джано после встречи с каунасцами, решившей судьбу золотых медалей, сидел на трибуне и плакал. От радости и огорчения. В период предсезонной подготовки он повредил мениск, перенес операцию и надолго выбыл из борьбы. Через год их команда завоевала бронзовые медали, а в 1964 году они, пионеры отечественного гандбола, во второй раз выиграли золото. В его блеске немало труда Багратиони. Специалисты отметили приятные перемены в игре мастера спорта. Хотя он был ярко выраженным защитником, все чаще «расстреливал» ворота, отличался как бомбардир. Три года они ходили в серебряных призерах, но в 1967-м, когда у них необъективным судейством в матче с командой из Кунцева отняли чемпионское звание, он и Лери Картозия, крайне расстроенные, сняли майки после игры и закончили выступление в большом спорте. Джано ушел на тренерскую работу. Еще играя за свой клуб, готовил команду девушек, а потом и «Буревестник».

Здесь его ждала наибольшая радость: Александр Анпилов, кого он выделил еще в юношеской команде и готовил к соревнованиям, стал в 1978 году в Монреале олимпийским чемпионом, а через четыре года и чемпионом мира. Первые поздравления со

званием заслуженного тренера СССР Джано получил от обладателя этого же звания Георгия Шарашидзе, тренера и друга.

В 1996 году Багратиони избрали президентом Национального олимпийского комитета Грузии. Первый президент НОК Нона Гаприндашвили выдвинула кандидатуру Джано на этот пост и призвала поддерживать его, два года занимавшего пост первого вице-президента комитета. В 2001 году Джано Багратиони избрали на второй срок руководителем грузинского олимпизма.

О заслугах в спорте Джано Багратиони, ученом, авторе 30 научно-исследовательских трудов и со-авторе двух монографий, почетном гражданине Тбилиси, удостоенном высших орденов, его вкладе в олимпийское движение можно говорить много и все же не исчерпать темы. Прибегну к красноречивой цитате. Она принадлежит президенту Международного олимпийского комитета Хуану Антонио Самаранчу. Он высказался по очень волнующему событию – награждению Багратиони в 1998 году Олимпийским орденом. «Господин Джано, – сказал маркиз де Самаранч, – вы были успешным спортсменом, заместителем министра спорта, одним из основоположников НОК Грузии. Теперь его президент. Я благодарю за то, что вы сделали за это время. Благодарю Олимпийским орденом МОК. Этот орден принадлежит всем, кто вместе с вами на славу работал. Рад, что этим орденом вы входите в историю спорта».

Вспомним, что до Багратиони этой высокой награды была удостоена Нона Гаприндашвили. «Очень порадовала меня эта награда – высший орден МОК. Среди его лауреатов – спортсмены, премьер-министры, общественные деятели. Попасть в этот круг для меня высшая честь», – говорит мне сегодня.

Это признание спортсмена и замечательного спортивного руководителя, одного из основателей Дома Багратиони (руководитель – Нинука Багратиони, Джано – заместитель), рода, насчитывающего деся-

тивековую историю царствования в Грузии и объединяющего сегодня около ста представителей; человека, который с молодости был обречен на лидерство, на огромную популярность, любовь и уважение. Он и сегодня, не побежденный болезнью, остается народным любимцем, все так же доброжелателен и приветлив.

Вспоминается одна из наших встреч по редакционным делам. Субботний день, но он по-прежнему в своем кабинете, работает. Вспоминает в беседе один эпизод за другим. Отвлекается на очередной телефонный звонок. Немедленно связывается с кем-то, с невидимым для меня человеком, просит записать на прием такого-то и помочь, непременно помочь. «Трудно не помочь нуждающемуся в твоей помощи», – говорит мне, положив трубку.

Я слушаю его, и думаю, как красив и значителен этот Человек Спорта, который на равных встречается с президентами и королями. Каким запечатлен на фотографии с королем Испании Хуаном Карлосом. «Это в Барселоне, на олимпийском теннисном турнире, – объясняет, перехватив мой взгляд, происхождение фотографии с королевским гербом и монаршим автографом. «На кортах и познакомились. Оказалось, король особенно хорошо знает историю Багратиони, связанную с Испанией. Хуан Карлос вспомнил известного в Испании автогонщика Хорхе Багратиони и других грузинских спортсменов. Мы сфотографировались на память. По возвращении в Тбилиси я получил фотографию – этот поистине королевский подарок». – «Вы, наверное, единственный человек в мире, снявшийся в шортах с королем», – говорю я, изумленный. Он только улыбается – сам король в своих владениях, в своем доме, в своей крепости, где счастлив со своей прекрасной семьей.

НЕПОБЕЖДЕННЫЙ

«Меня зовут Роберт Джеймс Фишер. Пижоны и друзья называют меня также Бобби. Я – профессионал. Я играю в шахматы. Это серьезное дело. Ничего другого делать я не умею, но что умею, делаю как полагается. Я родился под знаком Рыбы. Я – крупнейшая рыба, проглатывающая гроссмейстеров, это занятие как раз по мне. Деньги я люблю. Я мог бы играть с любым пижоном на ставку – доллар или два, но я хочу стать чемпионом мира».

Так в середине 60-х годов представлялся газетчикам один из величайших шахматистов, четко формулируя цель и средства, в выборе которых не всегда был особенно разборчив. Считаться с собой за шахматной доской он заставил рано. В 16 лет чемпион США – участник турнира претендентов на мировое первенство в Югославии, который принес победу Михаилу Талю и большое разочарование ему самому. Фишер проиграл будущему шахматному королю все четыре матчевые партии, хотя в последней был близок к победе. Много гроссмейстеров толпились у подножия Олимпа. Они оттеснили юного вундеркинда, который, разочаровавшись после неудач, несколько раз выходил из большой игры. Но недаром за Фишером еще в молодости замечали, помимо огромного шахматного дарования, поистине божьего дара, еще и бескомпромиссность и честолюбие, перед которыми расступаются любые преграды.

Вспоминается начало 1971 года, когда Макс Эйве, только вступивший в равно почетные и трудные обязанности президента Международной шахматной федерации, приехал в Москву. На встрече в Центральном Доме журналиста знаменитый голландец на вопрос, кого он считает самым выдающимся из чемпионов мира (а на вечере присутствовали четыре шахматных короля разных лет Ботвинник, Смыслов, Петросян и Спасский), не задумываясь, назвал Фи-

шера, повергнув в смущение хозяев. Американец к тому времени был претендентом на корону, но уже через год в Рейкьявике она упала ему в руки. Победив Спасского, одиннадцатый в истории шахмат чемпион мира исчез со спортивной арены непобежденный. Ушел, обиженный на ФИДЕ, на весь белый свет, хотя ряд его требований накануне матча с Карповым был удовлетворен.

И поплатился за это в 1975 году дисквалификацией, лишившей его главного – фанатично любимых шахмат.

«Не будет ли это подлинным событием века, если все мы вновь сможем удивляться и восхищаться гением Бобби Фишера?», - спрашивал гроссмейстер Лотар Шмид, главный арбитр матча на первенство мира в Рейкьявике.

И вот 49-летний неподимый гений, выйдя из добровольной самоизоляции, заточения, двадцать лет спустя вновь заставил заговорить о себе. На острове Свети Стефан в Адриатическом море 2 сентября 1992 года начался сенсационный матч Фишера со Спасским, поддерживающим с ним дружеские отношения. Похоже, что югославскому мультимиллионеру Ездимиру Васильевичу, вложившему в матч около десяти миллионов долларов, удалось сделать то, что многие годы пытался сделать всемогущий президент ФИДЕ Флоренсио Кампоманес – вернуть Фишера шахматам.

«Нью-Йорк таймс» писала: «Подумайте о Боснии, оккупированной формированиями, которые пользуются поддержкой Сербии. Теперь подумайте о шахматном гении Роберте Фишере, который в нарушение санкции ООН и самого приличия играет в Сербии ради денег матч против своего главного соперника Бориса Спасского».

Фишер не был бы Фишером, если бы его оставило мнение даже такой влиятельной газеты, как «Нью-Йорк таймс». На пресс-конференции перед открытием матча он демонстративно плюнул на

послание Госдепартамента США 21 августа, запрещающего ему играть. Одновременно с предъявлением обвинения был выписан ордер на арест Фишера. По заявлению в Вашингтоне представителя генерального прокурора страны Джея Стефенса, действия властей не просто символический акт, хотя попытка заставить Фишера вернуться в США признавалась достаточно иллюзорной. Экс-чемпиону мира пригрозили десятью годами тюремного заключения, штрафом в 250 тысяч долларов и конфискацией премии за победу в матче (3,35 миллиона долларов). «Политика не вправе опекать шахматное искусство» мог бы сказать Фишер, вспомнив поступок своего соотечественника, американского писателя Уильяма Сарояна, отказавшегося от престижной Пулитцеровской премии со словами: «Коммерция не вправе опекать искусство».

Теперь Фишеру не оставалось ничего другого, как выигрывать, приурочив победу к национальному празднику 500-летия открытия Америки Христофором Колумбом.

Говоря о сенсационном характере соревнования, я имею в виду прежде всего сам факт возвращения к практической игре американского гроссмейстера, о котором два десятка лет просачивались в прессу скудные сведения, а теперь каждый вечер миллионы людей во всем мире могли видеть его на экранах своих телевизоров. Необыкновенной популярности Фишера способствовали не только его выдающиеся победы, среди которых завоевание титула сильнейшего шахматиста мира, присуждение шахматного «Оскара» в 1970-1972 годах, множество первых призов самых престижных турниров, но и нездоровый интерес пишущей братии к судьбе вундеркинда. С годами писателями и журналистами создавался стереотип шахматного монстра с горящими глазами, убийцы за шахматной доской наподобие Мирко Чентовича, героя новеллы Стефана Цвейга. Между тем, Фишер человек исключительно вежливый и корректный в общении за шахматной доской.

Эдуард Гуфельд в 1982 году вместе с чемпионкой мира Майей Чибурданидзе играл в югославском городе Винковци на мемориале трагически погибшего Пустоница. 14 лет назад здесь с блеском выступил Фишер, завоевав первый приз. Как-то в свободный от игры день шахматисты из Грузии воспользовались приглашением инженера Анжелко Билаича и посетили его дом. Инженер близко знаком с Фишером, но рассказать о нем поначалу отказался, не имея на то согласие американского чемпиона. Однако после того, как Гуфельд заметил, что многие подробности из жизни выдающихся людей остались неизвестными, если бы все придерживались обета молчания. Анжелко с ним согласился и рассказал, что как-то привез Фишера к своему приятелю, малолетний сын которого увлекался шахматами. Когда взрослые встали из-за стола, мальчик попросил Фишера сыграть с ним в шахматы. Американец смутился: в те годы мало кто из взрослых отваживался бросить ему вызов. Билаич рассказал, что по дороге домой Фишер был непривычно молчалив, а потом, уступая расспросам, признался, что думал о том, правильно ли поступил, выиграв у ребенка все шесть партий. Он даже испугался, что проигрыш с «сухим счетом» может отбить у мальчика интерес к шахматам. И Фишер, отказавшись от мысли подарить ребенку ничью, все же выиграл эту партию, не дав ему усомниться в искренности взрослых.

Удивительная история. В ней Фишер предстает в совсем ином свете. К слову сказать, Гуфельд одним из первых сказал правду о великом американце. Мы с ним как-то одновременно в 70-х пришли к выводу: будущие поколения должны иметь правдивое представление об одиннадцатом чемпионе мира, а для этого надо по крупицам собирать связанное с ним. Может быть, потому в Сиэтле, куда Чибурданидзе и Гуфельда в составе советской делегации пригласили для популяризации Игр доброй воли 1990 года, американцы их спрашивали: «Как там Фишер?» Хозяев интересовала правда. Получалось, что Фишера

прятали от американцев. А ведь оба летели за океан в надежде встретиться с шахматистом-затворником. Фишера они видели, но другого – Джимми Фишера, сотрудника оргкомитета Игр доброй воли. Каждый раз, когда Джимми звонил и говорил, что у телефона Фишер, по признанию Гуфельда, он невольно вздрагивал: а вдруг?... Ведь Пасадена – пригород Лос-Анджелеса...

Мы так и назвали главу в нашей книге о Майе Чибурланидзе – «Мы ищем Фишера».

Лишены серьезных оснований попытки подозревать американца в чрезмерной алчности. Позвольте, могут мне возразить, а как объяснить, что Фишер едва не сорвал матч на первенство мира со Спасским, требуя удвоить сумму призового фонда? Согласитесь, что по нынешним меркам (призовой фонд матча в Югославии составлял 5,5 млн долларов) 125 тысяч долларов – сумма довольно мизерная на фоне миллионных гонораров «звезд» бокса, баскетбола, гольфа и тенниса. Требуя увеличить приз, Фишер преследовал одну цель – поднять значимость матча, а значит, и шахмат. Малоизвестен факт, что Фишер после победы в Рейкьявике отказался от 10 миллионов долларов за право использовать его имя в рекламном деле.

А как быть с утверждением, что Фишер ушел из шахмат из боязни возможного проигрыша? Обвинение серьезное. Его разделял, в частности, такой авторитет, как Михаил Ботвинник. И все же хочется напомнить, что за свою блистательную карьеру Фишер сыграл в различных соревнованиях 781 партию и набрал 567 очков или 73 процента. Этот результат позволяет признать его одним из самых выдающихся шахматистов всех времен. Необычайно высокий рейтинг, достигнутый американским гроссмейстером, первым смог превзойти Каспаров. Так что Фишер выигрывать всегда умел, рассматривая шахматы как искусство и являя собой образец шахматиста-универсала, отстаивающего принципы классической школы.

Весной 1966 года, перед началом первого матча на

первенство мира между Петросяном и Спасским, на страницах еженедельника «Неделя» состоялся их словесный поединок, своеобразный блиц-турнир вроде разминки капитанов в телевизионном КВН. Отвечая на вопрос, какой район какого города нравится ему больше всего, чемпион мира Петросян, попросив не посчитать за нескромность, назвал Большие бульвары Парижа в летний вечер. Сердцу Спасского были дороги старые районы нынешнего Санкт-Петербурга. Сейчас привязанности Спасского изменились, и он вполне мог бы ответить по-петросяновски. Уже проиграв матч Фишеру, Спасский познакомился в Москве с француженкой русского происхождения Мариной Щербачевой, дед которой был участником Цусимы, а родители бежали в эмиграцию от коммунистического рая, обещанного большевиками... Так Спасский женился в третий раз и стал французским гроссмейстером. Обращало внимание совпадение точек зрения обоих интервьюируемых в определении современного зарубежного гроссмейстера номер один – и Петросян и Спасский называли Фишера.

Много упреков пришлось выслушать Спасскому после Рейкьявика, хотя проиграть Фишеру не затор. Власть предержащие гневались. Союзный министр внутренних дел Щелоков высказался предельно откровенно: «Как же вы отдали корону американцу? Я бы всех, кто там был со Спасским в Рейкьявике, арестовал». И арестовал бы, если б разрешили. Выходит, повезло всем, кто на матче не был. Но и тем и другим приходила в голову крамольная мысль: а почему Спасский не отказался от матча после неявки Фишера на открытие, жеребьевку, первую и вторую партии? Он остался джентльменом, согласившись с требованием американца играть третью партию в закрытом помещении, без зрителей. Чемпион мира ее проиграл, а следом за ней – пятую, шестую, восьмую и десятую партии. Судьба матча определилась, и можно было собирать чемоданы.

Спасский остался, чтобы спасти матч, хотя это

была не его игра. Остался не ради долларов, которые из сейфов английского банкира-мецената Слейтера должны были перейти в его карманы, и вовсе не для того, чтобы убедиться, как это Фишеру во время игры удается поддерживать радиосвязь с американскими кораблями, якобы имеющими на борту ЭВМ, нацеливающиеся на шахматной программой. Побудила его остаться любовь к шахматам.

Вспомним, как лихорадило Спасского в том многострадальном матче. В Москве хватались за головы, готовили дипломатические и недипломатические ходы. Считалось, что уступив Фишеру во всех его требованиях, Спасский проиграл шахматную корону еще до начала матча.

И речь шла не только о разборе шахматного кресла, привезенного американцем в Исландию, которое действительно разобрали, обнаружив пустоту и парудохлых мух. Фишер тогда нервничал, выдвигая новые требования, подчас срывая свое настроение на случайных людях. Во время игры он потребовал от судьи вывести из зала семилетнюю девочку за то, что она, сидя в первом ряду, лакомилась монпансье. «Но я только четыре конфетки съела!» – заплакала девочка. «Не четыре, а шесть, маленькая лгунья! – хладнокровно парировал Фишер, оторвав взгляд от шахматной доски. – Ты думаешь, я не считал?»

Таким он был в жизни и за шахматами, непредсказуемый Фишер, который в Черногории заявил, что готов признать Спасского чемпионом мира в случае победы в матче. Эта откровенность, конечно, не привела в восторг Каспарова, но свидетельствовала о серьезности намерений обоих участников.

Возвращение Фишера в большие шахматы вызывало надежду у поклонников древней игры. Не вдаваясь в подробности мотивов поведения затворника Пасадены, а потом Франконской Швейцарии, Германии, Венгрии, можно с уверенностью сказать: уход Фишера лишил шахматы многих шедевров. Теперь, задумавшись над позицией, при пущенных новых шахматных

часах, которые он изобрел и запатентовал, Фишер должен был доказать, что все еще способен блистать. А может быть, он просто намеревался играть в свое удовольствие, награждая себя за долгий шахматный пост.

Уже первая партия показала, что Фишер с годами сохранил не только отменное здоровье, но и былую шахматную силу. Удивил не результат – Фишер давно приучил к своим победам, но само качество его игры. Как отмечали специалисты, американец времени зря не терял и играть стал сильнее. Успех этот на Манхэттене расценили как триумфальный. Но так считали не все. Каспаров в беседе с корреспондентом Франс Пресс нелестно отозвался о качестве игры в югославском матче. Возможно, чемпион мира просто возвращал долг Фишеру, который, как писали репортеры «Штерна», комментируя игру Каспарова с Карповым в севильском матч-реванше, объявил Каспарова слепым, за считанные секунды опровергая варианты чемпиона мира.

Московское телевидение в спортивном уик-энде познакомило тогда зрителей с мнением Алексея Суэтина, который высказался в том роде, что Фишер, дескать, не тот. Конечно, 65-летний обозреватель газеты «Правда» мог предположить, что 49-летний Фишер с возрастом утратил шахматную силу, но, как говорил в таких случаях Таль, сам американец так не считал. А Спасский – он тот или не тот? Обвинить сразу двух чемпионов мира в том, что они разучились играть в шахматы, Суэтин, понятно, не захотел. В подобных случаях цирковые борцы в начале века прибегали к «гамбургскому счету», когда, сбросив маски, выходили на ковер и в открытом поединке доказывали свою правоту и истинную силу. Но вряд ли Фишер захотел играть матч с Суэтиным.

На первой еженедельной пресс-конференции, предусмотренной регламентом матча, Спасский выразил удовлетворение возвращением Фишера к активной шахматной игре: «С его уходом мы поте-

ряли истинного короля шахмат. А теперь и ко мне вернулось желание играть». Спасский откровенно продемонстрировал это свое желание, нанеся сопернику два сокрушительных нокаутирующих удара, от которых тот, казалось, долго не придет в себя. Проиграв четвертую и пятую партии, Фишер был близок к поражению и в шестой. Во всяком случае, только на седьмом часу игры он смог облегченно вздохнуть, убедив соперника в коварстве ладейных окончаний, которые, как учит один из самых популярных (и неверных!) шахматных афоризмов, все ничейные. Эта ничья, добытая американцем в поте лица, прибавила ему уверенности и основательно испортила настроение самому Спасскому, который проиграл седьмую и восьмую партии. Счет в матче скакал, как стрелка барометра перед бурей: теперь лидировал Фишер, поражения которого готовы были объяснить двадцатилетним тайм-аутом непобежденного чемпиона.

А как тогда объяснить новые его победы? Югославский матч Фишер на пресс-конференции с журналистами потребовал называть чемпионатом мира-92 и матч-реваншем XX века. Себя он продолжал считать чемпионом мира, а Спасского – претендентом. И так требовал их представлять в прессе. Непокорным журналистам он пригрозил ни мало ни много лишением аккредитации на матче. Не знаю, как насчет столетия, но матч-реваншем одной недели он стал. Так, в ходе пресс-конференции Фишер на вопрос, каким он видит Спасского спустя двадцать лет после их встречи в Рейкьявике, обронил загадочную фразу: «Удивлен, но Борис с тех пор почти не изменился». Как это изволите понимать? Как комплимент шахматной силе соперника или скрытую издевку?

На другой пресс-конференции, в Хельсинки, Гарри Каспаров заявил, что готов играть матч с Фишером, не уточнив при этом, какой статус будет определен их поединку. Два условия он все же оговорил – наличие солидного спонсора и проведение шахматного спора в цивилизованной стране.

Вторая большая сенсация была зафиксирована в самом матче, где последние партии прошли под знаком сильнейшего штурма отнюдь не тихого американца. Соревнующийся соперники в квадрате ринга, рефери со спокойной совестью мог остановить поединок ввиду явного преимущества Фишера. Окончательный счет матча 10:5 в его пользу.

Оба участника не подтвердили мнения Каспарова, назвавшего их шахматными пенсионерами. По отзывам специалистов, уровень игры был достаточно высок, что заставляло вновь задуматься над вопросом: какое место занимает Фишер в мировой таблице о рангах. После победы над Спасским он мог снова возглавить список сильнейших шахматистов планеты. Но этого ему показалось мало. У шахматисток аналогичный реестр выводит на первое место младшую из сестер Полгар – Юдит, двукратную олимпийскую чемпионку, обладательницу шахматного «Оскара» за 1988 год. Фишер готов был играть с ней товарищеский матч, подкрепляя свои претензии считаться абсолютным чемпионом. Подобного соревнования история шахмат еще не знала.

И не узнала. Последующие годы жизни опального шахматиста свелись к сведению счетов с его бывшей родиной – США, чей престиж он отстоял в матче против советского чемпиона мира. После их повторного матча 1992 года налоговое ведомство и Госдепартамент США обвинили Фишера в нарушении бойкота Югославии и уклонении от уплаты налогов.

В декабре 2003 года Госдеп США официально объявил об аннулировании американского паспорта Фишера, еще через полгода он был арестован в японском аэропорту и помещен в тюрьму для нелегальных иммигрантов, где провел восемь месяцев. И был освобожден в 2005 году после согласия Рейкьявика, помнившего триумф Фишера 1972 года, предоставить ему убежище и исландское гражданство.

Из Рейкьявика пришла и самая горестная весть о Фишере, оставившем человечеству свои бессмертные

и вечнозеленые партии и две книги – «Мои 60 памятных партий» (1969) и «Бобби Фишер учит играть в шахматы» (1972), которым не грозит забвение. Адресованы они всем, кто любит шахматы.

Всех их он считал своими друзьями.

ФИНТ МЕСХИ

Какой большой мастер не мечтает хоть раз сыграть на «Уэмбли», да еще в составе сборной мира! Такая возможность предоставилась двум десяткам избранных осенью шестьдесят третьего, когда великая игра отмечала 100-летие основания английской футбольной ассоциации. 23 октября тренер ФИФА Рiera вывел на идеальный газон лондонского стадиона игроков, способных, по его мнению, противостоять англичанам – сильнейшим в Европе. Яшин, Джалма Сантос, Эйсагуире, Поплухар, Шнеллингер, Плускал, Масопуст, Бакстер, Копа, Зеелер, Лоу, Эйсебио, Ди Стефано, Пушкаш, Хенто. По достаточно веским причинам не смогли воспользоваться приглашением Пеле, Гарринча, Нилтон Сантос, Ривера, Мальдини.

Англичане победили – 2:1. Мячи у них забили Пейн и Гривс во втором тайме, после того, как югослав Шошкич заменил в воротах нашего Льва Ивановича. В сборной «остального мира» отличился шотландец Лоу. Гривса и Яшина признали героями интернационального матча, а мог им стать и Михаил Месхи, персонально приглашенный на престижную встречу. Но во всесоюзной федерации футбола решили за него, посчитав, что левый крайний нападающий на тот момент утратил форму. А он рвался в бой и был не слабее испанца Хенто.

Через пару лет тренер сборной Испании Хосе Вильялонга проговорился, что мечтал бы заполучить такого игрока, как Месхи. Будучи наслышан о его доблести во время турне советской сборной в Южной

Америке, когда в ноябре шестьдесят первого за десять дней были повержены сборные Аргентины, Чили и Уругвая, а сам Месхи матч на «Ривер Плейт» превратил в кошмар для аргентинских защитников Симеоне и Дельгадо; стадионы встречали гулом всякий раз, когда мяч попадал к Месхи, и он по окончании игры спасался в тоннеле от зрителей, готовых разорвать на сувениры его майку с номером «11», который еще долго будут писать мелом на спине тбилисские мальчишки.

Он был не старше их, когда перешел в тбилисскую 35-ю футбольную школу и был зачислен в ее третью команду, а скоро - в первую, став в команде победителем всесоюзного турнира футбольных школ. Но еще раньше поражал универсальностью: одновременно увлекался футболом, бегом, прыжками в высоту, поднятием тяжестей. Стал разрядником в классической борьбе, и опытный наставник Георгий Вардзелашвили не скрывал, что растит две будущие звезды мирового ковра. Одного из них звали Гиви Картозия. Другой был Миша Месхи, но, вывихнув руку на тренировке, навсегда связал свою жизнь с футболом. В 17 лет был зачислен в тбилисское «Динамо». 7 июля 1955 года вышел играть за основной состав, в Киеве против местных динамовцев; преодолев естественную робость дебютанта, на скорости обвел трех защитников и выдал точный пас Автандилу Гогоберидзе, который переправил мяч в ворота. После этого 15 сезонов защищал цвета динамовского клуба, уступая по этому показателю одному Гогоберидзе.

Свой редкий природный талант Месхи помножил на старание, фанатичную работоспособность, с годами все познал в футболе и все в нем мог. Решительный и гордый, лучше других знал свои возможности, сложный характер, отстаивая собственные принципы и право на непохожесть. Вспоминал с обидой некоторых своих тренеров: «Объявляли: сегодня кросс. Это значило, что все должны были бежать кросс. Я сколько ни заставлял себя, никак не мог понять - для

чего мне этот длинный бег. Левому крайнему полезнее заниматься спринтом, овладевать секретом стартового рывка. Говорю об этом тренеру, а он смотрит мимо меня и изрекает ледяным тоном, что инструкция не предусматривает никаких исключений. Я говорю, что в два раза больше сил потрачу, а он спрашивает, кто это сможет проверить... Но, конечно, были и другие тренеры - среди них Михаил Якушин и Гавриил Качалин, - которые на это иначе смотрели, понимали, кто на что способен и кому что надо. Эти люди и дали мне многое и как игроку, и как тренеру».

Выдвинувшись в ряды лучших футболистов мира, он нередко встречал непонимание, обжигался о пламень несправедливых нападок и лед недоверия. На чемпионат мира-66 в Англию советская сборная отправилась с тремя правыми крайними нападающими и без левого крайнего, имея под боком Месхи, и потом расплачивалась за безверие и недалекость футбольных руководителей.

Когда на стадионах Южной Америки советскую сборную встречали аплодисментами, это было признанием заслуг победителей первого розыгрыша Кубка Европы-60. И его, Месхи, одного из героев финала 10 июля в Париже. Основное время тогда закончилось вничью - 1:1, и все решилось в дополнительное.

Виктор Понедельник вспоминал: «Атаку начал Юрий Войнов. Обыграв Матуша, он длинной передачей выводит по левому флангу вперед Михаила Месхи. Все внимание югославских защитников к нашему левому крайнему. Я бросился вперед, к одиннадцатиметровой отметке. Милодинович опоздал на этот рывок, а Миша без малейшей задержки мягко навесил мяч на штрафную площадку. Вратарь Виденич не решался выйти на перехват мяча. Я прыгнул вверх, ударил головой и послал мяч в дальний от себя верхний угол ворот. После прыжка завалился на спину. Ничего не вижу и только по грохоту трибун парижского стадиона догадываюсь: гол!.. гол!»

Так был добыт один из главных трофеев советско-

го футбола - при непосредственном участии Месхи, который знал великий секрет - оказываться в нужное время и нужном месте, где ковалась победа. В составе сборной, за которую сыграл 35 раз, и в своем динамовском клубе участвовал во многих «звездных» матчах, украшением которых стала его игра. 28 мая 60-го в международном матче динамовцев Тбилиси и английского клуба «Шеффилд Уэнсдей» на 74-й минуте в ворота гостей был забит единственный в этой встрече мяч - отличился Месхи с одиннадцатиметрового. 26 октября того же года тбилисцы принимают в полуфинальном кубковом матче донецкий «Шахтер». Последняя минута поединка на заснеженном поле, а счет - 1:1. Месхи каскадом финтов прорывается по флангу и за секунду до финального свистка забивает долгожданный гол. 18 ноября 1964 года в Ташкенте, в дополнительном матче с московскими торпедовцами за золотые медали чемпионов страны, левый крайний тбилисцев снова на первых ролях. В дополнительное время при счете 1:1 Илья Датунашвили выводит команду вперед, а потом настал черед забивать Месхи. И четвертый мяч в воротах автозаводцев побывал во многом его стараниями - после опасного прострела вдоль ворот защитник задержал мяч рукой. Пенальти реализовал Слава Метревели.

Таких славных историй, связанных с именем выдающегося грузинского форварда, немало, когда с превеликим трудом доставался билет на футбольное действо. В перерыве между таймами начинался массовый сход зрителей к северной или южной трибуне, поближе к чужим воротам, где разворачивались основные события с участием Месхи. А его финт, когда он шел с мячом на защитника и ложным движением в сторону вынуждал ошибиться, мастерски подкручивал мяч и посылал за спину опекуна и, как слаломист на крутом вираже, обходил, устремляясь к воротам, над которыми загорался невидимый сигнал бедствия.

Финт Месхи знали, защитники изучили доскональ-

но и все же попадались на его уловку. Не избегал ее и двукратный чемпион мира Джалма Сантос в московском матче сборных СССР и Бразилии 1965 года. Это испытанное оружие из богатого арсенала приемов Миши готово было сработать против любого защитника, а то и сразу двух. Он в конце концов доказывал свое явное техническое превосходство, после чего продолжение игры становилось пыткой для его опекуна. Были в этом единоборстве удалы и озорство большого мастера, и отменные физические кондиции, и характер истинного тбилисца, всегда ценящего острую шутку.

Он отыграл свой последний календарный матч чемпионата страны - решил уйти. Этот день, 16 июля 1969 года, пришлось на международную встречу динамовцев Тбилиси с уругвайским «Насьоналем» из Монтевидео. Но даже уходящий Месхи продолжал не устраивать кого-то. Вначале попытались ограничить время его пребывания на поле тремя минутами, как в шахматной блицпартии, а потом расщедрились на один тайм, забывая, что речь идет о проводках заслуженного мастера спорта, обладателя золотой и трех бронзовых медалей чемпионатов страны, шесть раз входившего под первым номером в список «33 лучших». Ничего не подозревавшие уругвайцы долго не могли понять, почему уходит игрок, бывший лучшим на поле, когда в перерыве динамовцы подняли на плечи своего Мишу и совершили с ним круг почета по стадиону, мимо рукоплескавших ему трибун. Он уходил в 33 года, в возрасте Христа, на взлете своих возможностей, как Гамлет, сраженный недругами и победивший. Невольно вспомнились трагическая музыка Шостаковича и фортинбрасовы слова: «Пусть Гамлета поднимут на помост, как воина, четыре капитана...» Тот черный день наступит в апреле девяносто первого, а пока его бенефис. И не вина Месхи, что он выдался с горчинкой.

Заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР Андро Жордания в книге «Размышления о

грузинском футболе» писал: «В футболе много я повидал и плохого, и хорошего, и удивить меня нелегко. Но осталось загадкой, почему Михаил Месхи оставил большой футбол. Разве плохо играл? В предыдущем году его почему-то редко ставили в состав команды, но с ним «Динамо» почти не проигрывало и, главное, он был лучшим на поле. В этом же году, после большого «отдыха», вышел против всемирно известной команды - уругвайского «Насьоналя». Думаю, его товарищи не обидятся, если скажу, что в тот день Месхи на поле не имел себе равного. Это многого стоит - так выделяться среди двадцати двух лучших грузинских и уругвайских футболистов! Так значит, Михаил Месхи может играть! И разве неудивительно, что такого футболиста провожаем как «старика»? Я, разумеется, не считаю нужным характеризовать Михаила Месхи - его рыцарскую, мужественную, взрывную игру, импровизацию, верность собственному футбольному кредо. Все это широко известно. Но одно добавлю: советский футбол никогда не имел другого такого левого крайнего, более того - он и сегодня оставался бы лучшим форвардом».

Конец карьеры Месхи побудил Эроси Манджгаладзе навсегда попрощаться с микрофоном. Мастер грузинского театра и кино дал исчерпывающее объяснение: Миши Месхи на поле нет, и его пребывание в кабине радиокomentатора потеряло смысл.

МОЦАРТ ГИМНАСТИКИ

Она могла стать талисманом Мюнхенской олимпиады, изящная девочка с огромными зелеными глазами. На открытии Игр шла в первой колонне олимпийцев, рядом с трехкратным олимпийским чемпионом Александром Медведем, несшим, как пушинку, в вытянутой руке алый советский флаг. В первый день соревнований она прорвалась к гимнастическому по-

мосту, вместе с командой ходила от снаряда к снаряду, радовалась, будто сама выступала.

В 13 лет Нина Дронова обещала стать самой молодой участницей Олимпиады, но среди соревнующихся ее не увидели. Минчанка Тоня Кошель, запасная сборной, могла о себе сказать: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Чужое несчастье. Нелепый случай – пищевое отравление в Москве – дорого обошелся Нине, когда врачи «Кремлевки» боролись за молодую жизнь. В четыре часа утра, из-под капельницы, без сил, мчали ее в машине в аэропорт, к улетающей в Германию олимпийской сборной.

Людмила Турищева, Любовь Бурда, Ольга Корбут, Тамара Лазакович, Эльвира Саади, Антонина Кошель. Какое созвездие гимнастических талантов! Абсолютная чемпионка мира, две чемпионки Олимпиады в Мехико, чемпионка Европы, победительницы международных турниров. И среди них уверенно чувствовала себя совсем юная гимнастка из Тбилиси Нина Дронова, для которой делали исключение, допуская на соревнования взрослых. Это не мое мнение – Ларисы Латыниной. Латынина в 1958-м впервые стала абсолютной чемпионкой мира. В том же году в Тбилиси родилась Нина Дронова.

Рассчитывали на нее? Безусловно, иначе не взяли бы на Олимпиаду. Старший тренер советской сборной любимиц в команде не имела. Были девочки, скажет потом Латынина, которыми особенно дорожила – из-за их таланта, за божью искорку. «Помните Нину Дронову? Условий у нее для тренировок почти никаких не было, а она все равно блистала, как бриллиант. Вот ее-то я очень хотела сохранить для команды. И не съешь она этой проклятой колбасы перед Олимпиадой-72 в Мюнхене, и зазвучало бы ее имя звонко. Жаль, очень жаль, что не получилось».

Полно, Лариса Семеновна, легендарная чемпионка, обладательница девяти золотых олимпийских медалей. Вам ли было не знать, что даже не полностью восстановившаяся после отравления Дронова

рвалась в бой, от азарта у нее горели ладони, щеки. Заменявшая ее Антонина Кошель упала на брусках и еще пару раз, и в финалы на отдельных снарядах не попала. «А наша Нина не падала», - говорит мне с гордостью Валентина Климова, которую взрослая Дронова все еще зовет мамой.

Уже живя в Атланте, Ольга Корбут, словно подтверждая свою репутацию звезды с характером, сказала: «В спорте у меня не было подруг – одни соперницы». Узнав об этом из газеты, Нина только улыбнулась: «Это потому, что Оля не жила в Тбилиси». Вся ее жизнь говорит в пользу бескорыстной дружбы. Мама, Маргарита Иосифовна, оказалась в детдоме на оккупированной территории и потом трудными дорогами добиралась до Тбилиси, где нашла свою судьбу, познакомилась с мужем, который умер слишком рано, 32 лет от роду. Осталась мать одна с тремя дочками на руках. Нина – средняя из них. В восемь лет ее приняли в ДЮСШ «Гантиади» Тбилисского авиационного завода имени Димитрова в заботливые руки заслуженные тренеры Грузии Серго Бурджанадзе и Валентина Климова, многократная чемпионка республики, увлеченная гимнастикой на всю жизнь. Через восемь месяцев прервались их занятия с новенькой, которая была чуть сильнее, гибче, прыгучее, смелее остальной малышни. Пришло большое горе в Нины дом – умер отец. Уезжая в отпуск к морю, Валентина Ивановна уговорила Маргариту Иосифовну отпустить Нину с ней – пусть отвлечется, развеется. Потом была совместная поездка в Москву, на финальные соревнования IV Спартакиады народов СССР, где девочка, замирая от восторга, смотрела все эти пируэты, бланши, прыжки-олени в исполнении знаменитых чемпионок.

У нее от природы неэластичная кисть, и ее преследовали травмы рук, а она, еще ребенком, вернувшись домой из Москвы, тайком от тренера смогла освоить на брусках технику дуги с поворотом на 540 градусов – «вертушку Бурды», и обыграла на соревнованиях

Любу, первооткрывательницу этого сложнейшего элемента, к слову сказать, абсолютную чемпионку СССР. За внешнее сходство с мальчишкой, задиристый характер Нину прозвали Сережкой. Одухотворенность, поэзия движений, умение создавать музыку в музыке пришли к ней позже, а пока, описывая пору ученичества суперзвезды, журналисты чаще вспоминали ее детскую возню с куклами, по соседству с гимнастическими снарядами. В спортзале вместе с Климовой она готовила школьные уроки, устав от дневных треволнений, дремала у нее под мышкой, маленькая и хорошенькая, как котенок. Поздно вечером Сергей Александрович и Валентина Ивановна отводили сонную Нину домой, держа за руку – она боялась собак, но успевала заметить красивые звезды.

В 11 лет Нина стала мастером спорта, через год впервые вошла в десятку сильнейших гимнасток СССР и в десятку лучших спортсменов Грузии. И еще дважды повторила этот успех.

Влюбленный в гимнастику обозреватель «Советского спорта» Станислав Токарев писал: «Никогда и нигде в мире не было более талантливой гимнастки. Нина создана для гимнастики. Если можно было построить идеальную человеческую конструкцию – физическую и психологическую – для того, чтобы оказаться вдруг на ступень выше Латыниной и Чеславска (поймите меня правильно – я отдаю должное этим великим гимнасткам), то нельзя было бы придумать ничего большего».

Трудно поверить, но это о 12-летней гимнастке, которая, устав физически и морально, в 18 лет уйдет из большого спорта, оставаясь символом вечности гармонии, добра и красоты, какой ее увидел кинорежиссер Элем Климов в фильме «Спорт, спорт, спорт» – в новелле без всякого текста, в которой средствами монтажа сопоставлены прекрасные женские лица с полотен мастеров Возрождения и удивительное, вдохновенное лицо маленькой девочки в гимнастическом купальнике – лицо Нины Дроновой. Широко

раскинув руки, она выходит на ковер. Потом на экране возникают кадры дисгармоничного, уродливого в своей разорванности мрачного мира Сальвадора Дали, и снова – загадочная улыбка Джоконды, снова – улыбка современной девочки. Дроновская улыбка.

Станислав Токарев: «Без доли преувеличения я должен сказать, что этот ребенок – уникальное явление в мировой гимнастике, Моцарт гимнастики, если хотите. Ее двигательные возможности неограниченны, она на лету схватывает и усваивает технику таких элементов, которые взрослым не под силу, а главное, она уже сейчас, в свои тринадцать лет, умеет жить под музыку так, как, может быть, Наташа Кучинская и мало кто еще».

Крушение авторитетов произошло за год до начала Олимпиады-72, летом на V Спартакиаде народов СССР. Команда белорусских гимнасток победила признанных лидеров – спортсменов Украины и Москвы. Чемпионкой стала 17-летняя Тамара Лазакович из Витебска, сумев обыграть олимпийских чемпионок в Мексике Ольгу Карасеву, Зинаиду Воронину, Ларису Петрик, Людмилу Турищеву. Но выдающийся успех белорусской спортсменки сразу потускнел в тот же день, 17 июля, когда пришла новость из Уфы, где по спартакиадной программе соревновались юниоры.

- Это самое выдающееся достижение Нины, - рассказывает Валентина Климова, - стоит вспомнить, что Нине было 13 лет и ее в порядке исключения допустили на соревнования (при возрастном цензе 14 лет). Выступления гимнастов на арене уфимского Дворца спорта совпали со съемками приключенческого фильма «Корона Российской империи, или Снова неуловимые» Эдмонда Кеосаяна, и съемочная группа в полном составе вместе с артистами цирка горячо поддерживала Нину. Сплошное упомощательство на трибунах. Судьи роняли карандаши. Наша девочка в самом деле сотворила чудо, превзойдя в неофициальном зачете результат Лазакович, ни одним движением не выдавая свою «детскость». У нее гроссмейстерская

сумма в многоборье – 38,95 балла из 40 возможных. Тамара в заочном споре проиграла ей 0,285 балла. У обеих одинаковые высшие результаты в упражнениях на бревне и брусьях – по 9,65. Нина была сильнее в опорном прыжке (9,65 против 9,435 в Москве) и вольных упражнениях. В последних под гром аплодисментов исполнила поворот на 720 градусов. Судейский вердикт – 10 баллов! Подобного триумфа не знала гимнастика со времен Наташи Кучинской.

Из Уфы семиклассница тбилисской средней школы №97 уезжала в ранге абсолютной чемпионки спартакиады среди девушек, добавив к большой золотой медали высшие награды за победу на всех четырех снарядах.

И понятен небывалый интерес общественности к выступлениям Дроновой. Спортивный журналист Борис Семенов беседует с Ларисой Латыниной: «Что будет с Ниной через год, когда грянет Олимпиада?» – «Пока еще Нина ребенок. Талантливый, но все же ребенок» – «Значит, вы не возьмете ее в сборную?» – «Это для печати?» – «Да» – «Для Нины год – срок огромный. Я отвечу вам будущей весной».

Старший тренер женской сборной чего-то не договаривала. Дронова ринулась в новый бой, укрепляя свои амбиции. Месяц спустя, выступая в составе сборной страны на традиционных международных соревнованиях юных гимнастов социалистических стран в польском городе Катовице вместе с подругами по команде была первой, победила в многоборье и выиграла золото на трех снарядах. В ноябре 1971-го стала абсолютной чемпионкой на международной встрече гимнастов СССР, Японии, США, Венгрии в японском городе Нагоя, опередив по сумме многоборья Людмилу Турищеву и Ольгу Корбут, победила на трех снарядах.

Рассказывает Валентина Климова: «Предолимпийские сборы прошли в минском Дворце спорта. За десять дней до Олимпиады гимнасты переехали в столицу. Серго Бурджанадзе посадил Нину в московский

поезд, а мы отбыли домой. В Тбилиси нас встретила ошеломляющая новость: «Дронова отравилась». Мы, ее тренеры, до этого не были включены в спортивную олимпийскую делегацию, это право предоставили Ларисе Латыниной и тренеру Турищевой – Славе Растороцкому. Мы все же успели к открытию Олимпиады в составе профсоюзной делегации. На параде увидели Нину в роли ассистентки знаменосца советской команды и поняли, что пролетели Олимпиаду. Это был ужасный удар!»

С годами боль не утихает. История гения и злодеяствия повторилась. Кто были нелюди, скормившие Нине, совсем еще ребенку, пачку изафенина? В случае тривиального пищевого отравления колбасой все бы обошлось промыванием желудка, а тут препарат проник в кровь...

На что могла рассчитывать Нина в Мюнхене, стало очевидно все в том же олимпийском году, в начале декабря, когда на турнире в Нагоя она опередила в многоборье сильнейших гимнасток мира, включая абсолютную олимпийскую чемпионку Людмилу Турищеву.

Япония, с ее культом детей и гимнастики, сравнивала Нину с веткой цветущей сакуры, называла девочкой ста тысяч надежд. Сохранились японские газеты с фотоснимками Дроновой на первой полосе, словно парящей над ковром, над адресованным ей огромным транспарантом «Моцарт гимнастики». Это имя к ней тоже пристало на годы. И Эйдо Кэнмоцу, трехкратный олимпийский чемпион и абсолютный чемпион мира, поздравляя Нину с завоеванным кубком, осторожно держал в железной ладони ее маленькую ладошку, и другой кумир японцев – пятикратный олимпийский чемпион Мицуо Цукахара, стоя аплодировал, когда она, закончив вольные, счастливая всеобщим обожанием, крылато раскинув длинные руки, по-детски вприпрыжку сбегала с помоста.

В Лондоне, на стадионе «Уэмбли», после победы на международном турнире «Все чемпионы» 1974

года ее назовут букетом нарциссов – национальной эмблемы валлийцев – и надеждой русских на золотую олимпийскую медаль в Монреале. «Она идет по счастливым следам маленькой Ольги», – сообщал репортер «Дейли экспресс», забыв, что «маленькая» Корбут на три года старше Дроновой.

«Какой-то злой рок меня преследовал, – говорит Нина. – Я одна во всем виновата – ленилась, не сделала, что могла. Бог дал мне талант, а не сказал, как им распорядиться. Все давалось слишком легко, мне бы больше серьезности, старательности, как у Турищевой. Но в молодости кажется, что праздник никогда не кончится».

Услышав откровение чемпионки мира 1974 года, одной из самых лиричных гимнасток, я мысленно содрогнулся. На вопрос, сколько раз она была чемпионкой страны среди девушек, отвечает: «Много. Особенно на брусьях и в вольных упражнениях. Я даже сбилась со счета».

Окончив Грузинский институт физической культуры, она пришла тренером-хореографом в свою заводскую школу гимнастики и десять лет обучала детей. Победительница крупнейших турниров, мастер спорта международного класса, осталась уникальным явлением в мировой гимнастике, а заслуженным мастером спорта так и не стала – поскупились чиновники от спорта.

Личная жизнь ее складывалась удачно, вышла замуж за выпускника Московского института пищевой промышленности Геннадия Джамапишвили. Их дочь Наташа – выпускница Государственного медицинского университета, лечащий врач тбилисского роддома N5 и крестница ее лучшей подруги, чемпионки мира Русудан Сихарулидзе, унаследовала от матери дроновскую улыбку. А глаза у нее синие...

Что еще человеку надо для счастья? И все же я не удержался, спросил.

«Я держала в руках олимпийское золото, – сказала Нина. – Спортсмен всю жизнь мечтает об олимпийс-

кой вершине, а я стояла на ней».

Непрошенные гости украли из дома все ее именные медали и кубки – результат яркой спортивной жизни, не подозревая, что покушаются на народное достояние. «Думали, наверно, что они и в самом деле золотые», – говорит Нина. Остались у нее одни фотографии и немногословные газетные вырезки.

Мощартом гимнастики называли Нину Дронову.

РАЗВОДЯТ ДРУЗЕЙ ОКЕАНЫ

Жизнь невозможно повернуть назад. Поверим Алле Пугачевой, которая всенародно объявила о своем открытии. Но соблазн велик. Почему бы не вернуться, к примеру, в Тбилиси середины 70-х годов, в гостиничный номер «Иверии», на семейный совет Чибурданидзе, обсуждающий вопрос, как помочь Гуфельду и автору этих строк написать книгу о Майе, которой только исполнилось пятнадцать. Талант, что называется, виден невооруженным глазом. В «Советском спорте» появилось сообщение Эдуарда Ефимовича: «Есть в Кутаиси девочка одна...» Событие само по себе сенсации не содержащее. Но когда о нем проговорился шахматный гроссмейстер с мировым именем, имеющий в активе победу над Талем, оно дорогого стоит. Итак, решено. Пишем. Не слишком ли рано, сомневаемся, приступая к работе. Через несколько лет книга эта окажется запоздалой. Справимся? Вы еще спрашиваете?

Семья Майи добросовестно выкладывает на стол все, чем богата. Тонкий альбом с фотографиями шахматного вундеркинда, тетрадка в клетку – воспоминания первой учительницы, пара-другая почтовых открыток. Не густо. С грустью вспоминаем находчивого солдата из сказки, знавшего рецепт супа из топора. Но назвались груздем...

Работаем без отрыва от производства на шахмат-

ном и газетном фронтах. Гуфельд к тому же выполняет обязанности тренера девочки. Я прибегаю к последнему резерву, к праву на десятидневную творческую командировку в любую точку страны – к холодным водам Балтики или по следам Чехова на Сахалин. Пока раздумываю, как бы не продешевить, сменился редактор. Захожу в кабинет к новому. Выслушивает недоверчиво, не каждый день меняют прошлогоднюю командировку на десятидневный творческий отпуск. «В самом деле, не использовали?» Я готов поклясться. Редактор-новобранец облегченно вздыхает, узнав, на что я собираюсь растратить свою премию. Отвечает откровенностью на откровенность: «А я уезжаю в Москву, на съезд журналистов». Остается пожелать друг другу успехов, что мы и делаем с облегчением. А до успеха – времени с воробьиный нос. Но обговорены подробности, и шахматный рыцарь уезжает в Баку, на очередной турнир. Я запираюсь дома и колдую над рукописью. Скоро книга сказывается и скоро пишется. Вот и друг – свалился как снег на голову. Читает готовую книгу. Мой соавтор сияет, как новенький доллар США. Говорит моей жене: «Он у тебя гений». Приятно, когда тебя называют гением даже в шутку. А если серьезно, специалисты потом не припомнили другого случая, чтобы о шестнадцатилетней шахматистке была написана (и издана!) книга – такого в литературе еще не было. Как не было и того, чтобы шахматную корону оспаривала школьница.

Вы не помните? Вспомните, какой шахматный ветер-крепчак дул в сентябре 1978-го на мысе Пицунда. После первых партий матча на первенство мира Гаприндашвили – Чибурданидзе руководитель пресс-центра, международный мастер Михаил Юдович-старший в беседе с корреспондентом Грузинформа заметил: «Четвертая партия в психологическом плане может оказаться переломной». Мы оба тогда не знали, что конкретно имел в виду обозреватель, но он оказался прав. Так считали и честно написали в вышедшей в Москве книге «Семнадцать весен Майи». «Слушай

сюда, – говорит мне Гуфельд, забыв, что он родом не из Одессы – из Киева, – звон идет по всему Союзу из-за нашей остроты». Я подозрительно смотрю на него. Не он ли растрезвонил. Сейчас, по прошествии времени, не устаю любоваться ее классической красотой. Проводись чемпионаты мира в этой области, думаю, она вернулась бы призером по меньшей мере.

Вы улыбнулись. А вот повод для новой улыбки. Майя – чемпионка мира. В 17 лет! Об этом стало известно накануне через всезнайку телетайп. И уже не секретом – фактом должно стать достоянием читателей газеты «Заря Востока». Кому поручить почетное право написать очерк о чемпионке? Для молодого моего коллеги, самого прыткого из присутствовавших в то утро на планерке, была одна кандидатура – Михаил Ботвинник. Пытаюсь объяснить, что патриарх шахмат не будет писать в номер. При всем уважении знаменитого чемпиона к Грузии и грузинской газете. Редактор вопрошающе смотрит в мою сторону. Подозреваю, что он перелистывал нашу книгу «Все еще впереди». Смелый прогноз стал реальностью усилиями очаровательной девочки из Кутаиси. Телеграфные агентства не скупятся на восторженные оценки, вспоминая попутно наше пророчество. Но об этом станет известно позже, а пока получаю задание заменить Ботвинника, который об этом не подозревает. Пишу в номер, наступая на горло собственной песне. Больше думаю о количестве строк, и с качеством, думаю, все в порядке. Незаметно бежит время. Появляется Гуфельд, ревниво заглядывает в гранки из-за моего плеча и смотрит умоляюще, как Коля Остен-Бакен на польскую красавицу Ингу Зайонц. Но я тверд и непреклонен. И дважды на одни грабли не наступлю.

Но что это мы все о Майе? Время обратиться к персоне ее именитого наставника. С Гуфельдом я познакомился в середине 60-х годов, когда он женился и переехал на постоянное жительство в Тбилиси. Наше знакомство было «заочным», по телефону, полчаса мы

соребновались в остроумии и разошлись, убедившись в примерном равенстве сил.

В юности Эдику и в голову не приходило, что он станет шахматистом. Большинство ребят из его киевской школы №131, что рядом со стадионом, на улице Руставели, увлекалось футболом. Он только что вернулся с мамой в разрушенный Киев из Самарканда (отец погиб в первые месяцы войны), учился во втором классе, еще путался в таблице умножения, но каждую свободную минуту бежал на стадион.

У него на всю жизнь осталось убеждение, что во время войны многим родителям приходилось закрывать грудью своих детей, как это сделал легший на амбразуру пулемета молодой русский парень Александр Матросов. Вспоминал, как эвакуировались из Киева. Транспорта для беженцев практически не было, использовался любой шанс вывезти семьи военнослужащих. Им предоставили одну из последних возможностей покинуть столицу Украины, к которой уже приближались немецкие войска, - в пугмане, перевозившем пшеницу. Состав был загружен почти до самого верха, и ехать пришлось прямо на зерне. И тут появился немецкий самолет. Фашист летел прямо над поездом, высунув голову и обстреливая из пулемета безоружных беженцев. Эдик, конечно, еще не понимал, что мог быть убитым, ему просто было очень любопытно. Немец свесил голову в шлем и очках и ухмылялся, поливая их свинцом. И его бабушка раньше Матросова совершила аналогичный поступок. Она втиснула Эдика в верхние слои зерна, накрыла какими-то оказавшимися под рукой вещами и заслонила своим телом».

Эдик последовательно постигал премудрости великой игры: дворовая команда, футбольная секция городского Дворца пионеров, последние разбитые ботинки и первая настоящая футболка. «Гуфа, давай!» - кричали ему с трибуны, и худенький правый инсайд забивал голы, получая замечания от судей за азартные возгласы и чрезмерную жестикуляцию.

После придинок судей он отводил душу за шахматами. На футбольных тренировках, стоило ему ошибиться, тренер поучал: «Это тебе не шахматы – тут думать надо!» Но продолжал сражаться на двух фронтах. Когда любовь к шахматам пересилила, Эдик сделал свой выбор. К тому времени он играл в юношеских первенствах Киева и за сборную команду школьников Украины, вместе с Андреем Бибой и Виктором Каневским, впоследствии знаменитыми футболистами киевского «Динамо».

Вершиной своей футбольной карьеры сам считал участие с капитанской повязкой в матче сборной шахматистов социалистических стран против команды «остального мира» на студенческой Олимпиаде в Хельсинки в 1961 году (он дважды удаивался золотых медалей этих престижных соревнований).

С этим «раздвоением личности» Гуфельда связан забавный эпизод. Ему довелось давать интервью спортивной газете «Журнал ду Бразил». Его расспрашивали о футболе, а футбольного короля Пеле – о шахматах. Пеле потом прислал замечательные сувениры – цветные фото с символикой бразильских клубов и письмо, начинавшееся словами: «Амиго Эдуардо...» Об этом Эдуард рассказал в редакции «Комсомольской правды» и о том, как на пляже в Тунисе играл в футбол с Фишером. На следующий день открывает газету и читает, что «Гуфельд, кстати, играл успешно в футбол против Пеле». Звонок в редакцию Гуфельда, который сам был мастером розыгрышей, прояснил обстановку – ночной редактор подумал, что на доске Гуфельд мог выиграть у шахматиста Фишера, а на поле – у футболиста Пеле. Гуфельду, возвеличенному до небес, оставалось утешаться сентенцией О' Генри: «Благословен будь, наивный...»

Со многими выдающимися иностранными шахматистами ему не довелось встречаться за шахматной доской, о чем сожалел не раз, а ведь выступление в крупных турнирах все равно, что игра виртуоза скрипки на скрипке Страдивари. Хотя вниманием кори-

феев шахматного мира не был обойден. В 1967 году на межзональном турнире в тунисском городе Сусе его представили Фишеру. Американец эмоциональноотреагировал: «А, Гуфельд! Я вас знаю! Я видел вашу партию со Смысловым».

Партия была сыграна в том же году на IV Спартакиаде народов СССР в матче Украина-Москва и вызвала огромный интерес столпившихся вокруг доски участников турнира. По встревоженным лицам товарищей по команде он понял, что они расценивают шансы в пользу экс-чемпиона мира. Каково же было общее удивление, когда последовала жертва двух фигур подряд. В этот момент Гуфельд увидел Михаила Ботвинника. Изучающе посмотрев на доску, а затем на его физиономию, патриарх шахмат отошел и взял под руку Геллера, который играл с Петросяном и встал со своего стула. Они о чем-то пошептались. Много-много лет спустя Геллер передал другу содержание разговора. «Ефим Петрович, – спросил Ботвинник, – что это за босяк играет в вашей команде?!» Игра Гуфельда в этой партии шла настолько вразрез с общепринятыми «правилами поведения» на шахматной доске, что могла вызвать ассоциацию с уличным хулиганством. На другой день после партии, завершившейся поражением Смылова, Ботвинник подошел к Гуфельду. «Эдуард Ефимович, – подчеркнуто уважительно обратился он, – какого вы мнения о вчерашней вашей комбинации?» – «Мне кажется, что черные нигде не стоят хуже» – «Я проанализировал партию. Мне тоже так показалось». Свой рассказ Гуфельд завершает предельно скромно и с достоинством: «Есть шахматисты, которым эта партия нравится даже больше, чем моя «бессмертная». Например, об этом мне говорил Геллер. Но я все же придерживаюсь старого мнения...»

«Бессмертная», она же «Джоконда», партия Багиров-Гуфельд (Кировабад, 1973 г.) – подлинный шедевр моего друга, созданный в его «звездный час», была признана второй среди десяти лучших партий

XX века, отобранных для конкурса Белградским телевидением, а в роли жюри выступали миллионы телезрителей.

Советские шахматисты летели самолетом на межзональный турнир в Бразилию, когда Гуфельд предложил для разминки проанализировать позицию из своей «бессмертной партии». Это была поистине дискуссия на высоком уровне не только потому, что во время перелета Рим-Рио-де-Жанейро самолет поднялся над Атлантическим океаном на 12 тысяч метров... Вряд ли ему бы посчастливилось на земле организовать дискуссию с участием Смыслова, Кереса, Геллера, Полугаевского, Бронштейна, Васюкова, Савона и других именитых шахматистов. Пролетев четверть земного меридиана, Гуфельду удалось отстоять свою оценку позиции.

Опубликовав эту партию в американском журнале «Чесс лайф энд ревью», редакторы сочли ее настолько значительной, что посвятили Роберту Фишеру. Гуфельд писал: «Ни одна партия не принесла мне такого творческого удовлетворения, как эта. До сих пор чувствую себя счастливым, вспоминая о ней. И тогда забываются все спортивные неудачи, а остается радость осуществленной мечты».

Известный шахматный писатель Виктор Васильев подметил, что в силу своего самолюбия Эдуард особенно ярко играет против известных гроссмейстеров. «Тут он действует с предельной отдачей. Натура очень эмоциональная, даже экспансивная, Гуфельд в шахматных спектаклях играет не главные, а чаще всего характерные роли, но в них бывает иногда чудо как хорош!» Как тут не вспомнить отзыв Михаила Таля: «Гуфельд – это шахматист, который под настроение может обыграть кого угодно».

В красивой «коллекции скальпов», собранных Гуфельдом, победы над экс-чемпионами мира Смысловым, Талем, Спасским, гроссмейстерами Бронштейном, Полугаевским, Штейном, Ваганяном, Белявским, Псахисом, Хюбнером, Гортон, Глигоричем... Особое

удовольствие ему доставлял такой факт: в серии «Властвующие шахматисты мира» читатель найдет, пожалуй, только одну партию, отлично выигранную у Гуфельда – в книге о Петросяне.

Вспоминаю 70-е годы, когда Эдуард Ефимович был самым популярным автором нашей «Зари Востока». Он появлялся в редакционных кабинетах, и тогда падала до нуля производительность труда работников отделов и секретариата: говорил и показывал Эдуард Гуфельд! Он оставался гроссмейстером мирового класса, играл в турнирах, но принадлежал и к числу избранных, интересно пишущих о шахматах, которых вообще раз-два и обчелся. В чехословацком шахматном издании «Чехословенски шах» завели даже рубрику «Из анекдотов Эдуарда Гуфельда». И своими познаниями, любопытнейшими историями он делился в «Заре». Помню, в Тбилиси проходило первенство СССР по шахматам (первая лига). Эдик играл с переменным успехом. Как-то поделился о мной своей заботой: «Понимаешь, играю, но больше думаю, чтобы такое интересное написать тебе в номер».

Таким он был в жизни – обладатель золотой медали командного первенства СССР, многократный чемпион Вооруженных Сил, участник многих международных турниров, первенств страны, заслуженный тренер СССР и Грузии, шахматный наставник пятикратной чемпионки мира Майи Чибурданидзе и женской сборной Грузии, старший тренер олимпийской женской сборной СССР... Певец шахматной красоты, видный теоретик, журналист и литератор. Труженик в шахматах, знавший большие победы и все же не реализовавший до конца свой огромный потенциал. Тонкий психолог и опытный наставник, к услугам которого многие годы прибегал претендент на мировое первенство Ефим Геллер (Геллер шутил: «Еще неизвестно, кто кого тренирует»). Чего стоит его плакат в ответственный период соревнования: «Генацвале, до бессмертия 4 очка!» Он знал радость

творчества и сокрушительные катастрофы, когда от желанной цели его отдаляли капризы судьбы и вероломство людей. Переживал, когда его отстранили от работы тренером Майи Чибурданидзе, достигшей с ним пика славы и которую в новогодней анкете назвал своим лучшим шахматным произведением.

А потеря Майи куда значительнее. В Маниле подарила Се Цзюнь на блюдечке с голубой каемочкой не яблочко – шахматную корону, хотя на порядок сильнее талантливой китайки, что и доказывала на каждой Олимпиаде, разбивая ее на первой доске в пух и прах. И хотя у нашей чемпионки, чье имя занесено в Книгу рекордов Гиннесса, пять титулов чемпионки мира, досада не оставляет каждого, кто фатально полюбил эту выдающуюся шахматистку.

И снова вспоминается пятизвездный «Манила-отель», солидный, старинный, классический особняк, где Се играла почти что в домашних условиях. На Филиппинах проживает до двух миллионов китайцев, столько же и коренного населения. Старинная китайская поговорка учит: «Кто хочет украсть тигренка, должен отважиться влезть в логово тигра». Поговорка уж очень китайская, но кроме отваги, отправляясь на матч, нелишне было сохранить чувство опасности. Опасности подстерегают нас на каждом шагу. В Маниле партии игрались в том же отеле, в так называемом митинг-холле, где зрители располагались в нескольких метрах от столика, за которым играли шахматистки. И любому человеку с длинными руками под силу не только взять с него яблоко или банан, но и снять пешку с доски. И подсказать не слишком громко на китайском языке, который Майя, конечно же, не успела выучить. Но кто мешал поместить рядом грузина или еврея, вменив им в обязанность ту же функцию.

Не будем сыпать соль на незаживающую рану. Придается все, даже шахматы. И пойдем девочку, которой вместо куклы дали эти жестокие фигурки и велели их двигать, двигать...

Не знаю, утешился ли Эдуард после шахматных и

жизненных невзгод, читая в странах Юго-Восточной Азии лекции на Гуфельд-инглиш, который его слушатели понимали лучше литературного английского. Последний раз я его видел в начале девяностых годов, когда по первому звонку приехал к нему в военный городок на Черноморской улице, где он жил в «офицерском» корпусе. Эдик только вернулся из зарубежной поездки. На проспекте Руставели шла непонятная, странная война. Он все порывался сварить кофе для меня, но воды в кране не было. Его беспокоили боли в ногах, он с трудом ходил. «Что мне делать?» – спросил меня растерянно. – «Уезжай немедленно в аэропорт, – говорю, – в Киев, к маме».

Больше мы не виделись. Он переехал в Лос-Анджелес, стал чемпионом США среди ветеранов, опередив знаменитых американцев Арнольда Денкера и Артура Бисгайера, издал свою главную книгу – «Моя жизнь в шахматах», с партиями, среди которых я обнаружил посвященную мне: «Моему другу из Грузии Арсену Еремяну». Иногда названивал из «американского Авлабара». «Целуй Грузию, – сказал мне из-за океана, – нет лучше страны в мире». И с каждым телефонным звонком его голос звучал все реже и глуше, как шум колес ушедшего поезда. (23 сентября 2002 года Эдвард скончался в медицинском центре «Синай» Лос-Анджелеса, так и не выйдя из комы после обширного инсульта. Написанное мною в тот день стихотворение – мой скромный венок на его могилу.)

Звоню Чибурданидзе – передать привет от нашего человека в Америке. Майя отдыхает в деревне после трудов шахматных, набирается сил перед чемпионатом мира по нокаут-системе (как ожесточились шахматы!). Нелли Павловна обещает связать меня с дочкой-чемпионкой.

Проходят дни, недели... «Позвони мне, позвони...» – прошу я, совсем как Ирина Муравьева то ли в маскарade, то ли в карнавале.

А телефон молчит, как друг, которому ты вдруг стал не нужен.

АЛГОРИТМ ПОИСКА

3 августа 1977 года программисты отметили событие. Создаваемая во ВНИИ электроэнергетики и двух московских вычислительных центрах шахматная программа «Пионер» решила сложный этюд грузинского композитора Гии Надареишвили. Произошло это за несколько дней до начала второго чемпионата мира среди компьютеров. Приглашенный на этот небывалый форум, но не воспользовавшийся этой возможностью «Пионер», хотя и не учитывал в полном объеме опыт поколений шахматных мастеров, но был на верном пути. В то же время в Миннеаполисе компьютер «Сайбр 176» не справился с заданием консультанта отдела программирования «Контрол дейта корпорейшн», машины которой использовала американская программа «Чесс 4.6». Электронный шахматист нашел первые два хода за белых этюда Надареишвили, затем перебрал около миллиона ходов, но до правильного так и не додумался. Впрочем не стоит его судить слишком строго. Турниры быстродействующих компьютеров с программой моделирования мышления шахматного мастера только по форме можно отнести к спортивному соревнованию, они преследуют в первую очередь научные цели. Вот почему руководители программы рассмеялись над оказавшейся в затруднении машиной. Этюд романтика шахмат был слишком человеческим, а это пока компьютеру чуждо.

Пять десятилетий отданы любимому делу, а если вспомнить, что Гиа Антонович основой своей деятельности считал медицину, сочетая врачебную практику с научной работой, надо признать: немногие способны на такое подвижничество.

Обращение его в рыцари шахматного искусства произошло в довоенные годы, когда в город Сенаки приехал тбилисский шахматист Серго Канкава. Гость познакомил юношу со знаменитым этюдом Троицко-

го, где белые приносят на алтарь победы ферзя, слона и объявляют конем эффектный спертый мат. Такое неуважительное обращение с монархом восхитило Гио. Его тбилисский друг не подозревал, какой пожар зажег в душе юноши этот шедевр. Отныне он охладил к практической игре, где создание полноценного художественного произведения зависит от квалификации соперника. Из-за одного слабого хода, маневра самый эффектный замысел может сгореть бенгальским огнем.

В шахматной композиции Надареишвили нашел область, где ничто не мешает самовыражению автора. С первых шагов на новом поприще он отдавал себе отчет, за какую тяжелую ношу брался. Чтобы изваять скульптуру из камня, надо от него отсечь лишнее. Это изречение великого ваятеля относится ко многим видам искусства. Умение ограничения, достижение цели минимальными средствами, экономичность – вот аттестация большого мастера. Этими качествами был щедро награжден художник шахмат Надареишвили. Он скоро понял, что вряд ли найдет-ся чужак, задавшийся целью подсчитать возможные комбинации на шахматной доске, занятие столь же безнадежное, как попытка удить серебристую луну в водах реки. Но одного знания было мало, предстояло найти свою тему.

Более полувека назад шахматный мудрец Эмануил Ласкер, иллюстрируя мысль об эстетическом элементе в древнейшей сложнейшей игре, прибегнул к аналогии. Библейский Давид, будучи ростом не больше любого из нас, вызвал на единоборство великана Голиафа, поразив его камнем из пращи. Победа разума над грубой силой отражена в кристально чистой форме в самом известном этюде Надареишвили.

Это было внезапное озарение, как вспышка молнии. Он шел домой после трудного рабочего дня в больнице, и вдруг, нарушая ход привычных мыслей, выплыла из памяти позиция, та самая, к которой он

шел многие годы. Он вбежал в комнату, едва успев сбросить плащ, и, роняя фигуры, расставил эту позицию. А потом долго не верил своим глазам: почти пустая доска, белые фигуры максимально удалены от короля, но столь же удивительно их взаимодействие. Восходящая своими истоками к старинным манускриптам позиция словно умылась живой водой, отмеченная печатью новизны. Эти два красавца коня, оказывающие стойкий отпор заносчивому черному ферзю!

Он тогда назвал ее «Мхедрули»*, взяв патент на это удивительное произведение, и позднее разработал несколько других этюдов с лихой конницей – материалом, где выражена ласкеровская мысль о победе разума над силой, победе слабейшей стороны. Вывод, противоречащий, казалось бы, здравому смыслу, но взятый на вооружение Надареишвили, на щите которого отныне будет парадоксальный девиз «Пусть победит слабейший!»

Нравственная сторона этих этюдов не могла не нравиться. Душевная мягкость, нетерпимость к любым проявлениям несправедливости Гии Антоновича была заложена в природе его врачебной деятельности. Он уже в студенческую пору познал сладость славы, увидев опубликованными первые свои шахматные композиции. А потом молодой врач проводил до пятнадцати часов в сутки в эвакогоспиталях, возвращая раненых в строй. Мечту о шахматах пришлось отложить до лучших времен. Именно в декабре сорок четвертого был им найден синдром боязни высоты при каузалгии, позже описанный при спинной сухотке, чрезвычайно редкий в мирное время, и вошедший в капитальное руководство «Хирургия».

Заслуженный врач Грузии, заведующий нервным отделением клинической больницы Тбилисского государственного института усовершенствования врачей, он выполнял обязанности главного невропатолога

* Мхедари - всадник, конь (груз.).

Тбилиси, равно трудные и почетные. Значительны его достижения в невропатологии, он имел десятки публикаций. Кто мог поручиться, что клиницист-невролог сказал свое последнее слово в медицине?

В час сомнений он призывал на помощь шахматы, и это малое воинство совершало чудо на доске.

В своей деятельности люди используют два типа алгоритма – алгоритм управления и алгоритм поиска алгоритмов управления. Так предполагал выдающийся советский шахматист, доктор технических наук, профессор Михаил Ботвинник. Экс-чемпиона мира связывала многолетняя дружба с международным гроссмейстером и международным арбитром по шахматной композиции из Тбилиси. Корифей шахмат считал, что творческий процесс несомненно связан с алгоритмом поиска, на это способны далеко не все люди, но его грузинский друг, искатель и фанатик, чуждый практицизма, преждевременно снижающего работоспособность и сокращающего творческую жизнь, наделен был им сполна. С его точки зрения, труд композитора следует оценивать не по числу составленных им этюдов и не по среднему их уровню, а по вершине творческих достижений, достигнутых в лучших произведениях.

Ботвинник писал: «Вот почему мне хочется почитать снять шапку перед Гией Надареишвили: лучшие его этюды... несомненно войдут навсегда в золотой фонд этюдного искусства».

Не менее эмоционален отзыв другого экс-чемпиона мира Макса Эйве: «Несколько этюдов талантливейшего грузинского этюдиста фантастические и невероятные».

Вынужденный в военные годы отойти от составления композиций, Надареишвили затем с удвоенным аппетитом приступает к шахматному пиршеству.

Открытый чемпионат Грузии в первом послевоенном году привлек внимание гроссмейстера Пауля Кереса, который в остром соперничестве с Владасом Микенасом занял первое место. Могучий эстонец, наследник силы легендарного Калева, сам тонкий

знаток композиции и составитель оригинальных этюдов и задач, восторженно отозвался об этюдах молодого врача и рекомендовал лучший из них в журнал «Шахматы в СССР». Из этого авторитетного издания он попал в круг избранных – лучших этюдов за последние десять лет – в ретроспективный альбом ФИДЕ.

Так Гиа Надареишвили первый из шахматных композиторов Грузии получил международное признание. Ценителей прекрасного можно отослать к его книгам, где представлены сотни собственных этюдов основоположника грузинского этюдного искусства (Надареишвили на протяжении десятков лет возглавлял республиканскую комиссию по шахматной композиции, судил крупные конкурсы, в том числе югославского журнала «Проблем» и советского еженедельника «64») и отражен его, единственного эксперта ФИДЕ по этюдам и члена постоянной комиссии, большой вклад в организацию многочисленных состязаний поэтов шахмат в Грузии и стране.

Это дало право латвийскому композитору Альфреду Домбровскому утверждать, что у шахмат Грузии, подобно Эльбрусу, есть две вершины – прославленные шахматистики и этюдная композиция.

Выдающегося творческого успеха Надареишвили добился на XII чемпионате СССР, победив в разделе этюдов. Не раз он был на близких подступах к цели, и вот наконец вершина покорена. Семьдесят призов республиканских, всесоюзных и международных соревнований насчитывала к тому времени личная коллекция Надареишвили, но последнее достижение самое крупное. У него был самый высокий рейтинг среди этюдистов – претендентов на звание международного гроссмейстера; оно стало формальным подтверждением высоты большого мастера. Его высокий авторитет подтвердил международный конгресс шахматных композиторов в Тбилиси (1975), одним из инициаторов проведения которого он был. Общение с лучшими композиторами мира пошло на пользу

молодым грузинским составителям, а их признанный лидер мечтал о том времени, когда Тбилисский Дворец шахмат станет организационным центром композиторской работы. Этой цели он следовал, редактируя на протяжении многих лет альманах «Шахматы», оказывая шефскую помощь шахматному клубу «Мхедрули» в Сенаки и передав ему в дар значительную часть своей библиотеки.

Когда издательство «Физкультура и спорт» выпустило книгу Надареишвили «Этюд глазами гроссмейстеров», не имеющую аналогов в шахматной литературе, она подтвердила стремление автора рассматривать этюды, связывая их с интересами шахматистов-практиков, перекидывая мост между двумя сферами шахматного искусства.

Болезнь неумолимо подтачивала его здоровье, вынудила отказаться от поездки на конгресс шахматных композиторов в Голландии, а потом случилось непоправимое. Ушел из жизни художник шахмат. Остались его этюды и книги, отмеченные печатью яркой творческой индивидуальности.

Гроссмейстерская высота.

МУШКЕТЕР ВЕРИЙСКОГО КВАРТАЛА

Мощенная булыжником улочка нехотя взбирается в гору. Дома идут уступами – терраса за террасой. В здании девятой школы застекленная галерея обегает классы и выходит на асфальтовый пятачек. Это Верхний двор. Здесь гоняли мяч, набирали физические кондиции ученики Николая Манукяна, которые к середине пятидесятых заставили заговорить об удивительном феномене: в одном классе этой тбилисской школы неспортивного профиля выросли восемь мастеров спорта, и среди них будущий победитель Кубка европейских чемпионов по баскетболу Иллари-

он Хазарадзе. Объяснения искали в педагогическом таланте физрука, который рано приобщил детей к занятиям спортом, вовремя увидел, как тесно стало его мальчишкам в Верхнем дворе, и посоветовал самым упорным записаться в спортивные секции Республиканского Дворца пионеров и школьников.

Юра Осипов с товарищами прилежно посещал гимнастический зал, но однажды заглянул на занятия фехтовальщиков... Не обошлось без влияния знаменитого американского фильма, но жизнь оказалась намного богаче событиями. Его первый тренер по фехтованию Анатолий Федоров, выпускник Петербургской военно-гимнастической школы, в прошлом полковник царской армии, похитил невесту из княжеского рода Думбадзе. Сюжет, достойный пера Александра Дюма. И аналогий интриг кардинала, против которого сражались д'Артаньян с друзьями, было предостаточно. Под конец романа мушкетеры подписали мировую с опасным врагом, а Осипов всю молодую жизнь расплачивался за свою принципиальность, порядочность, гнул, но не ломался, недаром он родом из Сталинграда, а сталинградец, взявший в руки оружие, непобедим.

Он родился в марте тридцать седьмого в семье начальника Сталинградской железной дороги и директора школы. В октябре Осипа Марковича арестовали, как сейчас говорят и пишут, незаконно репрессировали, но страшной сути дела не меняет – в семью отец больше не вернулся. Осталась мать с тремя детьми на руках: кроме Юры, у нее пятилетняя дочь и сын восьми лет. И еще носила под сердцем четвертого ребенка. Полный комплект «семьи врага народа» со всеми роковыми последствиями. Спасло их чудо. Сосед по лестничной площадке, генерал НКВД, предупредил: «Забирай детей, Зинаида, спасайтесь. Есть решение арестовать тебя через неделю, а детей сдать в приют». Мать с детьми пряталась на кладбище, а потом через Одессу добирались до Тбилиси. Поселились у бабушки (17 человек в одной комнате!)

на Земмеле, который для Юры стал не просто историческим центром – центром Вселенной, ни за какие коврижки не оторвать его от Верийского квартала. Зинаида Александровна долго вспоминала их доброго спасителя, только не уберегли его эти молитвы и благословения. Позже узнали: соседа расстреляли, обвинив в причастности к убийству Кирова.

Но уже наступила недолгая хрущевская «оттепель». Осиповых известили о посмертной реабилитации отца за отсутствием в его действиях состава преступления. И председатель Федерации фехтования СССР Николай Попов позвонил Юре: «Твоя поездка на Олимпийские игры была под вопросом, но теперь ты выезжаешь в составе сборной». Все тогда было впервые: первая и последняя его Олимпиада и даже первые пробные рейсы ТУ-104, на которых они добирались из Киева в Ташкент.

Появление в олимпийском Мельбурне 19-летнего Осипова, годом раньше введенного в сборную, стало событием. Фехтование на рапирах, как и другие его виды, опирается на опыт. Недаром в итальянской сборной, выигравшей в Австралии командный турнир, выступали чемпионы Берлинской олимпиады 1936 года Манджаротти и ди Роза. Советская команда к тому времени таких успехов не имела, начав культивировать этот вид спорта перед Хельсинкской олимпиадой. Законодателями фехтовальной моды были рапиристы Франции, Италии и Венгрии. В командном турнире советская сборная пятая, и семь Юриных побед были очень кстати. На одну победу больше у Мидлера, у Рудова – пять. Всех троих допустили в личный турнир. Фамилия Осипова, недавнего победителя всесоюзных юношеских соревнований и второго призера I Спартакиады народов СССР, громко прозвучала в Мельбурне после его сенсационных побед над Манджаротти (Италия), Латаста (Франция), Шаковичем (Венгрия), многократными олимпийскими чемпионами и призерами, чемпионами мира.

Потом было возвращение домой на теплоходе «Грузия», ведомом знаменитым капитаном дальнего плавания Элизбаром Гогитидзе. Купание в судовом бассейне олимпийских чемпионов, к великому их неудовольствию. И поезд Владивосток-Москва. Все олимпийцы разместились в четырехместных купе, а он – в двухместном, со старшим тренером сборной всесильным Манаенко. Иван Ильич, в прошлом известный фехтовальщик, участник Хельсинкской олимпиады, все восемь дней уговаривал молодого попутчика переехать в Москву, обещал квартиру, учебу в любом техническом вузе столицы, наконец, пятнадцать лет пребывания в сборной. Юра не поддавался на уговоры. Студент-первокурсник химического факультета ГПИ защищал спортивную честь Грузии и «Буревестника», и его не прельщал переход в «Динамо» или ЦСКА, под крылышко Ивана Манаенко и Виталия Аркадьева. Если б знал молодой упрямец, как аукнется ему этот отказ!

Только ли ошибками молодости можно объяснить это судьбоносное решение? Отказаться от настоячивых приглашений в суперклубы с министрами и Маршалами Советского Союза во главе, от ухода из «Буревестника» и щедрых посулов, перед которыми не устояли все товарищи по спорту. Не последнюю роль сыграл и его отказ указывать в спортивных документах своим вторым тренером Манаенко...

Пока ему ничто не грозило. Через год после Мельбурна в составе сборной «Буревестника» (Осипов, Жданович, Сисикин, Рюмин) выиграл первенство СССР и потом еще дважды. Участник семи личных финалов чемпионатов страны, он четыре раза становился их призером. В 1957-м в Ворошиловграде завоевал и золото, но его у него отняли. В трудном поединке с армейцем Мидлером победил 5:2, а судьи не спешили его награждать. После долгого совещания они вынесли беспрецедентный вердикт: результат одного из боев Мидлера аннулировался, его предлагалось провести заново. В случае успеха Марк получал

возможность догнать Осипова по количеству одержанных побед, и он воспользовался этим подарком. Участников финального боя уже закончившегося чемпионата повторно вызвали на дорожку. Юрий вынужден снова облачиться в белый боевой костюм. Выведенный из равновесия судейской несправедливостью, он не совладал с нервами и проиграл. Они одновременно поднялись на пьедестал почета, моральный победитель и мнимый.

Осипов, единственный среди советских фехтовальщиков, добывает в Варшаве бронзу молодежного мирового первенства (до 21 года), исключительно сильного по составу. Жданович и Рюмин в финальные соревнования не попали, Забелина только четвертая. На чемпионате мира в Париже Юрий вместе с товарищами по оружию Мидлером, Рудовым и Рюминым завоевывает в команде бронзовые медали, первые в истории отечественного фехтования на рапирах. В 1959-м он третий на Кубке Италии, более известном как Кубок Европы - впереди Мидлера, Ждановича, Свешникова, Рудова. Такое же высокое место занимает на II Спартакиаде народов СССР. На Всемирной Универсиаде-59 в Турине в финальном матче за золото советская команда (Жданович, Сисикин, Осипов, Рюмин) разгромила венгров 11:5. На счету Осипова в этом захватывающем противостоянии три победы в четырех поединках. В том же году на чемпионате мира венгерская сборная уступила всего один укол сборной СССР, за которую выступали Жданович, Сисикин, Свешников, Мидлер, при счете в матче 8:8. «Судите сами, какая из двух наших команд была сильнейшей», - говорит мне сегодня Юрий Осипович.

В олимпийском году у него лучшая в сезоне сумма очков, но на Игры берут ученика Манаенко - Юрия Рудова, у которого ни одного очка. И если в первом розыгрыше Кубка СССР-58 Осипов был вторым, то через два месяца после Римской олимпиады, выступая в Тбилиси перед земляками, доказал свою силу в

финальном бою с Шевелевым.

Обладатель двух золотых олимпийских медалей Рима Жданович не смог пробиться в тбилисский финал. Такова была высокая цена победы Юрия Осипова в розыгрыше Кубка СССР, за который сражались 12 сильнейших рапиристов. В 1962-м он снова первый по всем показателям, безоговорочный лидер, но в последний момент тренеры сборной передумали посылать его на чемпионат мира в Буэнос-Айрес, где он мог праздновать двойную победу.

История повторилась перед Токийской олимпиадой. Он принял решение, и в 29 лет зачехлил свою боевую рапиру. После десяти лет пребывания в сборной сошел с дорожки. Парадокс, но рапириста, пробившегося с оружием в мировую элиту, победителя Универсиады-59 и международных турниров, удостоили лишь звания мастера спорта международного класса. Его обижали, бесцеремонно лишив возможности участвовать в двух Олимпийских играх (это две чемпионские медали!), двух чемпионатах мира, а он остался доброжелательным, простым, отзывчивым на чужую радость и беду.

Выдающемуся фехтовальщику, медалисту со школы, еще хватило времени на овладение двумя высшими инженерными специальностями. Опровергая поговорку «не хлебом единым», он стал крупным специалистом хлебопечения, пройдя путь от рабочего до командира производства и заместителя министра хлебопродуктов. Его по-прежнему можно увидеть на самых престижных соревнованиях. И не только среди зрителей. Судья международной категории (с 1979г.), он судил на олимпийском турнире рапиристов в Москве, на Кубке Европы в Париже.

Спорт одарил его дружбой с легионом людей – бескорыстных служителей и почитателей. И в первую очередь вспоминаешь их великолепную тбилисскую четверку. «Первого сентября 1944 года мы, семилетние, впервые встретились в школе, - рассказывает мне, - с тем, чтобы уже не расставаться, Илларион

Хазарадзе, будущий чемпион Европы, мастер спорта международного класса; многократный чемпион Грузии в фехтовании на рапирах, мастер спорта Гурам Джаиани; Гиви Цагарели, призер первенства СССР в фехтовании на шпагах, ныне доктор химических наук. 64 года вместе, дружим семьями, дружат наши супруги, дети и внуки».

Я спросил вице-президента Федерации фехтования Грузии, как он, Юрий Осипов, относится к своей репутации невезучего чемпиона, и услышал: «В 19 лет я победил великого фехтовальщика современности, 6-кратного олимпийского чемпиона в фехтовании на шпагах и рапирах Эдоардо Манджаротти на Олимпиаде в Мельбурне. О чем еще может мечтать рапирист?»

«КУНАК КУНАКУ ЕСТЬ БРАТ...»

В январе шестьдесят седьмого в редакцию «Вечернего Тбилиси» пришел немолодой человек с добрыми глазами волшебника. Так я впервые увидел классика отечественного этюда Александра Гербстмана. Привели его в Тбилиси обязанности арбитра международного конкурса по составлению этюдов «Шахматная Руставелиана». Под этим названием конкурс и вошел в историю шахмат, став составной частью программы юбилейных торжеств по случаю 800-летия рождения поэта.

Был ли знаком с шахматами творец «Витязя в тигровой шкуре»? Прямых указаний на этот счет не сохранилось, но многочисленные афоризмы Руставели дают право это утверждать. И самый известный – «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Не правда ли, полное впечатление от шахматного сражения? Вспоминаю советы доброхотов во время претендентских матчей 16-летней Майи Чибурданидзе, в надежде, что я их доведу до сведения тренера

будущей чемпионки мира. «Смените пластинку!» – требовали они отказаться от староиндийской защиты в финальном матче с Аллой Кушнир, не зная еще, что именно «староиндейка» станет одной из составляющих победы. Но довольно о скептиках.

Более интересным представляется свидетельство Иосифа Гришашвили в «Литературной богеме старого Тбилиси»: издревле в Грузии приданое невесты включало «Витязя...» и комплект шахмат.

Отдавая дань традиции, редакция «Вечернего Тбилиси» и Федерация шахмат Грузии объявили международный конкурс в честь Поэта поэтов. Участвовать в нем пожелали этюдисты Австрии, Англии, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Нидерландов, Швеции... Пришло даже письмо из Индии, родины шахмат. Наиболее полно были представлены хозяева – прекрасно выступившие шахматные композиторы Грузии. На суд жюри поступило небывалое в истории этюдных соревнований количество произведений – 230 от 170 авторов. Высокий уровень конкурса определили богатство ярких идей, отличная разработка ценного наследия прошлого, и конечно же, отменное судейство. Кстати, уже через год коллективный этюд Александра Гербстмана и Гири Надареишвили – творческая разработка идеи победителя конкурса Леонида Митрофанова – с фантастической жертвой ферзя – занял первое место на конкурсе «Шахматной Москвы».

Гербстман не скрывал радости, приехав в очередной раз в Грузию. Ведь он учился в Тбилисском университете, и, участвуя в 1919 году в первом студенческом шахматном турнире, занял второе место. Его нынешний приезд совпал с чемпионатом СССР, и он с удовольствием посещал малый зал Руставели, болея за Василия Смыслова, и не потому что тот самый старший среди участников, а потому что тоже был этюдистом. Сам Гербстман еще в 1928 году, в 28 лет, завоевал первый приз национального шахматного союза США, став впоследствии глубоким исследователем и теоретиком шахматной композиции. В 50-х

годах решением ФИДЕ в числе первых ветеранов шахматной элиты удостоен звания международного арбитра и международного мастера. Доктор филологических наук и профессор Ленинградского университета, автор шахматных книг, он хранил в памяти любопытные истории и щедро делился ими со слушателями. Докторскую защитил по пушкинским автографам «Евгения Онегина». «Как вы думаете, – сказал он мне, – мог бы я написать диссертацию, не обладая памятью шахматиста, и, прежде всего, зрительной?»

В 1924 году Александр Иосифович, выпускник Высшего литературного института имени Валерия Брюсова, гостил в Тбилиси, часто бывая во Дворце искусств, нынешнем Союзе писателей Грузии. Он встретил здесь другого гостя из России – Сергея Есенина, посвятившего товарищам по чувству и перу – «голуборожцам» стихотворение «Поэтам Грузии», впервые опубликованное 23 ноября 1924 года в газете «Заря Востока».

Пребывание в Тбилиси вызвало у Есенина не только приятные воспоминания. Проезжая по ремонтируемому Михайловскому мосту, поэт уронил в пролом портфель с документами. Есенин собирался выехать в Батуми и без паспорта был как без рук. Друзья – Тициан Табидзе и Паоло Яшвили написали автору «Москвы кабацкой» справку, удостоверяющую что податель ее действительно является русским поэтом Сергеем Есениным и заслуживает всяческой поддержки и помощи. Поручительство братьев по писательскому цеху вполне заменило паспорт. Тициан и Паоло прятали от неожиданных ночных визитеров оставшегося без документов русского друга, закатав его в ковер.

Вот какие удивительные истории рассказал старый петербуржец на празднике поэзии Руставели. И позже, в 1970 году, когда судил объявленный редакцией «Зари Востока» и Федерацией шахмат всесоюзный конкурс в ознаменование 150-летия со дня рождения Николоза Бараташвили. И название конкурса этюдов

– «Мерани», взятое нами из известного стихотворения, стало «флагом» творческого соревнования, отражая литературные вкусы и привязанности организаторов.

Больше с Александром Гербстманом я не встречался. В 1980 году он переехал на постоянное жительство в Швецию и через два года умер в Стокгольме, оставив о себе добрую память и сборник своих избранных этюдов с автографом. Напоминает мне о юбилейных днях и Почетная грамота Спорткомитета Грузии «за организацию и образцовое проведение» обоих конкурсов, полученная из рук тогдашнего заместителя председателя комитета Вахтанга Балавадзе.

ТИКАНАДЗЕ МУДРЫЙ БЫЛ

Их первая встреча мало похожа на те, что любят описывать журналисты, – как некий юноша впервые переступил порог борцовского зала и, зачарованный, на всю жизнь остался верен этому мужскому занятию.

В сентябрьский день сорок восьмого года на динамовском стадионе в Тбилиси шло академическое занятие по грузинской борьбе. Вахтанг стоял на краю ковра, дожидаясь соперника, но сердцем был на футбольном поле, куда высыпали на тренировку его товарищи по сборной команде Грузинского института физической культуры. Он играючи победил в схватке, но особого значения этому не придал и удивился, услышав реплику преподавателя: «Балавадзе, останься на ковре!»

В тот день Михаил Тиканадзе предложил ему бороться поочередно со всей группой, и он переборол всех, одного за другим, и вышел победителем этого марафонского поединка. «Значит так, жду тебя завтра в спортивном зале», – с этими словами расстался с ним его будущий тренер, от чьего взгляда не остались

незамеченными удивительная устойчивость юноши на ковре, его чемпионское сердце.

Вахтанг Балавадзе мечтал стать футболистом, успешно пробовал себя на месте центрфорварда, входил в вузовские сборные по нескольким видам спорта – он бегун-перворазрядник, перспективный пловец, но с годами, его двукратного чемпиона мира, бронзового призера Мельбурнской олимпиады, назовут профессором вольной борьбы. С легкой руки президента Международной любительской федерации борьбы (ФИЛА) Роже Кулона в 1953 году в Бухаресте на первых Дружеских Играх молодежи, на которых Балавадзе праздновал победу.

Интуиция не подвела Михаила Егоровича в тот день на стадионе и позже, когда он возглавил грузинскую сборную борцов вольного стиля, выводил на мировой ковер, будучи великим тренером и одним из трех «китов». Наряду с Шалвой Нозадзе и Петром Иорданишвили. На них держалась отечественная вольная борьба – когорта грузинских богатырей, чемпионов страны и мира; потом их дело продолжили Василий Илуридзе и Георгий Ростиашвили.

Одного Вахтанга Балавадзе достаточно, чтобы понять величие Тиканадзе-тренера. И лучше других об этом сказал сам Вахтанг Михайлович. Это уже не тот 14-летний паренек из села Ганири Самтредского района, что взял без спроса из дома пустые холщевые мешки, чтобы пошить из них борцовские куртки-чохи для энтузиастов сельской секции. Пропажа потом раскрылась и больше других смеялись родители Вахтанга; как известно, победителей не судят, тем более по-родственному. Одним словом, когда молодой мочидаве попался на глаза Михаилу Егоровичу, тот распознал среди огромного числа парней подлинный самородок. Балавадзе вспоминал, как его тренер в Институте физкультуры Михаил Тиканадзе вначале просто запрещал ему осваивать новые приемы в вольной борьбе, говорил, что нужно научиться без чохи (вспомнились ганирские мешки!) проводить

все то, что он уже умел. «Он не переучивал меня, а дополнял, шлифовал. Я только сегодня могу оценить, какой мудрой и бесценной была роль Тиканадзе в моей спортивной судьбе. Он сохранил мой стиль, мое лицо – без этого в настоящие борцы я не сумел бы выбиться».

Тренировались они, как говорится, не галочки ради. Приходили с работы, наскоро перекусив чем бог послал, после короткого отдыха в девять часов вечера спешили на тренировку; заканчивались занятия в час ночи, а то и в два. Вот где закалялась сталь будущих чемпионов. Богатырской колыбелью их была все та же чидаоба, откуда тренеры и занимающиеся черпали силы и приемы любимой народной борьбы, изобретая новинки-жемчужины.

К тому времени Тиканадзе – дипломированный специалист, – закончил в 1950 году педагогический факультет Государственного центрального ордена Ленина института физической культуры имени Сталина, получив, естественно, отличные оценки на государственном экзамене и по спортивной специализации – борьбе.

Балавадзе выступал в олимпийском Мельбурне в ранге чемпиона мира. В четвертом круге его ждала принципиальная схватка со старым знакомым – серебряным призером Хельсинкской олимпиады шведом Берлиным, имевшим две победы. Вахтанга устраивала только победа на туше, выигрыш по очкам исключал его из числа претендентов на призовое место. На первых минутах он проводит несколько бросков, но шведу удается избежать чистого проигрыша. И Вахтанга – в который раз! – выручает грузинская борьба. За минуту до окончания схватки он сбивает соперника зацепом, и вот она, необходимая, как воздух, чистая победа.

В начале 60-х годов наш первый чемпион мира в вольной борьбе прекратил выступления в большом спорте. Об одном Вахтанг жалеет: поздно, в 27 лет дебютировал на мировом первенстве. Проводились

они раз в три года. Вот если бы позволили, то, думает, обязательно стал бы олимпийским чемпионом. Такая возможность у него была на Олимпиаде в Хельсинки. Но тогда 25-летнего чемпиона СССР Балавадзе оставили среди зрителей, на ковер вышел один из тренеров советской сборной 3-кратный чемпион страны Василий Рыбалко, который проиграл две схватки по баллам и выбыл из соревнования.

Спустя годы заслуженный мастер спорта и заслуженный тренер СССР Василий Николаевич Рыбалко скажет: «Не знаю другого борца, кто бы так мастерски боролся в стойке. Создавалось впечатление, будто у Вахтанга Балавадзе две пары рук – настолько разнообразно он действовал ногами. Как только ни называют сильных борцов: и железный человек, и двухмоторный, и чемпион чемпионов, но профессором борьбы нарекли одного Балавадзе. Какой он душевный, добрый и красивый человек!»

Прекрасные слова, и как жаль, не прозвучали они на Олимпиаде в Хельсинки. Олимпийским чемпионом, к тому же дважды, стал пятикратный чемпион мира Леван Тедиашвили, этот спортивный «внук» Михаила Тиканадзе. В 1986 году на вопрос кто больше всего помог ему в жизни он ответил: «Родители, тренеры, «дедушка» Тиканадзе. Я называю так заслуженного тренера СССР Михаила Егоровича Тиканадзе потому, что он тренировал и меня, и моего нынешнего тренера Вахтанга Михайловича Балавадзе».

Кстати, о секретах знаменитой школы палаванов. Балавадзе рассказывал: «Один олимпийский чемпион, очень техничный борец, говорит: «Твой Тедиашвили бороться не умеет! Ни один прием правильно не проводит!» – «Верно, – говорю, – ни один правильно, но зато проводит все! Пять «миров» выиграл и две Олимпиады! Тебе мало? Мой тренер Тиканадзе говорил: «Зачем правильная техника, если борец не хочет побеждать? А если захочет, он найдет свою технику... Леван хотел побеждать. Правильно говорил Тиканадзе, мудрый был!»

Родился Михаил в 1905 году в дворянской семье. Отец, Егор Тиканадзе, был фармацевтом, мать, Мария Миминошвили, помогала ему в аптеке. Старший брат отца Иван преуспел по медицинской части, стал профессором.

Патриарх вольной борьбы начинал в спорте во времена, когда его первых энтузиастов называли циркачами. Приходилось убеждать родных, что нет ничего зазорного в том, что агроном из села Макванети Озургетского уезда, выпускник сельскохозяйственного техникума и сельскохозяйственного факультета Тбилисского государственного университета имени Сталина занимается борьбой. А пришел он к ней из лело, этой игре обязан был молниеносной реакцией, сокрушительными атаками. В 1926 году инструктор классической борьбы Тиканадзе стал чемпионом Закавказья в комплексном многоборье, включающем борьбу, тяжелую атлетику, метания. В последующие годы неоднократно выигрывал первенства Тбилиси и Грузии по борьбе. Соперники знали его излюбленные приемы, молниеносные бедровые броски, безупречную борьбу в партере, но ничего не могли противопоставить.

В 1945 году в сорок лет Тиканадзе в очередной раз удивил спортивный мир – был вторым на всесоюзном первенстве профсоюзов, собравшем цвет борьбы.

Тот год памятен зарождением отечественной школы вольной борьбы, колыбель которой качали заслуженные ученые и тренеры – Владимир Кириллович Крутьковский, Михаил Егорович Тиканадзе, Арам Васильевич Ялтырян, Вахтанг Мелитонович Кухианидзе, Виктор Гаврилович Корнилов, Арташес Сергеевич Карапетян, Андрей Сергеевич Челидзе, Василий Николаевич Рыбалко... Своими силами, без чьей-либо помощи со стороны они сумели создать самую яркую школу вольной борьбы.

Победителями первого чемпионата СССР по вольной борьбе в 1945 году стали Арташес Карапетян (Москва), Василий Илуридзе (Тбилиси), Арам

Ялтырян, Василий Рыбалко (оба - Киев), Давид Цимакурдзе, Вагаршак Мачкалян, Арсен Мекокишвили (все - Тбилиси).

Тиканадзе владел секретами подготовки атлетов экстра-класса. О самых именитых его учениках мы уже вспоминали. Рядом с ними набирались мастерства и блистали на ковре чемпионы СССР Варлам Гиgiaдзе, Владимир Арсений, Андрей Челидзе, Тариел Алибегашвили, Спартак Карсаулидзе, а также призеры всесоюзных первенств и многократные чемпионы Грузии Александр Майсурадзе, Зураб Дентошвили, Валериан Батлидзе, Георгий Гзиришвили, Ушанги Барнабишвили, Давид Чачанидзе, тренер сборной Волгограда Георгий Бедошвили, воспитатель кишиневских борцов Ираклий Двалишвили, махачкалинец Г.Мухамедов, харьковчанин А.Халатов и более двухсот мастеров спорта. То была золотая пора грузинских борцов-вольников, которые десять раз выигрывали командой чемпионаты страны, первенствовали на V Спартакиаде народов СССР (1971), и вел их к победе старший тренер сборной Грузии Михаил Тиканадзе.

Среди его воспитанников также известные в прошлом мастера ковra Георгий Вардзелашвили, Бидзина Мазиашвили, Илья Чхартишвили, ставшие выдающимися педагогами и заслуженными тренерами СССР, а заведующий кафедрой борьбы Института физкультуры Нодар Окрошидзе и врач Ираклий Бибилеишвили стали учеными.

В середине 60-х годов - я тогда работал в редакции газеты «Вечерний Тбилиси» - ко мне обратился с просьбой наш фотокорреспондент Альберт Севоян - замолвить слово за его брата, студента-инфизкультурца, мастера спорта по борьбе, который мечтал стать слушателем тренерской школы при институте. Руководил школой, конечно же, Михаил Тиканадзе, с которым я по долгу службы общался. Отправляемся в дом на улице Палиашвили. Оробевший Альберт остался ждать снаружи. «Севоян? - переспросил меня Михаил Егорович, - как же, знаю его как хорошего

борца». «Пусть ваш брат придет ко мне завтра», – сказал он приглашенному в квартиру Альберту. Мне остается добавить, что наш подопечный успешно закончил тренерскую школу, работал тренером в Ленинкане и приезжал на традиционный Тбилисский международный турнир по вольной борьбе на приз Вахтанга Балавадзе.

И вот через годы я снова стою перед подъездом знакомого дома, на котором по-прежнему нет мемориальной доски, которая могла бы напомнить современникам о не стираемых временем заслугах Михаила Егоровича Тиканадзе, которому в 2005 году исполнилось бы 100 лет со дня рождения. (Как нет ее и на доме Петра Андреевича Иорданишвили и Шалвы Ивановича Нозадзе.)

О вековом юбилее Михаила Егоровича не вспомнили ни на государственном уровне, ни в Клубе палаванов, чьим основателем и первым директором он был. Какой же Гераклов подвиг должен был еще совершить этот скромнейший и достойнейший человек, всенародно объявленный в 1999 году по результатам референдума Ассоциации спортивных журналистов лучшим тренером Грузии по борьбе XX века, чтобы удостоиться этого последнего знака внимания, не обременительного для организаторов.

Вместе с дочерью Михаила Егоровича, Хварамзе, в который раз рассматриваю редкие фотографии, чудом уцелевшие после опустошительных набегов моих недобросовестных коллег, так и не вернувших в семью бесценные фотодокументы истории грузинского спорта. Того, кто основал и многие годы возглавлял кафедру борьбы Грузинского института физической культуры, 55 лет отдал любимому делу, более двух десятков лет руководил сборными командами Грузии и СССР, умея, как никто другой, создать должный психологический климат в команде, сплотить ее в коллектив. Заслуженный тренер Грузии и СССР (с августа 1956 г. – первым в Грузии по борьбе), заслуженный деятель физкультуры и спорта Грузии, судья

всесоюзной категории по классической и вольной борьбе, кавалер ордена Трудового Красного Знамени и медали «За трудовую доблесть». Автор книг и учебников по борьбе, патриот и гражданин, обаятельный человек с неповторимым гурийским юмором.

ОН НАУЧИЛ ГОРОД ПЛАВАТЬ

Из окон двухэтажного спортзала в парке физкультуры купальня была видна, как на ладони. Они смотрели свысока на этих маленьких чистоплюев, приходивших на занятия по суше, нередко с родителями. Сами «дикарями» постигали навыки плавания на Куре. Игнорируя услуги парома, заявлялись в парк, на занятия боксом, борьбой и штангой, кратчайшим водным путем и, не обсохнув, спешили к спортивным снарядам. Вова Гоиашвили недолго оставался «затворником» в зале. Оставив квадрат ринга и пневматическую грушу, пришел к крепышу со строгими глазами, который оказался душевным человеком, обучал детей плаванию и водному поло и по совместительству защищал ватерпольные ворота на матчевых встречах городов. Может, пример Луки Александровича Иоакимиди решил выбор мальчика из Сванетисубани, только Вова скоро освоил плавание брассом, незаменимого для стража ворот. До спортивных баталий пока далеко, но он с друзьями готов драить до блеска купальню, только бы их не изгнали из приобретенного рая. На последние копейки покупали хлеб, помидоры, делегируя на «Дезертирку» самых задиристых, и, наскоро перекусив, снова лезли в воду. Потом этих мальчишек военной поры зачислили в команду, появилась возможность уже есть борщ на сборах.

На первые свои соревнования по водному поло в Киеве, на турнир четырех городов, добирались поездом, с ужасом наблюдая, как тают скудные запасы

продуктов, выданных команде, утром проснулись чумазые от паровозного дыма, но готовые к труду и обороне. Как положено, был у них свой кумир – Како Мшвениерадзе, и жил он по соседству, на левобережье, во дворе пивзавода. Рослый парень с Плехановки, с редкой для своего возраста физической силой, стал выдающимся спортсменом.

Так начинался путь в спорте Владимира Гоиашвили, смолоду рассматривавшего понятие лидерства как осознанную ответственность за себя и команду. Не выделялся среди сверстников ростом («гвардейской» была его тбилисская 22-я школа), подковы не гнул, в кулачные драки не лез, но оказался хозяйственным по призванию. Очень скоро этот его талант был замечен. В мальчишеском возрасте уже заведовал учебной частью на купальне и на строящемся зимнем бассейне в Ваке. В спорте легких путей не искал, не щадя живота своего защищал последний рубеж, самый ответственный, ворота, избираясь капитаном команды школьников, и позже – команды мастеров тбилисского «Динамо». Вспоминая середину пятидесятых, когда ватерполисты, не имея закрытого бассейна, готовились под руководством московского тренера Абрама Гильда, говорит мне: «Я форменным образом замерзал в воротах», рассказывая, какой ценой лучшая грузинская ватерпольная команда добивалась права играть в высшей лиге чемпионата страны. «По просьбе тренера я замерял температуру воды в бассейне, каждый раз набавлял от себя градус-два, дабы не пугать ребят, сам больше других страдая от холода». А у меня не выходит из памяти услышанное от Алисы Аситашвили, знаменитой нашей баскетболистки: «Нодар Гвахария и Вова Гоиашвили в пятидесятых годах возродили водное поло в Грузии». Будучи сама на первых ролях в большом спорте, членом сборной Советского Союза и двукратной чемпионкой Европы, она лучше других знала, когда и где ее супруг вырос в ватерполиста экстра-класса.

Через год они играли на I Спартакиаде народов

СССР (1956) вместе с вернувшимся из Москвы Нодаром Гвахария. Сборная Грузия стала тогда второй, вслед за москвичами.

В конце шестидесятых грузинские ватерполисты встречались с многократным чемпионом Венгрии клубом «Дожа». В июльском матче, выигранном тбилисцами 9:7, в воротах хозяев стоял Гоиашвили, заменивший заболевшего Лери Гоголадзе. В ответных матчах на венгерской воде мой собеседник, судья международного категории, был арбитром. Тот памятный сезон защищал ворота тбилисского «Буревестника», добившегося перехода в высшую лигу.

Наш рассказ о Владимире Гоиашвили, этой одной из самых знаковых фигур в грузинском спорте, будет неполным без упоминания об истории создания водноспортивного комплекса «Лагуна Вера», принявшего 30 лет назад первого посетителя. Их число давно перевалило за десять миллионов. «Мы обучили плаванию, по самым скромным подсчетам, более миллиона детей, пропуская через голубые дорожки по 700-800 человек в день», – говорит бессменный директор «Лагуны» – этого благословенного и «непотопляемого» очага здоровья.

У руля его стоит как капитан, уверенно ведущий этот первостепенной важности объект в бурном море обвалившейся системы, потери источников финансирования и захлестнувшего нигилизма. В условиях, когда тебе не отпущено ни минуты на утрату чувства ответственности, когда доверено самое ценное – жизни людей, в большинстве своем детей. И здесь не может быть места расхлябанности, нарушениям порядка. Этот на удивление энергичный и доброжелательный человек становится жестким и неуступчивым к тем, кто предаст дело, которому служит.

В чем секрет, из каких неистощимых источников черпают силы и уверенность Гоиашвили и его единомышленники этого коллектива профессионалов? «Школа Сихарулидзе», – коротко объяснил он мне как-то, вспоминая начало семидесятых, когда тогдашний

председатель Спорткомитета Грузии предложил ему работу в аппарате – курировать плавание, водное поло, прыжки в воду. Гоиашвили поначалу сгоряча отказался от лестного предложения. Дескать, не приучен к кабинетной работе. И услышал в ответ: «Я тебя не из хинкальной забираю».

Так пришел он в коллектив профессионалов высочайшей квалификации, ковавших победы грузинского спорта, и сегодня памятных и легендарных. Вахтанг Кухианидзе, Аркадий Архангельский, Серго Джаиани, Георгий Гачечиладзе, Шота Ахвледиани... Работа с ними рядом, обмен ценным опытом, щедростью общения. Огромная школа хозяйствования, работа с людьми, давшая лично ему знаний больше Грузинского политехнического, Института физической культуры.

И над всеми возвышалась личность самого Георгия Васильевича Сихарулидзе, знавшего поименно спортсменов даже средней руки, их радости и заботы, готового отложить все дела и поспешить на помощь... Выбивать в Сухуми квартиру для Виктора Санеева и его матери, Ксении Алексеевны. На III Спартакиаде народов СССР (1963) в какие-то августовские дни не заладилось у грузинской делегации. И вдруг новость: «Сихарулидзе приехал!» Уже больной к тому времени, Георгий Васильевич провел совещание. И пошли у нас дела в одном виде спорта, втором, третьем... Ватерполисты играли за третье место с украинцами и, проигрывая 0:3, сумели вырвать победу – 4:3. Такой был настрой, так много значило данное Сихарулидзе слово.

Из Спорткомитета Вова ушел не по своей воле. Новый председатель сказал коротко и жестко: «Есть мнение перевести тебя в Управление капитального строительства Тбилгорисполкома». Решение на первых порах обескуражило. Но нет худа без добра. Он стал специалистом на строительстве Центрального водноспортивного комплекса, уникального объекта, начатого в 1961 году, а через три года законсервиро-

ванного на долгие одиннадцать лет. Большое дерево выросло на забытой стройке! Было огромное желание выполнить все работы как можно качественнее. Целая эпопея с привлечением почти всех строительных и ремонтно-строительных организаций Тбилиси, студентов-инфизкультуровцев, сборных команд, прибывавших соревноваться. Он до хрипоты спорил с автором проекта архитектором Шота Кавлашвили, убеждая менять то, что с годами морально устарело, добиваясь использовать пустующие подтрибунные площади под гостиничные комнаты для спортсменов, где сегодня работают тренажерные залы. Вместе с такими же энтузиастами, как сам, вложил в это важное дело все силы и знания, стоял у колыбели и «полуживого» вынянчил и вырастил, довел до кондиции чудо-богатыря, удостоенного Государственной премии Совета Министров СССР.

Вова Гоиашвили самолично снял свою кандидатуру, а потом доказывал уникальность объекта наезжающим из центра комиссиям, у которых рождался естественный вопрос, почему среди 11 соискателей престижной премии (и получивших ее!) нет того, кому он был обязан жизнью. Премию раздали кому положено, но главное - признание методов их хозяйствования - пришло, как и победа в смотре лучших плавательных бассейнов Советского Союза.

И еще с несколькими крупными достижениями грузинского спорта связывают его имя, бывшего восемь лет (два срока) президентом Федерации водных видов спорта Грузии. Выполнение этих обязанностей в условиях, когда приходится держать на плаву огромный цех здоровья, выдавать исправно зарплату сотне сотрудников, специалистам трудового коллектива - задача не для слабых духом.

Водноспортивный комплекс «Лагуна Вера», а в недавнем прошлом имени Ленинского комсомола,

- известна точная дата его рождения - 13 октября 1978 года - обучил и продолжает обучать плаванию четыре поколения тбилисцев!

Сегодня Владимир Александрович называет своих друзей и помощников, тех, кто продолжали выполнять свой долг и в трагические дни, когда на проспекте Руставели гремели выстрелы, шла трудно объяснимая братоубийственная война. Утром 2 января 1991 года пришли к ним на занятия дети, с удивлением глядя на не скрывающих слезы наставников - учебный процесс продолжался.

Говоря о Вове Гоиашвили, как не вспомнить первую женскую ватерпольную команду. Он увидел, как играют женщины в поло на европейском первенстве в Риме - на высоких скоростях, тактически разнообразно, не избегая единоборства и, владея мячом обеими руками, и решил вдохнуть жизнь в эту идею, в свое время подхваченную в «Гантиади», а потом забытую. Начинать работать с командой он, а после него - Борис Мегедь и Зураб Чачава с Важа Чертокоевым. В 1989 году тбилисская «Иверия» выиграла первый женский чемпионат СССР по водному поло.

Опять же по предложению Гоиашвили, вопреки мнению скептиков, в Тбилиси начали осваивать синхронное плавание. Своих специалистов не было, приглашали сборную СССР. На ее примере, на совместных тренировках выросли в Грузии мастера синхронного плавания и лучшая среди них - чемпионка Европы, участница Олимпийских игр Христина Фаласиниди. Комплекс - объект их заботы и труда был официально утвержден базой олимпийской подготовки.

Двенадцать лет подряд он принимал традиционный международный турнир по водному поло на приз Союза журналистов Грузии - сборные Греции, Венгрии, Югославии, Испании, Австралии... На его базе выросли мастера международного класса по прыжкам в воду с вышки: бронзовый призер Московской олимпиады Лиана Цотадзе, двукратный

чемпион Европы, участник двух Олимпиад – в Сеуле и Барселоне, Георгий Чоговадзе, победитель и призер крупных турниров Сергей Шалибашвили...

Живет и работает в Тбилиси неравнодушный человек Владимир Александрович Гоиашвили, с именем которого связаны самые громкие, легендарные страницы грузинского спорта. Делает на своем многотрудном посту директора по спортивно-оздоровительной работе все возможное и невозможное. Горячится, когда сталкивается с фактами отсутствия должной заботы о спорте, о детском спорте, заинтересованного подхода к делу охраны здоровья населения, сохранения генофонда. И так же быстро отходит, веря в лучшее будущее. Общается как равный с самыми титулованными спортсменами, оставаясь любимым и уважаемым ими.

Твердо стоит на страже порядка, как тогда в былые времена – на последней черте ворот.

ИМ СНИЛАСЬ САБЛЯ

Перед последним боем с итальянцами советские саблисты вели 8:7. Один удар, один шаг отделял их от победы, от золотых олимпийских медалей Токио-64. И его предстояло сделать Нугзару Асатиани.

Сальвадоре – не подарок. Опытный боец, отвергающий классическую манеру, фехтующий в стремительном темпе. Нугзар так волновался, что потом не мог восстановить в памяти подробности поединка. Друзья говорили, что выдался он красивым и упорным. Сам же помнил: не имел ни минуты, чтобы перевести дух. Но вот последняя мгновенная флеш-атака, соперник откидывает маску и уходит с помоста. Глаза его полны слез, а Нугзар подхватывают руки товарищей.

Накануне Токийской олимпиады в сборной подобрался слаженный сабельный ансамбль. Яркий лидер Яков Рыльский. Хитроумный тактик Марк Ракита. Вдохновенный исполнитель танцев с саблями

Умар Мавлиханов. Непробиваемый защитник Борис Мельников. Нугзар Асатиани с его горячим южным темпераментом был очень кстати. Тренер сборной, обладатель первой среди советских фехтовальщиков олимпийской медали Лев Кузнецов (бронза, Хельсинки) отмечал: «Асатиани особенно удачно фехтовал против соперников, схожих с ним по темпераменту. Если же ему противостояли бойцы типа Марка Ракиты, внешне медлительные, предпочитающие комбинационную игру, его выручали большая сила воли и отличная техника владения оружием. Стихия Асатиани – искрометная рукопашная, когда соперник вынужден отступать под градом ударов».

Чествуя Мавлиханова, Рыльского, Мельникова, Асатиани, Ракиту в их звездный час, мало кто в спортзале Токийского университета заметил, как колесо мирового фехтования сделало исторический оборот. Законодателями моды у саблистов стали эти ребята. Кончилась 36-летняя пора гегемонии венгерской школы сабельного фехтования. И первыми золотую кольчугу венгров пробили итальянцы. Они выиграли 9:7 у сборной, которую вел вперед сам Тибор Пежа, чемпион Токийской олимпиады в личном зачете. Наш квартет в тот день легко расправился с американцами – 9:4, взяв реванш за поражение в олимпийском Риме. Четыре очка внес в копилку команды Асатиани.

В финальном матче с итальянцами неожиданности посыпались, как из рога изобилия. Стартовый бой поручили чемпиону Спартакиады Мавлиханову. И Умар не подвел – выиграл у Каланцини. Асатиани красиво обыграл Чикка – 2:0. Но потом события на дорожке начали разворачиваться, как в романе Александра Дюма. Каларезе в бою с капитаном команды Рыльским при счете 4:4 в непостижимое мгновение наносит решающий удар и выигрывает еще три встречи подряд. Но невозможно в одиночку противостоять команде, исповедующей мушкетерский принцип: один за всех, все за одного. И уже итальянцы плачут от досады.

О золотом ударе Асатиани долго помнят поклонники этого рыцарского вида спорта. А ему часто вспоминался давний разговор с Яковом Рыльским. Он спросил трехкратного чемпиона мира, которому в Токио было 37 лет, как стать большим фехтовальщиком. Ответ был неожиданным: «О сабле нельзя забывать даже во сне. Снится ли тебе фехтование?» А эти сновидения все чаще посещали Нугзара после трофейного фильма «Три мушкетера». Все тбилисские дети военного поколения от мало до велика распевали песенку неразлучных друзей, мастерили самодельные шпаги, больше похожие на сабли. Фехтовальный бум закружил грузинскую столицу. А потом была встреча с тренером, который даже раскладушку притащил в университетский спортзал, выкраивая минуты отдыха после нескончаемых потоков занимающихся. Трифон Месхи сказал как-то своему ученику Нугзару, к которому пришли первые победы: «Хорошо это или плохо, никогда не изменяй своим устремлениям, своей манере фехтования».

Он послушался и никогда не раскаивался в этом. Увидев Асатиани на матче Грузия-Венгрия, участник двух Олимпиад Мароши сказал: «Удивительно, что этот темпераментный грузин еще не стал чемпионом СССР».

Асатиани, уже опытный турнирный боец и участник Римской олимпиады, через год, в 1961 году, восполнил этот пробел, а потом четырежды выигрывал Кубок СССР. На следующий после Токийской олимпиады год наша команда, сохранив свой «золотой» состав, выиграла чемпионат мира в парижском зале имени Пьера де Кубертэна.

Асатиани всю жизнь оставался рыцарем спорта, рассматривая свои победы в генетической связи с соотечественниками, отстаивающими мечом и щитом свою свободу и славу. В какой книге мог он узнать то, что в течение десятков лет дарил ему спортивный мир. Признавался: никогда бы при других обстоятельствах не встретил бы на чемпионате мира в Буэнос-Айресе

грузина, который без устали повторял: «Куда только не занесет судьба человека!» И плакал, как ребенок, не стыдясь слез. Этот пожилой человек, доселе не знакомый с фехтованием, приходил на все матчи нашей команды, занимая место в первом ряду.

В Токио одним грузинским саблистом могло быть больше. Путевку на Олимпиаду по итогам сезона себе обеспечили Рыльский, Асатиани, Мавлиханов, Ракита. Оставалась неразыгранной одна вакансия. Цена ее – победа в чемпионате СССР. Морис Сахвадзе прекрасно провел весь чемпионат и вместе с Асатиани и Борисом Мельниковым становится участником перебора за 1-3 места. В его поединке с Мельниковым счет ничейный – 4:4. Один удар отделяет Мориса от Токио. Но удача улыбается ленинградцу. Второй перебой... И снова один укол лишает Мориса, серебряного призера, права на место в сборной.

Но слушаем Асатиани: «Морис находился в наилучшей форме и считался фаворитом, но не поехал в Токио. В том чемпионате он трижды победил меня. До сих пор многие думают, что я не боролся с ним в полную силу. Это ошибочный вывод. Мы много раз встречались друг с другом, но никто не припомнит хотя бы одного сознательно сданного боя. Просто в Минске Морис был подготовлен лучше других, о чем говорят его блестящие победы над Рыльским, Ракитой, Мавлихановым...»

Каким благородством пронизано это призвание, на которое способны только большие души!

Нугзар Асатиани был рыцарем без страха и упрека. Прозванный грузинским д'Артаньяном.

Через несколько десятилетий Морис Сахвадзе снова заставил заговорить о себе мир.

В те дни мысли Мориса часто обращались к Еревану. В Армении намечался международный турнир по шпаге, а еще через день – турнир рапиристов европейской зоны, на котором разыгрывались по две олимпийские лицензии. Моего собеседника связывают с этими соревнованиями не только служебные

обязанности. На вопрос, чем стал для него этот город – отвечает просто: «Там я родился во второй раз». И называет точную дату – 30 сентября 1996-го.

Поневоле вспомнились слова Гарегина Севунца, прибывшего в Тбилиси на руставелевские юбилейные торжества. Армянский писатель, чьим «Тегераном» мы зачитывались, мне сказал: «Наши два народа живут рядом, так близко, что мы слышим, как бьется сердце соседа». События тридцатилетней давности вспомнились как нельзя кстати.

Сахвадзе привели в Ереван в прямом смысле сердечные дела. В 1994 году видный мастер клинка перенес инфаркт и был помещен в тбилисскую кардиологическую больницу, где лечащим врачом, – надо же такое совпадение – был Николай Андриадзе, экс-чемпион мира среди юниоров-рапиристов. Мориса поставили на ноги, но он продолжал лечение, два года спустя, на Олимпиаде в Атланте, где он находился в качестве члена судейской комиссии Международной федерации фехтования, у него вновь по-настоящему заболело сердце.

Вот тогда в журнале ФИЕ была опубликована информация: Сахвадзе попал в беду. Требовалась операция, и, как в изрядно позабытом французском фильме «Если парни всего мира...», началась волнующая акция, подтвердив, что добро спасет мир. В Тбилиси потекли денежные переводы от коллег-фехтовальщиков, федераций России, Франции, Тайваня, от международной.... Одними из первых откликнулись друзья по спорту – Юрий Осипов, Арчил Гогелия, Гурам Джаиани. Решили оперировать в Ереване, где, как стало известно, от соседа Мориса, журналиста Рудольфа Ахпателова, в прошлом корреспондента Арменпресса, имеется соответствующая клиника.

В аэропорту их встретили руководители национальной федерации фехтования. Выяснилось, что наш тбилисский рапирист Грачик Гаспарян состоит в родстве с доктором Константином Тер-Восканяном.

Морису становилось все хуже. Вызванная по телефону 911 «скорая» доставила его в больницу, а наутро в Детском кардиологическом центре Армении обследования доктора Шагена Хачатуряна подтвердили необходимость немедленного хирургического вмешательства. Операция – аортокоронарное шунтирование – проведенная директором центра, профессором из США Акопом Овакимяном, заняла пять часов. Наутро Мориса в буквальном смысле поставили на ноги, на второй день он начал ходить, на шестой – выписался из больницы и отметил в ресторане с армянскими друзьями свое второе рождение.

Такова вкратце история чуда, приключившегося с Морисом Сахвадзе, человеком, верным идеалам рыцарства и мушкетерского духа с молодых ногтей, когда он, совсем еще мальчишкой, вместе с Нугзаром Асатиани и Гурамом Костава, будущим бронзовым призером Токийской олимпиады в фехтовании на шпагах в личном зачете, пришел на первые занятия в фехтовальный зал к Трифону Месхи и в 60-х годах утверждал высокий авторитет грузинской фехтовальной школы.

Морис на боевой дорожке ни перед кем не пасовал. В 1960 году, выступая за сборную «Буревестника» вместе с Асатиани, Череповским и Мельниковым, завоевал золотые медали в командном чемпионате страны, которые ЦСКА заведомо считал своими, имея в своих рядах Тышлера, Мавлиханова, Ракиту, Кузнецова. Окончательный счет этого матча не нарушил равновесия – 8:8, но студенты нанесли на два укола больше.

В 1963 году его – невероятно, но факт – посчитали неперспективным, лишили стипендии, а он ответил чиновникам от спорта по-чемпионски – выиграл Кубок СССР, через год был вторым и завоевал золотые медали командного чемпионата, выступая уже за динамовцев вместе с Рьльским и Асатиани против тех же армейцев. Выпускник горного факультета ГПИ и Грузинского института физкультуры, участник пяти Спартакиад народов СССР, в 1971 году зачехлил оружие и 15 лет работал государственным тренером Спорткомитета Грузии.

МЫ ГЛАДИАТОРЫ

Нодар Ахалкаци не скрывал досады. За окном догорал осенний день, звенели мячи – тбилисские динамовцы готовились к ответной кубковой встрече в Будапеште. Первая дома была проиграна вчистую, с крупным счетом, и это внушало опасение за судьбу двухраундового поединка с МТК, опытным соперником, ошибок не прощающим.

«Сезон выдался для нас трудный, – сказал Ахалкаци, – ряд ведущих игроков травмирован, а половина состава представлена молодыми футболистами без опыта ответственных встреч. Поэтому приходится латать состав, решать сложные проблемы во всех линиях. Мы играли без травмированного Давида Кипиани, а что означает для команды потеря Кипиани, хоть и временная, говорить не приходится – из двенадцати голов динамовцев в играх осеннего чемпионата страны-76 десять забиты Давидом или при его участии. Говорю об этом, чтобы яснее увидели стоящие перед командой задачи, ее нынешнее состояние. На игру с МТК мы вышли с установкой делать ставку на первую четверть часа, забить быстрый мяч, а потом отойти назад и играть со спокойной головой. Наши молодые игроки с этой задачей не справились, прежде всего из-за отсутствия у них опыта международных встреч».

В сезоне их у команды действительно было мало. Динамовцы выехали на турнир в Испанию, где провели две игры, не имея при этом ни одной тренировки, да еще незадолго до этого на тренировочном сборе сыграли со студенческой сборной Японии. Так впустую был растратен пятидневный интервал в неудачном эксперименте союзной федерации с двумя однокруговыми турнирами, который не пошел на пользу ни отечественному футболу в целом, ни сборной страны, готовящейся принять участие в четвертьфинале первенства Европы и футбольном турнире Олимпиады в Монреале, ради которой принесли в жертву всесоюзный

чемпионат, ни командам высшей лиги, подчеркнув серьезный кризис. А ведь весной тбилисские динамовцы радовали нешаблонностью действий, техничной темповой игрой, задором молодых, уверенностью ветеранов. И бронзовые медали были наградой игрокам и молодому тренеру из новой волны специалистов, которого до этого знали как интересного нападающего, начальника команды и помощника многоопытного Михаила Якушина, «хитроумного Михея», для кого в футболе не было секретов. А потом Нодара Ахалкаци увидели во главе Управления футбола Спорткомитета Грузии, и этот новый человек, опровергая каламбур, связанный с его фамилией и назначением, новичком никак не был, и в руководимой им команде в том семьдесят шестом появилось немало интересных современных веяний, хотя не всегда удавалось сыграть, как задумывали, как хотелось бы, и специалисты ждали если не постоянства результатов, то постоянства игры – свидетельства высокого класса.

Но уже пришла к динамовцам долгожданная победа в розыгрыше Кубка СССР – шестой финал оказался счастливым. Уверенно прошли они первого соперника в европейском Кубке кубков – «Кардифф Сити», и тренер валлийцев Джеймс Эндрюс признал, что тбилисская команда, о которой они мало что знали, больше по прессе, укомплектована техничными игроками, играет в европейской манере и по уровню подготовки не уступает сильным клубам первой лиги чемпионата Англии.

Но почему невесел ее молодой тренер? Он объясняет: из-за не совсем правильной реакции на отдельные выступления наших футболистов. Зритель на трибуне может не знать, что в матче с венгерским клубом МТК Канталадзе не вышел на поле по причине болезни, а не по прихоти тренеров, но вести себя должным образом во время соревнования он обязан.

«Мы гладиаторы, – сказал мне Ахалкаци, – уже через два дня после матча с венграми команда сыграла в Москве с армейцами, 27 октября в Донецке – с «Шахтером», 30-го дома – с «Зенитом». Прибавьте к этому многие

часы, потерянные в аэропортах в ожидании летной погоды, и согласитесь с заслуженным тренером СССР Виктором Масловым: «А когда же тренироваться?» В самом деле, когда? 4 ноября, на следующий день после кубкового матча в Будапеште, мы прибудем в Москву, а уже шестого предстоит играть с торпедовцами, которые всерьез нацелились на золотые медали. Просили мы перенести эту встречу хотя бы на два дня, но нам отказали. Речь идет не только о физических возможностях футболистов – за два дня можно восстановить силы – об их психологической подготовленности к очередной встрече.

Смешно говорить, но поражение с венграми случилось на снабжении динамовской базы продуктами. Отправленный за мясом снабженец вернулся с пустыми руками: «Отказали». Мне в ноябре выводить игроков на заснеженное поле московского стадиона, а я сегодня не уверен, что могу предложить им кусок хорошо прожаренного мяса.

Кусок мяса – вспомнилась проблема боксера, героя одноименного лондонского рассказа. И там он довершил бы дело! Вот чего не хватало Тому Кингу, когда он наносил решающий удар («Гладиаторов кормили», – согласился со мной наш именитый борец Мераб Гудушаури, кому я рассказал о том разговоре). Словно читая мои мысли, Ахалкаци тогда продолжал: «Люди видят только парадную сторону футбольного действия. Большая его часть невидима глазу. Об этом в газете не напишешь».

А если написать? Разговор со старшим тренером динамовцев Тбилиси пошел в номер без купюр. На следующий день в ЦК партии редактору выговаривали за смелость, о чем он рассказал, вернувшись с понедельничного совещания. «И все же мы правы», – говорю ему, напоминая мудрую сентенцию Ильи Чавчавадзе в мастерском переводе Арсения Тарковского: «Диво ли считать счастливым братом? Нет не этим славен подвиг твой! То ли дело – братство с небогатым, угнетенным горькою судьбой!» – «Да, конечно», – согласился редак-

тор без обычной уверенности в голосе.

Мог и я отнести на свой счет слова Ахалкаци о гладиаторах, когда с марта по ноябрь, на протяжении всего долгого футбольного сезона, писал в номер отчеты о матчах, звонил в Англию, Венгрию, Мексику... Искал динамовцев по всей Швейцарии накануне кубкового матча с «Грассхопперсом», ради нескольких строчек в газете, новости, вынесенной в заголовок: «В Цюрихе идет снег». Строчка эта и сегодня мне представляется прекрасной, как название песни Сальваторе Адамо.

Нет, не забывается с годами тот разговор с Ахалкаци на динамовской базе, в рабочей комнате, места в которой хватало только на узкую армейскую койку и стол, который был хозяину обеденным и письменным. «Футболисты спят за стеной, – сказал он, – а ты сидишь всю ночь, читая и исписывая тонны бумаги, ведь чтобы иметь право учить, надо знать все новое, много знать...»

Так говорил великий тренер из триумvirата Бесков – Лобановский – Ахалкаци, с чьим именем связаны громкие успехи динамовцев Тбилиси в 70-80-е годы – победы в двух розыгрышах Кубка СССР, в чемпионате страны, наконец, победный финал в Дюссельдорфе.

13 мая 1981 года на «Райнш-стадионе» прекрасная режиссура футбольного спектакля Ахалкаци, высокая техника и яркий талант импровизации динамовского коллектива, голы Гудзаева и Дараселия во втором тайме помогли победить «Карл Цейс» (Иена, ГДР). Котэ Махарадзе, которому довелось вести свой самый счастливый репортаж, писал: «Нашлись «специалисты», которые высчитали корень моей фамилии – грузинское слово «махаре», что в дословном переводе означает: «Обрадуй меня!» или «Сообщи мне радостную весть!»

В тот день прославленный актер и спортивный комментатор, по его собственному признанию, полностью оправдал семантическую основу своей фамилии.

Я СКАЗАЛ ЛЮБЯ

«Смотри, кто пришел, - сказал участник двух Олимпиад Юрий Дьячков жене, принимая меня в своем доме на улице Братьев Зубалашвили, - друг детства». Таких встреч, к сожалению, все меньше - иных уж нет, а те далече. «Где ты был до сих пор?» - упрекнул меня олимпийский чемпион Хельсинки Рафаэл Чимишкян. «В самом деле, где был?» - повторил чемпион мира в Мар-дель-Плата Зарбег Бериашвили, которому я рассказал про этот неожиданный упрек. Нас, коренных тбилисцев с Авчала и Сололаки, действительно многое связывает, в чем я убедился в разговоре за двумя бутылками ледяного шампанского, стоившего мне легкой ангины.

В рассказах о спорте не удержаться от рассуждений об этой удивительной сфере человеческой деятельности, хотя после «Оды о спорте» Пьера де Кубертэна все разговоры о нем кажутся пустой болтовней. После этого признания в любви, взволнованного и страстного, как библейская Песнь Песней. И все же, и все же...

«У каждого в мечтах Эверест, Выше галки заходятся в игре, Распрекрасная из невест, Несыгранная роль Гамлета», - писал я в стихотворении «Жена альпиниста». Говоря об Эвересте как извечном стремлении человечества к достижению высоты, мы забываем, что Бог словно бы специально вылепил эту Гору-красавицу, Гору-убийцу на пределе человеческих возможностей, на зыбкой грани жизни и смерти. Спорт высших достижений сегодня - та же зона повышенного риска, а не легкая прогулка в горах за Синей птицей. Те же шахматы - игра мудрецов и художников, да и другие виды спорта, которые не спешат назвать олимпийскими. Каждая травма, каждый стресс долго пульсируют болезненной точкой.

Вспоминаю давнюю шахматную партию на ведомственных командных соревнованиях, мало что

решавшую. Мой соперник на первой доске, просмотрев в результате комбинации потерю легкой фигуры, вознамерился взять ход назад. И дело не только в том, что мой визави, мастер спорта международного класса, но в вольной борьбе, повел себя неспортивно, - я пошел ему навстречу. Оба поступили ужасно, нарушив закон спорта, - бороться честно и открыто, после чего было бессмысленно продолжать поединок. И по прошествии времени воспоминание об этом ссаднит душу...

Так что же испытывают спортсмены, которых разделяли один шаг и несколько мгновений от высшей цели на Олимпиадах и чемпионатах мира из-за фатальных случайностей? Какой же пожар пылает в их душе все эти годы!

Меньше всего я желал объять необъятное, создать нечто энциклопедическое. Сделать это очень непросто в наше трудное время, когда знаешь в процессе работы, что с каждым новым героем, с каждой отпечатанной страницей удорожается издание. Эта мысль посещает тебя в самое неподходящее время - дамокловым мечом перед глазами.

И тогда приходится сдерживать перо, не растекаясь мыслью по древу.

Продолжаю верить, что только добрый и хороший человек может быть значительным, великим спортсменом. Эта же мысль, на мой взгляд, верна в отношении писателя и журналиста. «Ты пропускаешь героев через свое сердце», - сказал мне знакомый писатель. А иначе и быть не могло. Добро - вот камертон, которым мы определяем непреходящую ценность литературного произведения, будь то роман, рассказ или стихотворение. Очень хочется верить в победу добра в наше время ядерного безумия и оголтелого терроризма, в то, что именно оно спасет мир.

III ВЕРТИКАЛЬ

ГЕГАРД

В скале увидев храма стены,
Творя без права на ошибку,
Твой мастер преклонил колени
Пред красотой, из камня вышедшей.

Сам заключил ее в неволю,
Спасая от нескромных глаз.
Знал: красота немного стоит,
Нагой распятой напоказ.

Свет лился от вершины купола,
И свечи жгли в подземной церкви,
Но кто-то невидимкой кутал
В сумрак ночи отличья гербов.

Придя к тебе, как бедный странник,
Не веря в образа уже,
Я красотой снова ранен,
Храм унося в своей душе.

Как может мир перевернуть
Одна невиданная встреча,
И круто изменить нам путь,
Еще невидимый в тот вечер.

Май одарил мою судьбу
Тобой – единственной на свете.
Я до тех пор был просто грум,
А ты ждала меня в карете.

ИСПЫТАНИЕ

Меня все сны одолевают,
И что ни сон – то невпопад
Не в жар, а в ад меня бросает
Неделю целую подряд.

И что ни сон – опять задача,
Решать которую берусь:
То в драке недодал я сдачи,
То неисполненного грусть.

И сам себя экзаменую,
И строго самого сужу,
Но променять жизнь на иную
Пока я все же воздержусь.

СТАНЦИЯ «СПИТАК»

Из далекого детства,
Где все было не так,
Выплывает как действие
Слово боли «Спитак».

В безмятежное утро
Разгонялся состав,
Всем нутром своим утлым
От движенья устав.

Побежала вдоль окон
Бедных домиков цепь,
Будто нужно им очень
За составом поспеть.

Был ли знак подан вещий
Провозвестником ран.
Собирали мы вещи –
Выходить в эту рань.

Из далекого детства
Под колес мерный такт
Только пишутся действия
Драмы века «Спитак».

ПОХВАЛА РАЗУМУ

С возрастом становишься мудрее,
Замечая и просчет других.
Убежденный твердо в своей вере,
Удивляешь знанием, как гид.

Так заведено: к закату жизни
Разум сидит впору, как костюм.
Пусть твои желания поникли,
Рассуждаешь, как философ Юм.

Вот и вся нехитрая наука,
Лучшей правды, право, не найти.
Разум – замечательная штука,
Если не задержится в пути.

СКЕРЦО

В. Гоишвили

«Лагуна Вера» –
Веры лагуна.
Готов поверить
Не одной лгунье.

Наплыв как в Сочи.
Ну впрямь модели.
Как будто ночью
Воры раздели.

Глаза арабки.
Стреляют бойко.
Схватить в охапку,
Умчать на тройке.

Цыган и тройки
Сменили «мерсы».
Послать на стройку,
Вот было б весело.

Немее разум,
Вразброд глаза.
Обнять всех разом,
Да жаль, нельзя.

В РЕСТОРАНЕ

За шампанское давно уже уплачено.
Что не выпито – уносим как трофей.
Апельсины позолотой схвачены
И милее скользких трюфелей.

Есть интрига встречи в каждом блюде.
Анекдоты расстреляй, стихов обойми.
Не пребудет нас и не убудет,
Все навеселе и тем довольны.

Наш приятель из другого теста,
Он немало выпил и потехи ради
Пляшет все лезгинку под оркестр,
И ему за представление рады.

Нож зажат в зубах зверино-крепких,
Со стола заимствован у нас.
Сам танцор он ровно метр с кепкой,
И отбой нам, видно, не указ.

Кто-то перебрав, утрюм, невесел.
Официанты - стенкой. Женский визг.
На перилах гроздьями «одессы»
Девочки повисли – пьяны вдрызг.

От вина и шума ты растерян.
Для кого-то вечер впрямь прекрасный.
Девочки мешают – их портьерой
В сторону сдвигают парни в красном.

Ну а после было все иначе.
Мы как стеклышко и по-спортивному легки.
Апельсины теннисными мячиками
По ступенькам мчат вперегонки.

СТРОЮ КНИГУ

Снова я по жизни строю книгу,
Вспоминая что-то второпях,
Будто поутру на выпас выгнал
Трогательно-ласковых телят.

Пахнущую типографской краской,
Книгу ты листаешь не спеша.
Знаешь, пруд затягивает ряска,
Коль к воде не убыстряют шаг.

Между строк находишь следы спешки.
Королева ты, я твой вассал.
Согласись, что мы в стихах не пешки,
Просто отчего-то я устал.

Не судите меня слишком строго,
Будь и ты внимательна ко мне.
Сколько раз по жизни был растроган –
Отдалялся, не сойдясь в цене.

ИНФАРКТ

Я, как стебель к корню поникший,
Распростерт на каталке больничной.
С медсестрой, не знакомой с Ницше,
Мчим на скорости, и она – за рикшу.

В коридоре редкие встречи
Липнут спинами к серым стенам.
В этот час черед стендов
Стала узким тоннелем вечности.

Ницше миф о сверхчеловеке
Оказался обычными драками.
Вот и лев – властелин природы –
Мертвый хуже живой собаки.

Говорят, что планета в опасности,
Мир, возможно, спасет красота.
Только, знаешь, мне это без разницы.
Ситуация в корне не та.

Разуверился в чьей-либо помощи,
Исчерпал я доверья лимит,
Только жалость прочел к своей немощи –
Женских глаз беспощадный вердикт.

ИТОГ НЕ ЗНАЯ ДО КОНЦА

Не зная кораблекрушений,
Впрягаясь в свой рабочий стол,
Готов ты одолеть лишения,
Не покидая порт Бристоль.

Вновь магии подвластны слова,
Открыты таинства широт,
И в приозерье Гумилева
Изысканный жираф живет.

Как сколок кокнутой копилки,
Букетом выдержанных слов
Стих в закупоренной бутылке
Достигнет дальних берегов.

Покрыв просторы океана,
Через десятки тысяч миль
Пленяет светом осиянный
И повсеместно будет мил.

Природа суть каприз явлений
И сокрушительных стихий.
В каждом бою есть упоенье,
И упоенья знак – стихи.

И если недруги не съели,
Как чужеродного тельца,
Достигнешь ты конечной цели,
Итог не зная до конца.

ВЕРТИКАЛЬ

Все зависит от того, КАК вы читаете стихи.

Я их читаю доверчиво.

Я свято верю в то, что не дело литературоведа влезать в поэтическую кухню и поучать автора, какими ему пользоваться рифмами, метафорами, сравнениями, ритмом... Правила игры диктует поэт. Если он – Поэт. А я лишь благодарно подчиняюсь.

Арсен Еремян – поэт. Ему и командовать. Пусть он объяснит мне, что такое поэзия. Я прилежный ученик.

Наш город – город стихов. В Тбилиси могут общаться стихами, говорить тосты стихами, иногда мне кажется, что мои земляки и сны видят в стихах. Тбилисца стихами удивить очень сложно, а уж профессионального филолога, каковым является автор этих заметок, – и подавно. Арсен Еремян смог удивить. Настолько свежие его строчки, настолько – и это главное – незаемные!

С радостью и изумлением узнаю, что в моем городе, где – через одного – все слагают рифмованные строчки, живет поэт, который без малейшей пошлости (от слова «пошло», то есть затвержено, надоело, всем известно), с чувством меры, вкуса и достоинства пишет свои стихотворения. Сквозняк! Свежий ветер! Пастернак ценил в поэзии «неслыханную простоту», и мне неизвестны иные мерила поэтического дарования.

Невыносимо, если поэт на кого-то похож. Непри-

емлемо, если поэт все время с кем-то аукается, пере-кликается. «Неслыханно» и «просто» пишет Арсен Еремян.

Как уже было сказано, я принимаю правила поэта и не навязываю своих.

Я принимаю прерывистый ритм его стихотворений, потому что понимаю – это его прерывистое дыхание, это взволнованная речь равнодушного человека... Вообще, равнодушие и умение быть благодарным, как мне видится, – его отличительные черты. Сбивается дыхание, сердце бьется торопливо, эмоции волнами накатывают одна за другой, память прокручивает свою бесконечную киноленту... Отсюда – сбивка ритма, отсюда – стоп-кадры, отсюда – интенсивность рассказа. Сгоряча, выстраданно. И я с радостью попадаю в этот ритм. И понимаю – если он сбивается, значит, мне, читателю, необходимо встряхнуться, оглядеться, посмотреть вокруг повнимательнее...

Арсен Еремян – очень неповерхностный поэт. И я принимаю его неточные рифмы. Конечно, нам известен постулат, озвученный Арсением Тарковским, «неточные рифмы – это плохой тон». Но несомненно и другое. Поэт – раб языка. И иной раз язык выделяет с пишущим человеком невероятные вещи, извлекая из своих глубин такие неведомые пласты, нечто настолько неизведанное и неожиданное, что поэту остается только послушно записывать, а читателю – читать, удивляться и наслаждаться. Арсен Еремян – раб языка. Он делает рифмами языковые созвучия. И хотя он, конечно, не первопроходец в этом, но, смело нарушая рифмо-ритмические каноны, магистрально пронося мощный интеллектуальный посыл (афористичный, хоть с ходу записывай и запоминай), он и дарит читателю стихотворения, отмеченные авторской самобытностью.

Безусловно, в ремесле поэзии (а поэзия – это и ремесло) почти невозможен поэт-недоучка, поэт

– плохой и неблагодарный ученик, поэт – родства непомнящий. Мне кажется, что А. Еремян хорошо знает Тарковского, Пастернака, Самойлова. Думаю, что ему близок К. Симонов – удивительнейший поэт в прозе и прозаик в поэзии, сумевший облагородить и воспеть то, что, казалось бы, находится за гранью стихотворчества.

Я надеюсь многому научиться у автора книги «Автограф». Он ироничен. Он щедр. Он незлобив. Он начитан. Он исключительно благодарный человек. Он умеет любить. Я думаю, что, по прочтении стихотворений Арсена Еремяна, и мне – его благодарной читательнице – перепадет немного той Любви (в высшем ее смысле), которой наполнена его книга.

Спасибо за это.

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К.-М. Коринтэли. люди, события, эпоха</i>	5
--	---

Рассказы разных лет

Глава I. ВЕЛИКАЯ ОБЩНОСТЬ

ВЕЛИКАЯ ОБЩНОСТЬ	9
ДОМИНАНТА	10
СОБАКА И УЛИЦА	16
СТРАХ	19
РОБИНЗОНЫ В ГОРОДЕ	23
БЕСАМЕ МУЧО	26
ИДУЩИЕ НОЧЬЮ	31
МАЛЬЧИК НА СТУПЕНЬКЕ	35
ВОТ КАКАЯ БЕДА	37
ОЧКИ НАДЕНЬ	41
ПОСЫЛКА ИЗ НЬЮ-ЙОРКА	47
ВИРТУОЗЫ ДОКТОРА ВЕРДИЯНА	55
УРОКИ ГИГОЛОВА	62
КАК ДАНАИДЫ В СТАРИНУ	70
ВСЕ ПРОХОДИТ	76
ТЕНЬ ОТЦА ГАМЛЕТА	84
СЕ-ГО-КЮ	87
ЗАВЕЩАНИЕ ГРОССМАНА	91
МУЧЕНИК С ВОЗНЕСЕНСКОЙ УЛИЦЫ	103
ШАГНИ В БЕЗДНУ	111
БРИЛЛИАНТЫ ВСЕГДА В ЦЕНЕ	116
СОЛЬВЕЙГ НЕ ПРИБЕЖАЛА НА ЛЫЖАХ	126
МАРИНА	132
ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ	137
«НЕ ПЛАЧЬТЕ ОБО МНЕ...»	140
ДВЕНАДЦАТЬ РАЗГНЕВАННЫХ МУЖЧИН	145
НАМ ТАНКОВ НЕ ДАВАЛИ	151
ГЛАДИАТОР ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ	155
ЭТИ ДВАДЦАТЬ МИНУТ	162

Глава II. СВЕТЛОЕ ИМЯ

«КРЕЙСЕР» СПУСТИЛСЯ С ГОР	165
«ГОМЕР ЖИЛ В НАШЕЙ КВАРТИРЕ»	173
ТЯЖЕЛЫЕ ПЕРЧАТКИ	178
ОБРЕЧЕННЫЙ НА ЛИДЕРСТВО	185
СВЕТЛОЕ ИМЯ	191
НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ	198
ВРАТАРЬ СТАЛИНА	206
ЖЕЛЕЗНЫЙ ТБИЛИСЕЦ	215
У КАЖДОГО В МЕЧТАХ ЭВЕРЕСТ	223
ЧЕМПИОН НА ВСЕ ВРЕМЕНА	228
ДОГОНЯЮЩИЙ СЕБЯ	233
ТАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ	240
СМЫСЛ ВСЕЙ ЕГО ЖИЗНИ	246
НЕПОБЕЖДЕННЫЙ	254
ФИНТ МЕСХИ	264
МОЦАРТ ГИМНАСТИКИ	269
РАЗВОДЯТ ДРУЗЕЙ ОКЕАНЫ	277
АЛГОРИТМ ПОИСКА	287
МУШКЕТЕР ВЕРИЙСКОГО КВАРТАЛА	292
«КУНАК КУНАКУ ЕСТЬ БРАТ...»	298
ТИКАНАДЗЕ МУДРЫЙ БЫЛ	301
ОН НАУЧИЛ ГОРОД ПЛАВАТЬ	308
ИМ СНИЛАСЬ САБЛЯ	314
МЫ ГЛАДИАТОРЫ	320
Я СКАЗАЛ ЛЮБЯ	324

Глава III. ВЕРТИКАЛЬ

ГЕГАРД	326
«КАК МОЖЕТ МИР ПЕРЕВЕРНУТЬ...»	327
ИСПЫТАНИЕ	328
СТАНЦИЯ «СПИТАК»	329
ПОХВАЛА РАЗУМУ	330
СКЕРЦО	331
В РЕСТОРАНЕ	332
СТРОЮ КНИГУ	333
ИНФАРКТ	334
ИТОГ НЕ ЗНАЯ ДО КОНЦА	335
<i>Н. Зардалишвили.</i> ВЕРТИКАЛЬ	336

Арсен Леонович Еремян
РОБИНЗОНЫ В ГОРОДЕ

Редактор
К.-М.Коринтэли

Дизайн
А.Еремян
Д.Элбакидзе-Мачавариани

Технический редактор
Э.Ахсахалин

Компьютерная верстка
Д.Элбакидзе-Мачавариани

Компьютерный набор
А.Еремян
Е.Галашевская

არსენ ლეონის-ძე ერემიანი
რობინზონები ქალაქში
(რუსულ ენაზე)

Еремян А. Л.
Робинзоны в городе
Рассказы разных лет.
Тб., 2009. - 344 с.

Арсен Еремян родился в Тбилиси, в Грузии.
Окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета по специальности «русский язык и литература». Работал в редакциях газет «Вечерний Тбилиси», «Заря Востока» («Свободная Грузия») и др. и на партийной работе. Заслуженный журналист Грузии. Книги А.Еремяна выходили в Тбилиси и Москве.
Настоящий сборник – собрание избранных рассказов разных лет и стихотворений 2008г.

